ПОВѢСТЬ

О

БОРИСѢ ГОДУНОВѢ

И

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

НАПИСАЛЪ П. КУЛИШЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1857.

9(47)
К-90

ПОВѢСТЬ

О

БОРИСѢ ГОДУНОВѢ

И

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

НАПИСАЛЪ П. КУЛИШЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1857.

Центральний Державний
БІБЛІОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 14 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,
въ Николаевской улицѣ, въ домѣ г-жи Яценковой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недостатокъ книгъ по предмету исторіи, которыя могли бы читать съ пользою молодые люди, безъ особенной, спеціальной цѣли, чувствуется у насъ до сихъ поръ. Причиною тому не столько отсутствіе способностей въ сочинителяхъ, сколько несчастная манера все скрашивать передъ дѣтьми и выставлять однѣ добродѣтели тамъ, гдѣ естественно могутъ быть и пороки. Обыкновенно думаютъ, что молодые люди, увидѣвъ низость души въ занимающихъ передовыя мѣста въ гражданскомъ обществѣ, или нравственный развратъ въ цѣ-

ломъ поколѣніи извѣстной эпохи, потеряютъ уваженіе къ старшимъ и любовь къ родной національности, — какъ-будто дѣтскій умъ только и живетъ книгами. Передъ нимъ ежедневно раскрывается дѣйствительность, во всей поражающей наготѣ своей, и, не смотря на то, изъ дѣтей выростаютъ люди благородные, любящіе свое отечество и готовые для блага его на всѣ пожертвованія. Низкія страсти и дурные поступки окружающихъ ихъ людей вовсе не подавляютъ въ ихъ молодыхъ душахъ стремленія къ добру. Напротивъ, раннее уразумѣніе лицемѣрія, хищности, предательства и другихъ нравственныхъ пороковъ раждаетъ въ нихъ непреодолимое отвращеніе ко всему недостойному. Кто изъ людей честныхъ не знаетъ этого по себѣ?... Полный вѣры въ святость юношеской натуры, которая изо всего извлечетъ себѣ побужденіе къ стремленіямъ чистымъ и возвышеннымъ, издаю свою повѣсть о томъ времени, когда упадокъ нравственныхъ достоинствъ въ Русскомъ гражданскомъ обще-

ствѣ открылъ просторъ для низкихъ происковъ людей своекорыстныхъ и коварныхъ, и поколебалъ-было основы государственной жизни Русскаго народа до степени, близкой къ разрушенію. Дурное пускай у меня будетъ дурнымъ, хотя бы оно наводило на моихъ читателей грусть, что на Руси въ-старину мало было хорошаго. Эта грусть благотворна: она заставитъ каждаго желать сильнѣе и всѣми мѣрами содѣйствовать, чтобы теперь и на будущее время было хорошаго побольше...

П. Кулишъ.

ПОВѢСТЬ

О

БОРИСѢ ГОДУНОВѢ

И

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Характеръ Ѳеодора, преемника Іоанна Грознаго. — Раздѣленіе бояръ на партіи. — Димитрій удаляется въ Угличъ. — Замыселъ Бѣльскаго и возстаніе противъ него народа. — Шуйскіе. — Возвышеніе Годунова. — Шуйскіе дѣйствуютъ противъ него посредствомъ Мстиславскихъ — Мстиславскій падаетъ; Шуйскіе дѣйствуютъ рѣшительнѣе. — Митрополитъ Діонисій миритъ ихъ съ Годуновымъ. — Торговые люди. — Шуйскіе сломлены; Діонисій лишенъ сана и заточенъ. — Митрополитъ Іовъ.

Въ 1584 году умеръ Московскій царь Іоаннъ Четвертый, славный увеличеніемъ своего государства, извѣстный законодательною мудростью и прозванный, за строгое правленіе свое, Грознымъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Ѳеодоръ, юноша слабаго здоровья, съ малолѣтства привыкшій къ уединенію и склон-

ный болѣе къ иноческой жизни, нежели къ дѣламъ государственнымъ. Онъ проводилъ время преимущественно въ занятіяхъ отшельника: то читалъ церковныя книги, въ комнатѣ, убранной иконами и освѣщенной никогда неугасающими лампадами; то посѣщалъ церкви и монастыри; часто самъ надѣвалъ монашескую одежду. Заботы правленія возложилъ онъ на членовъ верховной думы; предоставилъ себѣ только право миловать и благотворить. Со вступленіемъ на престолъ, частная жизнь его ни въ чемъ не перемѣнилась: такъ же какъ и прежде, являлся къ нему ежедневно въ четыре часа утра духовникъ, съ крестомъ, благословеніемъ, святой водою и съ образомъ угодника Божія, означеннаго на тотъ день въ святцахъ; такъ же какъ и прежде, послѣ земныхъ поклоновъ и молитвъ передъ образомъ, отправлялся онъ къ своей супругѣ, царицѣ Иринѣ, въ ея отдѣльныя комнаты, и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ; такъ же строго соблюдалъ налагаемые на себя посты и другіе благочестивые обѣты. Царица Ирина имѣла свой особенный столъ и только заговѣнье проводила вмѣстѣ съ царемъ-отшельникомъ.

Естественно, что члены верховной думы, имѣя въ своихъ рукахъ болѣе власти, нежели въ предшествовавшее царствованіе, старались взять верхъ одни

надъ другими. Еще въ ночь кончины царя Іоанна Васильевича Грознаго, начальные люди раздѣлились на партіи: одни были болѣе привержены къ Ѳеодору, другіе къ младшему его брату, Димитрію. »Димитрій младенецъ«, говорили эти послѣдніе, »но въ немъ виденъ отцовскій умъ, а Ѳеодоръ хоть и взрослый, да разумомъ ребенокъ.« Прежде всѣхъ осмѣлился высказать такую мысль бояринъ Богданъ Бѣльскій, которому царь Іоаннъ Васильевичъ передъ смертью поручилъ надзоръ за воспитаніемъ Димитрія. Какое побужденіе управляло этимъ сановникомъ, не трудно догадаться: возведеніе на престолъ воспитанника доставило бы воспитателю первенство въ государствѣ. Родственники Димитрія, Нагіе, постарались распространить въ народѣ убѣжденіе въ пользу младшаго царевича, и далеко бы это пошло, если бы сторона царевича Ѳеодора не приняла мѣръ рѣшительныхъ. Къ Нагимъ приставлена была стража; нѣкоторые опасные люди удалены были изъ столицы, и въ ту же ночь всѣ знатные Москвитяне присягнули старшему брату.

Нагіе тогда поняли, что Димитрію, съ его правами на престолъ, признаваемыми народомъ, опасно оставаться долѣе въ Москвѣ, и поспѣшили увезти его въ городъ Угличъ, назначенный ему отцомъ въ удѣлъ.

Бѣльскій самъ хлопоталъ объ этомъ, но хлопоталъ для того только, чтобъ удаленіемъ Ѳеодорова совмѣстника усыпить осторожность противной партіи. Онъ полагался на усердіе къ нему стрѣльцовъ, которые столько же любили въ немъ своего стараго предводителя (во время опричнины), сколько народъ его ненавидѣлъ. Съ его возвышеніемъ, стрѣльцы сами надѣялись имѣть больше значенія, нежели подъ правленіемъ кроткаго и уединеннаго Ѳеодора. Для грубыхъ ратниковъ этого было довольно, чтобъ усердствовать честолюбивому боярину, и они начали дружно готовиться съ нимъ на отважное дѣло. Но сторона Ѳеодора была управляема братомъ его жены, Борисомъ Годуновымъ, человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и рѣшительнымъ. Онъ повернулъ умы сограждан противъ опаснаго соперника. Среди ночи неожиданно вспыхнулъ мятежъ. Купцы, ремесленники, жильцы Московскіе и боярскіе дѣти, сверкая при свѣтѣ фонарей ножами, рогатинами и боевыми сѣкирами, приступили къ Кремлю, обратили Царь-пушку къ Фроловскимъ воротамъ и угрожали разбить ихъ. У стрѣльцовъ опустились руки при видѣ двадцати-тысячной толпы раздраженнаго народа. На вопросы высланныхъ отъ царя сановниковъ, нестройные крики множества голосовъ высказали подозрѣніе народа, буд-

то бы Бѣльскій задумалъ возвратить времена опричнины, низложить царя и всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ и *отдать власть надъ царствомъ своему совѣтнику, Борису Годунову*. Въ то же время тысяча другихъ голосовъ кричала только: »Бѣльскаго! выдайте намъ злодѣя Бѣльскаго!« Застигнутый такимъ образомъ посреди своихъ недовершенныхъ замысловъ, Бѣльскій потерялъ отвагу: забился въ царскую спальню, трепеталъ и молилъ о пощадѣ. Но приговоръ его напередъ уже былъ приготовленъ въ умахъ приверженцевъ Ѳеодора: Бѣльскаго немедленно сослали въ Нижній Новгородъ на воеводство. Народъ, удовлетворенный успѣхомъ своего требованія, разошелся по домамъ съ восклицаніями: »Да здравствуетъ царь! да здравствуютъ вѣрные бояре!« Все успокоилось. Но приступъ къ Кремлю, по случаю мятежа противъ Бѣльскаго, предвѣщалъ времена ужасныя. Это былъ отдаленный проблескъ молніи въ наступавшей уже тогда на Россію грозѣ внутреннихъ смутъ. Что касается до настоящаго момента, то это событіе поразило человѣка, который самъ же его и подготовилъ. Оно показано Борису Годунову, что въ числѣ его орудій есть люди, равно враждебные для него, какъ и для его противника, Бѣльскаго, — люди, которымъ досадно его возвышеніе и которые поку-

шались, искусно ввернутою въ общій ихъ замыселъ выдумкою, поразить разомъ обоихъ соперниковъ и занять первое мѣсто въ государствѣ. Довольно было Годунову одного взгляда на его совмѣстниковъ при дворѣ, чтобъ угадать, кто повернулъ противъ него умы черни, которую онъ самъ избралъ орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ.

На первомъ мѣстѣ стоялъ князь Иванъ Мстиславскій, славный по знатности рода между придворными. Но его ограниченныя способности и робкій характеръ ясно доказывали, что это не его было дѣло. За нимъ слѣдовали потомки удѣльныхъ князей Шуйскихъ. Они потеряли удѣлъ въ борьбѣ съ великими князьями, сражались противъ Москвы подъ Новгородскими знаменами и, когда Новгородъ палъ, перешли въ ряды бояръ Московскихъ. Здѣсь Шуйскіе не забыли своей старинной знатности и въ малолѣтство Іоанна Четвертаго успѣли достигнуть первенства между Московскими сановниками. Іоаннъ смирилъ ихъ потомъ, какъ и все именитое въ старой Руси; но, по его смерти, ихъ наслѣдственный непокорный духъ ожилъ съ новою силою, и въ эпоху смуть, наступившихъ съ воцареніемъ Бориса Годунова, Шуйскіе являются на театрѣ исторіи то тайными, то явными, но всегда самыми предпріимчивыми, самыми стойкими дѣй-

ствователями. На нихъ-то пала подозрительность Годунова. Онъ не имѣлъ еще средствъ дать имъ почувствовать свою силу, но, зная навѣрное, что будутъ новыя на него покушенія, готовился къ противодѣйствію.

Между тѣмъ власть его въ государствѣ возрасла. Въ прежнее царствованіе онъ былъ любимымъ человѣкомъ грознаго государя, но сила его между вельможами заключалась только въ умственномъ превосходствѣ да въ тайномъ страхѣ, какой внушалъ онъ каждому своимъ хитрымъ и мстительнымъ характеромъ. Теперь онъ вдругъ взошелъ и титломъ и богатствомъ на возможно высокую ступень въ государствѣ. Послѣ вѣнчанія, Ѳеодоръ далъ ему древній, высокій санъ конюшаго и титло *ближняго великаго боярина* и намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго, а предоставленные ему доходы съ областей составляли, вмѣстѣ съ особымъ денежнымъ жалованьемъ, такое богатство, какого, по замѣчанію Карамзина, отъ начала Россіи до нашихъ временъ не имѣлъ ни одинъ вельможа. Испуганный мятежомъ, Ѳеодоръ вручилъ ему безотвѣтственную власть въ управленіи царствомъ, и Бориса Годунова называли *правителемъ* не только въ отечествѣ, но и въ иностранныхъ государствахъ. Годуновъ теперь безъ труда привлекъ на свою

сторону, по крайней мѣрѣ наружно, искуснѣйшихъ людей государственныхъ, дьяковъ Щелкаловыхъ, а для связи съ старыми родами, подружился съ имениѣйшимъ по происхожденію бояриномъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Шуйскіе, съ своей стороны, опирались на приверженность многихъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, на любовь простолюдиновъ и на дружбу митрополита Діонисія, естественно имѣвшаго великое вліяніе на Ѳеодора; однакожъ боялись дѣйствовать прямо и зашли съ той стороны, съ которой Годуновъ меньше всего ожидалъ опасности: рѣшились дѣйствовать отъ имени сановитаго и почетнаго на Москвѣ князя, Ивана Мстиславскаго. Мстиславскій былъ самый несчастный простакъ, клонившійся на всѣ стороны. Ласкаетъ его Годуновъ — онъ радуется своему почету у самовластнаго правителя; Шуйскіе говорятъ ему о родовомъ старшинствѣ — онъ вѣритъ, что ему легко достигнуть въ государствѣ старшинства дѣйствительнаго. Отъ природы Мстиславскій не былъ золъ и коваренъ подобно Шуйскимъ, но событія Іоаннова царствованія притупили въ немъ, какъ и во многихъ другихъ боярахъ, отвращеніе къ убійствамъ. Долго колеблясь между робостью и тщеславіемъ (ибо голосъ человѣческаго достоинства говорилъ тогда рѣдко

сильнѣе этихъ чувствъ), старикъ наконецъ положился на могущество партіи Шуйскихъ и обѣщалъ, чего отъ него требовали: въ назначенный день позвать Годунова на пиръ и предать убійцамъ. Годуновъ открылъ заговоръ и надѣялся разомъ отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, но долженъ былъ ограничиться насильственнымъ постриженіемъ въ монахи бѣднаго старика Ивана Мстиславскаго, ссылкою въ дальнія мѣста Воротынскихъ, Головиныхъ и заточеніемъ въ темницы другихъ заговорщиковъ; Шуйскихъ же, при всей своей силѣ, на сей разъ, безъ явныхъ доказательствъ, коснуться не осмѣлился.

Это возвысило ихъ въ глазахъ приверженцевъ, гостей и черныхъ людей Московскихъ, которымъ было извѣстно, какъ усердно Шуйскіе хлопотали о гибели Годунова, готовя бунтъ противъ Бѣльскаго, и какое участіе принимали они въ разрушенномъ заговорѣ Мстиславскаго. Торговые люди стали смѣлѣе поговаривать, »что не долго, де, Татарской выродокъ (1) повеличается передъ исконными князьями Шуйскими.« Ихъ смѣлость сообщилась другимъ слоямъ общества. Удачный опытъ недавняго бунта ободрилъ чернь,

---

(1) Годуновъ происходилъ отъ мурзы Чета, выѣхавшаго въ Россію въ XIV вѣкѣ.

сильную многочисленностью. Видя верховную власть въ рукахъ согражданина, а не царя, она не признавала ея законности. Угрозы въ домахъ, въ кабакахъ, на улицахъ и площадяхъ сдѣлались до того открытыми и дерзкими, что самъ митрополитъ Діонисій ужаснулся и поспѣшилъ предупредить новую бурю миротворствомъ. Онъ умѣлъ найти для Шуйскихъ достаточныя выгоды въ согласіи, хотя на время, съ могущественнымъ царскимъ шуриномъ; а Годуновъ радъ былъ этому средству разрознить единодушіе простонародья и кущовъ съ старой аристократіей. Торговые Московскіе люди явились въ этомъ случаѣ сословіемъ дѣятельнымъ и неустрашимымъ. У митрополита идетъ мировая, а они собрались нетерпѣливою толпою около Грановитой Палаты и ждутъ, чѣмъ кончится дѣло. Они вовсе не желаютъ мира; они боятся, чтобъ онъ не состоялся. Въ борьбѣ съ Годуновымъ надежда обѣщаетъ имъ успѣхъ, а примиреніе съ нимъ Шуйскихъ угрожаетъ имъ, съ его стороны, местью. Поэтому-то, когда князь Иванъ Шуйскій вышелъ объявить имъ *радостную* вѣсть, мертвое молчаніе толпы было ему отвѣтомъ, а два гостинно-дворца не утерпѣли, вышли впередъ и сказали смѣло: »Помирились вы нашими головами! и вамъ, князь

Иванъ Петровичъ, отъ Бориса пропасть, и намъ погибнуть!«

Опасенія торговыхъ людей оправдались. Годуновъ не замедлилъ воспользоваться разъединеніемъ своихъ враговъ. Привлекши на свою сторону аристократію, онъ въ ту же ночь схватилъ двухъ смѣльчаковъ-гостиннодворцевъ и запроторилъ ихъ безъ вѣсти. Зналъ онъ, какъ это огорчитъ Шуйскихъ, но разсчитывалъ, что не вдругъ же они снова разгорячатъ охладѣвшую къ нимъ толпу. Шуйскіе поняли тогда, что Годунова перехитрить трудно и что легче сломить его дѣломъ отважнымъ и рѣшительнымъ. Злоба внушила имъ самое надежное къ тому средство. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ, у котораго были свои неудовольствія на Годунова, они составили отъ лица всего народа челобитную, въ которой всѣ сословія, устрашенныя будто бы мыслью, что безплодіе царицы Ирины угрожаетъ отечеству прекращеніемъ Рюрикова дома, торжественно просятъ Ѳеодора развестись съ нею, отпустить въ монастырь и взять другую супругу, чтобъ имѣть наслѣдника престола, для общаго спокойствія. Начали собирать подписи, а между тѣмъ волновали чернь, чтобъ устрашить Ѳеодора и заставить его на все согласиться. Но медленность и нѣкоторая гласность, неиз-

бѣжныя при такомъ дѣлѣ, дали Годунову время принять свои мѣры. Судъ о разводѣ зависѣлъ отъ митрополита. Годуновъ спѣшитъ въ палаты къ Діонисію и употребляетъ въ дѣло все, что могъ внушить ему, какъ духовному хранителю народнаго спокойствія, и все, чѣмъ искушаются люди со стороны честолюбія. Видѣть въ своей кельѣ самовластнаго правителя государства съ мольбою о спасеніи, обязать такого человѣка въ столь трудное для него время и обладать средствомъ привести снова его въ такое положеніе — въ умѣ Діонисія это значило, что отнынѣ онъ раздѣлитъ съ Годуновымъ поровну верховное господство надъ государствомъ. Годуновъ видѣлъ его насквозь со всѣми его поползновеніями, и, наружно передъ нимъ унижаясь, внутренно торжествовалъ надъ нимъ и изрекалъ роковой приговоръ ему и его сообщникамъ.

Лишь только слухи о разводѣ стихли, нашелся доносчикъ на князей Шуйскихъ, что они въ заговорѣ съ Московскими купцами и думаютъ измѣнить царю,—доносчикъ ничтожный, слуга самихъ же обвиняемыхъ, но его извѣту повѣрили и немедленно взяли подъ стражу главныхъ представителей фамиліи Шуйскихъ, вмѣстѣ съ друзьми ихъ, князьями Татевыми, Колычевыми, Урусовыми, Быкасовыми, вмѣстѣ со мно-

гими дворянами и богатыми купцами. Нельзя было, однакожъ, употребить законной строгости съ Шуйскими, и потому придуманы средства беззаконныя. Сдѣлали видъ, будто бы изъ уваженія къ заслугамъ щадятъ князя Ивана Петровича, знаменитаго защитника Пскова противъ Баторія, и отправили его на Бѣлоозеро, а князя Андрея Ивановича, по тому жъ милосердію, — въ Каргополь; но оба были тайно удавлены. Старшій изъ нихъ, Василій Ѳеодоровичъ Скопинъ-Шуйскій, видно, самъ по себѣ казался неопаснымъ: ему позволили жить въ Москвѣ, но отобрали Каргопольское намѣстничество. Прочихъ взятыхъ подъ стражу также разослали по дальнимъ городамъ, а купцамъ, для острастки Московской черни, всенародно отрубили головы. Митрополитъ Діонисій самъ ускорилъ свое паденіе. Въ порывѣ огорченія за друзей своихъ, онъ не размыслилъ, что Годунову ничего нельзя сдѣлать посредствомъ царя, котораго слабое существованіе было подобно постоянной дремотѣ; волненіе души преувеличило въ понятіи Діонисія силу вліянія рѣчей его на Ѳеодора, который довѣрчиво принималъ всякое убѣжденіе своего любимца. Діонисій забылъ, что Годуновъ, какъ всемогущій духъ, давно уже владѣетъ волею и всѣми помышленіями уединеннаго властителя; вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Крутицкимъ

архіепископомъ Варлаамомъ, явился онъ въ царскіе палаты и смѣло изъяснилъ царю поступки Годунова, беззаконные и опасные для государства. Царь слушалъ его, покачивая въ удивленіи головою, и можетъ быть, уже въ ту самую минуту въ его набожномъ сокрушеніи (вмѣсто ожидаемаго негодованія) Діонисій и Варлаамъ прочли свою участь. Едва они удалились, Годуновъ разсѣялъ скорбь его и внушилъ ему, что эти извѣтники — не пастыри церкви, а волки хищные въ одеждѣ овчей. Діонисія и Варлаама схватили въ тотъ же день, лишили сана и заточили въ дальніе монастыри. На первосвятительскій престолъ возведенъ былъ Іовъ, смиренный Богомолецъ, устремлявшій все свое вниманіе на исправленіе духовенства и на церковное благолѣпіе. Онъ представлялъ противоположность Діонисію, гордому своими познаніями, высокомѣрному умомъ, пылкому сердцемъ, и Годуновъ, облекши его въ высшій духовный санъ, надѣялся сдѣлать изъ него послушное себѣ орудіе, что и подтвердилось отчасти дальнѣйшими событіями.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дѣятельность Годунова. — Учрежденіе въ Россіи патріаршества. — Шуйскіе и другіе бояре дѣйствуютъ съ Годуновымъ за-одно. — Опасенія ихъ касательно воцаренія Димитрія Угличскаго. — Убіеніе Димитрія. — Стремленіе Годунова къ престолу. — Пожаръ въ Москвѣ. — Нашествіе хана и битва подъ Москвою. — Происхожденіе крестьянъ и укрѣпленіе ихъ за помѣщиками. — Смерть Ѳеодора и постриженіе Ирины. — Интриги Годунова во время избранія его въ цари.

Чѣмъ больше возвышался Борисъ Годуновъ въ государствѣ, тѣмъ больше обнаруживалъ правительственной дѣятельности: составлялись описи земель; населялись пустыни; пограничныя мѣста укрѣплялись новыми городами (1); судъ и расправа замѣтно улуч-

(1) Въ царствованіе Ѳеодора, Борисъ Годуновъ основалъ Архангельскъ, крѣпости по Волгѣ: Цывильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ, Самару; также

шились. Имя Бориса Ѳедоровича Годунова было въ устахъ народа чаще всякаго имени. Здѣсь его славили за рѣшеніе судебнаго дѣла безъ проволочки, за оправданіе бѣдняка въ тяжбѣ съ богачомъ, за осужденіе родственника и ближняго человѣка по жалобѣ простолюдина; въ другомъ мѣстѣ построенные на счетъ казны, безъ отягощенія жителей, гостинные дворы, городскія стѣны и общественныя зданія производили въ народѣ самые выгодные о немъ толки. Даже въ переговорахъ съ иноземными государями и министрами Московскіе послы величали его *начальнымъ человѣкомъ* въ Россіи, говорили, что вся земля отъ государя ему приказана и что никогда еще такого мудраго правленія въ ней не бывало.

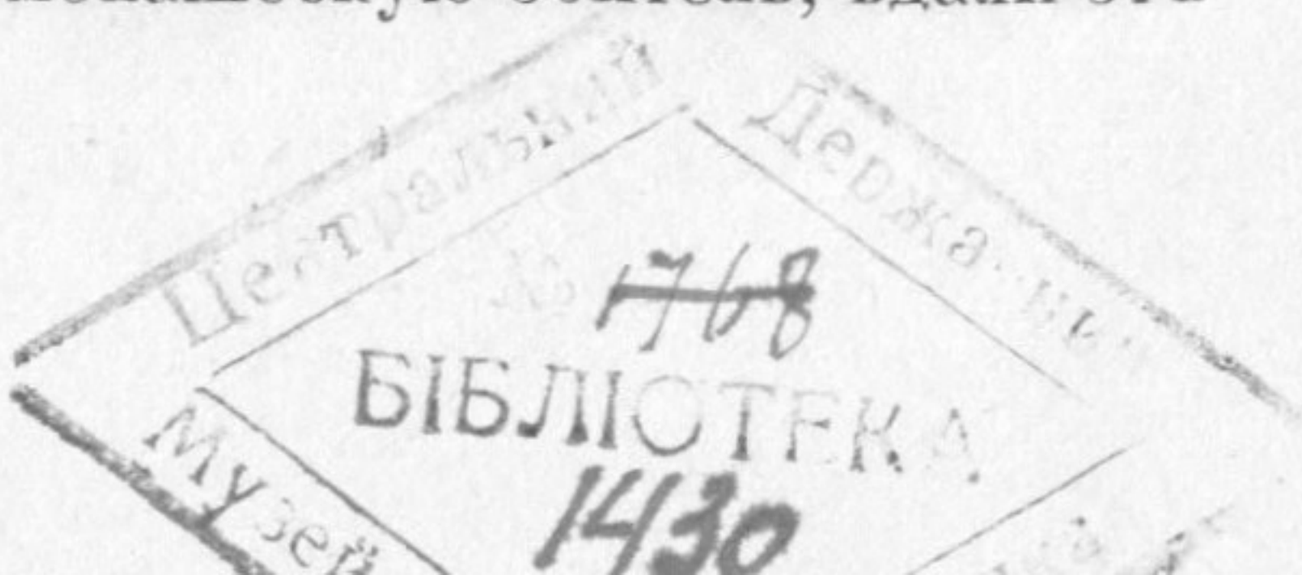
Въ 1589 году, Ѳеодоръ, по внушенію своего любимца, учредилъ въ Россіи патріаршество. Церковь Русская, съ самого своего основанія, была подъ управленіемъ одного митрополита; теперь митрополитовъ поставлено въ Россіи четыре и къ нимъ шесть архіе-

---

Уфу, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тару, Нарымъ, Кетскій острогъ, Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку; кромѣ того возобновилъ запустѣвшій послѣ Татарскихъ набѣговъ Курскъ и построилъ въ Смоленскѣ сильную крѣпость.

пископовъ, подъ высшею властью Іова, патріарха Московскаго и всея Россіи. Умноживъ и возвыся такимъ образомъ духовныхъ сановниковъ, Годуновъ пріобрѣлъ въ нихъ, на всякій случай, крѣпкую себѣ опору.

Сановники свѣтскіе и потомки знаменитыхъ древнихъ родовъ, изъ личныхъ выгодъ, тѣснились вокругъ него усердною толпою. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Шуйскіе, таили въ душѣ желаніе и надежду отмстить ему за братьевъ и друзей; но благоразуміе заставляло ихъ до времни скрывать свои чувства: »на всѣхъ людей, говоритъ лѣтопись, нашелъ страхъ и всѣ стали ему покоряться и во всемъ творить его волю.« Была, притомъ же, еще одна причина согласію аристократовъ съ Годуновымъ. Уже шесть лѣтъ Ѳеодоръ царствовалъ; слабость здоровья не обѣщала ему долголѣтія, а дѣтей у него не было. Умри Ѳеодоръ сегодня, — завтра провозгласятъ царемъ Угличскаго Димитрія; а извѣстно, что, по смерти Іоанна IV, Шуйскіе съ товарищами были, равно какъ и Годуновы, противниками Димитріевой партіи и что Димитрій былъ удаленъ въ Угличъ *совѣтомъ всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ*. Молодой царевичъ воспитывался въ мрачномъ Угличскомъ дворцѣ, похожемъ на монашескую обитель, вдали отъ


Центральный Державный Музей
1768
БІБЛІОТЕКА
1430

брата, вдали отъ столицы. Ему было уже около девяти лѣтъ. Мать и дяди его, Нагіе, внушали ему свою ненависть къ Московскому правительству, толковали объ ожидающемъ его престолѣ, призывали даже ворожей къ царевичу, чтобъ узнать, долго ли жить Ѳеодору (2). Ходили слухи, что рѣзвый мальчикъ часто хвалился передъ дворцовыми слугами, какъ онъ отмститъ своимъ гонителямъ, и что однажды, слѣпивъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми изъ снѣгу нѣсколько человѣческихъ фигуръ, назвалъ ихъ именами придворныхъ и началъ рубить саблею: одному отсѣкъ голову, другому руку, третьяго пронзилъ насквозь, говоря будто бы: »Такъ будетъ имъ въ мое царство!«

Подобные слухи, при всей своей ничтожности, тревожили въ Москвѣ *начальнѣйшихъ людей*. Рѣшено было освободиться отъ опаснаго царевича насильственною мѣрою. Не извѣстно, всѣхъ ли приверженцевъ Бориса Годунова должно упрекать въ этомъ ужасномъ замыслѣ наравнѣ съ нимъ, только убійство очевидно

---

(2) См. *Собр. Госуд. Грамотъ и Дог.* II, № 60: Патріархъ Іовъ на Соборѣ говорилъ: »Михайло Нагой держалъ у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иныхъ многихъ ведуновъ.«

было задумано въ Москвѣ. Выполнить его поручено было дьяку Михайлу Битяговскому, по словамъ лѣтописи, *человѣку лютому и звѣрообразному*. Михайло Битяговскій, опредѣленный къ должности дворецкаго при Угличскомъ царевичѣ, нашелъ средства согласить на кровавое свое дѣло брата своего Данила, племянника Качалова, мамку царевича боярыню Волохову и ея брата Осипа. Они условились сложить бѣду на падучую болѣзнь царевича, о которой распространились въ Угличѣ слухи, да и въ самой столицѣ, и выжидали только удобной минуты для свершенія ужаснаго своего предпріятія. Однажды, въ майское утро, мамка вывела царевича на крыльцо. Тутъ одинъ изъ убійцъ, взявъ его за руку, спросилъ: »У тебя, государь, новое ожерелье?« — »Нѣтъ, старое«, отвѣчалъ царевичь, приподнявъ голову. Въ эту минуту сверкнулъ въ рукѣ убійцы ножъ; но ударъ по горлу былъ невѣренъ. Крикъ показавшейся въ дверяхъ кормилицы испугалъ злодѣя; онъ бросилъ ножъ и убѣжалъ. Но двое другихъ убійцъ вырвали несчастнаго царевича изъ рукъ кормилицы, зарѣзали и быстро скрылись. Мать прибѣжала на шумъ, но уже поздно: бездыханное тѣло сына, какъ-будто оживленное ея воплемъ, затрепетало послѣднимъ трепетомъ. Вслѣдъ затѣмъ явились дяди царевича, На-

гіе, и велѣли бить въ набатъ. Гонцы поскакали по всѣмъ улицамъ, отъ воротъ къ воротамъ: »Чего стоите? царя у васъ нѣтъ!« говорили они жителямъ, выскакивавшимъ на громкій стукъ ихъ. Страшная вѣсть облетѣла Угличь въ одну минуту; каждый спѣшитъ на царевичевъ дворъ. Тамъ отчаянная мать съ братомъ своимъ, Михайломъ Нагимъ, терзаютъ предательницу мамку, приговаривая: »Твой братъ зарѣзалъ его съ Битяговскимъ!« По обвиненію царицы, народъ отыскиваетъ убійцъ, влечетъ на мѣсто преступленія и вмѣстѣ съ виновными убиваетъ многихъ невинныхъ. Раздраженная толпа излила свою ярость даже на слугъ, изъявлявшихъ жалость къ господамъ своимъ. Холопъ Волохова палъ на него и хотѣлъ защитить своимъ тѣломъ, — оба лишены жизни вмѣстѣ. Другой, видя свою госпожу, мамку царевича, съ распущенными сѣдыми волосами (великій срамъ по тогдашнимъ понятіямъ), прикрылъ ее своею шапкою, — въ ту же минуту его убили. Но страсти наконецъ успокоились, и Нагіе вмѣстѣ съ Угличанами ужаснулись послѣдствія столькихъ убійствъ безъ суда законнаго. Написали донесеніе къ царю, отправили въ Москву гонца, а между тѣмъ постарались дать убитымъ Битяговскимъ съ товарищами видъ вооруженныхъ разбойниковъ. Однимъ вложили въ руку

обагренные куриною кровью ножи, на другихъ бросили желѣзныя палицы, сабли, самопалы и оставили въ ожиданіи суда изъ Москвы; а тѣло царевича Димитрія положили во гробъ и поставили въ соборной церкви.

Въ Москвѣ давно ожидали этого извѣстія. Гонца къ царю не допустили, переписали грамоту по-своему, объяснили смерть Димитрія падучею болѣзнью, и Борисъ Годуновъ взялъ на себя увѣдомить Ѳеодора о горестномъ событіи. Благочестивый царь долго плакалъ, не говоря ни слова, и изъявилъ согласіе на предложеніе Бориса — для погребенія царевича и изслѣдованія дѣла отправить въ Угличь митрополита Геласія, князя Василія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Клешнина. Не удивительно, что Годуновъ выбралъ въ эту опасную для него коммиссію митрополита Геласія: Геласій былъ обязанъ ему своимъ возвышеніемъ. Не удивителенъ и выборъ Клешнина: онъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ злоумышленниковъ противъ Димитрія. Но выбору Шуйскаго многіе дивились: съ этимъ именемъ каждый привыкъ соединять ненависть къ Годунову. Никто не подозрѣвалъ, что этого-то и хотѣлось дальновидному крамольнику. Онъ предвидѣлъ, что смерть царевича припишется ему, и, въ доказательство совершенной

своей неповинности, избралъ въ слѣдственные судьи своего стариннаго врага. Народу не извѣстны были узы, связывавшіе аристократическую партію въ союзъ противъ Димитрія; не легко также было понять ему и стѣсненное положеніе Шуйскаго между двумя товарищами, усердными клевретами Годунова: когда Шуйскій, *самъ Шуйскій*, вмѣстѣ съ другими привезъ изъ Углича подтвержденіе исторіи о падучей болѣзни царевича, это зажало рты многимъ обвинителямъ Годунова. Но что могъ Шуйскій сдѣлать, если бъ и желалъ, когда въ Угличѣ толпа людей — одни изъ страха, другіе изъ угодливости сильнымъ — засвидѣтельствовала, что царевичь самъ накололся ножомъ? И могъ ли онъ повредить Борису Годунову, когда противъ его внушеній Ѳеодору не устоялъ и самъ Діонисій, глава духовенства?

Патріархъ Іовъ, которому Ѳеодоръ передалъ на верховный судъ донесеніе членовъ коммиссіи Угличской, могъ бы, казалось, обличить несправедливость слѣдственнаго дѣла. Но, вмѣсто улики, онъ основался на этомъ донесеніи и объявилъ на соборѣ предъ царемъ, что »смерть царевича Димитрія учинилась судомъ Божіимъ и что Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей Битяговскихъ и другихъ велѣлъ побить напрасно, изъ личной злобы, за усердіе ихъ къ

государю. За столь великую измѣну, продолжалъ Іовъ, Михайло Нагой съ братьями и Углицкіе мужики заслуживаютъ всякаго наказанія; но это дѣло земское, зависящее отъ гнѣва и милости государя, а наша обязанность молиться о тишинѣ междоусобной брани.« Какъ слабый человѣкъ, Іовъ не смѣлъ противостать могуществу лукавыхъ царедворцевъ; но какъ ревностный Христіянинъ, онъ, по собственнымъ словамъ, »много болѣзновалъ« объ обстоятельствахъ, которымъ долженъ былъ покоряться. Доказательствомъ его сознанія неправды въ Угличскомъ дѣлѣ служитъ одно уже то, что, описывая подробно царствованіе Ѳеодора, онъ не сказалъ ни слова о смерти царевича Димитрія. Угрызенія совѣсти слабодушнаго пастыря церкви были конечно тѣмъ жесточе, что Ѳеодоръ, основавшись на его мнѣніи, поручилъ судъ надъ »виновными« боярамъ: а тѣ, чтобъ скрыть концы, разослали всѣхъ Нагихъ по темницамъ въ отдаленные города, несчастную царицу, мать Димитрія, заставили постричь въ монахини и отправили въ дикую пустыню св. Николая на Выскѣ (близъ Череповца), около двухъ сотъ Угличанъ, обвиненныхъ въ убіеніи невинныхъ, казнили смертью, многимъ отрѣзали языки, многихъ заточили, большую часть вывели въ Сибирь и населили ими го-

родъ Пелымъ. Такъ погибъ царевичь Димитрій съ удѣльнымъ своимъ городомъ; но имя его послужило въ послѣдствіи орудіемъ самаго необыкновеннаго мщенія человѣческаго и небеснаго надъ виновниками его смерти.

Не извѣстно, теперь ли родилась въ умѣ Бориса Годунова мысль объ обладаніи Московскимъ престоломъ, или уже и прежде она управляла его дѣйствіями; но съ этого времени царственное величіе очевидно сдѣлалось его цѣлью. Ѳеодоръ болѣлъ, дряхлѣлъ и видимо приближался къ смерти; право на престолъ переходило послѣ него къ родственникамъ его, Рюриковичамъ, Гедиминовичамъ, Романовымъ; а кто бы изъ нихъ ни воцарился, паденіе временщика было неизбѣжно. Значитъ, уже не одно безграничное властолюбіе, но и самая заботливость о личной безопасности указывала ему, въ чемъ искать необоримой для завистниковъ опоры. Нужно было только устранить соискателей престола и возвысить свое право надъ ними. Предусмотрительный умъ ясно представилъ Борису положеніе властей въ безгосударное время. Начальнымъ человѣкомъ дѣлался тогда патріархъ, и какъ, по недостатку прямого наслѣдника, предстояло избраніе на царство, то первый и сильнѣйшій голосъ въ этомъ избраніи

принадлежалъ ему. Борису нужно было только заставить Θеодора завѣщать престолъ царицѣ Иринѣ, или покрайней мѣрѣ увѣрить въ томъ верховную думу (3). При содѣйствіи царскаго душеприкащика, Іова, легко было и этого достигнуть.

Но посреди такихъ соображеній и мечтаній о вѣнцѣ Мономаховомъ, ропотъ народа на злодѣйства въ Угличѣ и на неправды верховнаго правительства напомнилъ Годунову о самой сильной партіи въ безгосударное время (4). Скоро представился ему случай

---

(3) Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 34, сказано, что царь Θеодоръ, на смертномъ одрѣ, завѣщалъ царицѣ Иринѣ не царствовать, а постричься; на вопросъ же патріарха Іова: кому приказываетъ царство? отвѣчалъ: »Въ немъ воленъ Богъ, какъ Ему угодно, а съ царицею у насъ улажено, какъ ей жить по смерти.« Это весьма вѣроятно; однакожъ, по усердію къ Годунову Іова, въ грамотахъ объ избраніи говорится о завѣщаніи Иринѣ престола. На этомъ, видно, основаніи и въ грамотѣ объ избраніи на престолъ Михайла Θеодоровича Романова (*Собр. Госуд. Гр.* I, 602), сказано, что Θеодоръ оставилъ престолъ супругѣ своей Иринѣ, а въ спискѣ сановниковъ, въ *Др. Росс. Вивліоѳ.* XX, 66, сказано именно, что онъ *вручилъ* скипетръ Иринѣ.

(4) *Дневникъ Марины Мнишекъ*, въ *Сказ. Совр. о Дим. Сам.* IV, 62: »Должно замѣтить, что въ Московіи

расположить къ себѣ и эту партію. Въ отсутствіе Ѳеодора, отправившагося въ *Троицкій походъ* (5), загорѣлась Москва. Пожаръ взялся съ Колымажнаго двора и въ нѣсколько часовъ истребилъ улицы: — Арбатскую, Никитскую, Тверскую, Петровскую до Трубы, весь Бѣлый-городъ, а потомъ Посольскій дворъ, Стрѣлецкія слободы и все Занеглинье, такъ что уцѣ-

---

народъ всегда имѣетъ болѣе силы, чѣмъ сенатъ, *особенно при избраніи царя* и во время бунтовъ.«

(5) Такъ назывались путешествія царей на Богомолье въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Были также походы Савинскіе, Звѣнигородскіе, Кашинскіе, Переяславскіе, Можайскіе, Колязинскіе, Угрѣшскіе, Кириловскіе, Боровскіе и Углицкіе. Древніе Русскіе цари вмѣняли себѣ въ благочестивую обязанность совершать часто эти походы, или *объѣзды*, въ отдаленные монастыри. Чаще всего предпринимали они походы Троицкіе, иногда даже пѣшкомъ. Во всякомъ случаѣ, они сопровождаемы были многолюднымъ конвоемъ и Азіятскимъ великолѣпіемъ, для произведенія на народъ сильнаго впечатлѣнія. Напримѣръ, одинъ передовой отрядъ, съ пушкою и царскимъ аргамакомъ, состоялъ изъ 1,500 воиновъ. Далѣе тянулись телеги: *запасная казна, образная, постельная*, телеги *портомойныя мовныя, оружейная, поборная* и проч. въ сопровожденіи *наплечныхъ мастеровъ* (портныхъ), шапочниковъ, чеботниковъ, нашивочниковъ, чистоплатовъ, и пр. и пр. Любопытное описаніе Троицкихъ походовъ г. Забѣлина см. въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.*, 1846, дек.

лѣли только Кремль и Китай-городъ, гдѣ жило знатное дворянство. Столица превратилась въ обширное пепелище. Народъ былъ въ отчаяньи; цѣлыя толпы бѣжали на Троицкую дорогу — встрѣтить Ѳеодора и просить помощи. Годуновъ является посреди шумныхъ сборищъ, выслушиваетъ жалобы, изъявляетъ участіе, обѣщаетъ всѣмъ немедленную помощь. Въ самомъ дѣлѣ никто не остался безъ пособія. Одни получили изъ казны деньги, другимъ даны льготныя грамоты; по волѣ Годунова, выстроены государскими плотниками (6) цѣлыя улицы; Москва явилась изъ-подъ пепла въ новой красѣ, и народъ, успокоенный, облагодѣтельствованный, не зналъ Годунову цѣны.

Русскіе и иноземные писатели повторяютъ молву, будто Годуновъ самъ зажегъ столицу, чтобъ обратить мысли каждаго къ собственному горю и заглушить толки о смерти Димитрія. Но современные лѣтописцы-иноки почти всѣ были недоброжелатели

---

(6) Изъ наказа посланнику Ислѣньеву, въ 1591 году, видно, что »городовые дѣла всякіе дѣлали изъ казны наймомъ; а плотниковъ устроено больше тысячи человѣкъ: да тѣхъ по всѣмъ городамъ и посылаютъ.« (Карамз. X, пр. 196).

Борисовы, а иностранцы описывали Московскія происшествія до 1600 года, основываясь на народной молвѣ (7). Не щадить соперниковъ на пути къ возвышенію свойственно многимъ честолюбцамъ, но играть людьми безсовѣстно до такой степени рѣшаются немногіе злодѣи. Гораздо вѣроятнѣе, что Московскій пожаръ такъ же мало зависѣлъ отъ Годунова, какъ и послѣдовавшее за нимъ нашествіе Таларъ (8), въ которомъ также его обвиняли.

Лѣтомъ 1591 года Крымскій ханъ Казы-Гирей неожиданно вторгнулся въ Московское государство. Главное войско царское стояло на Шведскихъ границахъ, и дикая орда проникла до самой Москвы, гоня передъ собой сторожевыхъ козаковъ и легкую дружину боярскихъ дѣтей, наскоро собранныхъ для перваго удара. Но за двѣ версты отъ Москвы, между

---

(7) Толки народа о Годуновѣ были явно несправедливы: народъ вѣрилъ, что онъ колдунъ, что онъ извелъ отравою Ѳеодора и даже своего нареченнаго зятя, герцога Датскаго.

(8) »Войде въ мысль (сказано въ *Никон. Лѣт.*) во многіе простые люди украинскіе (пограничные), что приведе царя Крымскаго подъ Москву Борисъ Годуновъ, бояся земли про убойство царевича Димитрія.«

Калужскою и Тульскою дорогами, противъ Даниловскаго монастыря, встрѣтило ее сильное войско, составленное изъ берегового ополченія, изъ Московскихъ ратниковъ, вооруженныхъ гражданъ, знатныхъ дворянъ и боярскихъ дѣтей. Оно прикрывалось пушками, разставленными по новымъ деревяннымъ стѣнамъ на Замоскворѣчьи, и подвижнымъ гуляй-городкомъ изъ досокъ, двигавшимся на колесахъ. Годуновъ явился въ станъ въ богатыхъ латахъ, подъ великокняжескимъ знаменемъ, въ сопровожденіи дворянъ и тѣлохранителей, неразлучныхъ дотолѣ съ царскою особою. Ѳеодоръ заключился съ царицею и духовникомъ, для молитвы, въ уединенной палаткѣ и предоставилъ правителю дѣйствовать своимъ именемъ. Но Борисъ нашелъ выгоднымъ уступить главное начальство надъ войскомъ старшему боярину, князю Ѳедору Мстиславскому, сыну простодушнаго заговорщика князя Ивана, самъ удовольствовался вторымъ мѣстомъ, окружилъ себя шестью опытнѣйшими совѣтниками (въ числѣ которыхъ былъ и оружничій Богданъ Бѣльскій, возвращенный имъ изъ ссылки) и дѣйствовалъ неутомимо. Днемъ и ночью видѣли его въ разныхъ концахъ укрѣпленія. Пользуясь умно чужою опытностью, Борисъ явился искуснымъ военачальникомъ даже въ глазахъ старыхъ воиновъ. Рас-

пущенная имъ молва, что хана заманили подъ Москву съ умысломъ, поселила вездѣ увѣренность въ побѣдѣ; передовыя толпы Татаръ встрѣчены были мужественно, и, когда ханъ съ главнымъ войскомъ подошелъ къ мѣсту битвы и остановился на горахъ села Воробьева, Москва блестѣла передъ нимъ за тучами пушечнаго и ружейнаго дыму, а широкая равнина передъ городомъ вся была покрыта сражающимися. Грохотъ пушекъ не умолкалъ и съ заходомъ солнца. Всѣ городскія стѣны и монастырскія ограды обозначались въ ночной темнотѣ непрерывнымъ блескомъ выстрѣловъ, какъ золотыми ореолами. Къ утру ханъ получилъ ложное извѣстіе, что въ Москву пришла свѣжая рать отъ Шведскаго пограничья, и бѣжалъ, не ожидая общаго нападенія. При торжествующемъ звонѣ колоколовъ, Годуновъ и Мстиславскій выступили за нимъ въ погоню. Ханъ только и разсчитывалъ на отсутствіе главнаго войска; ошибшись, какъ ему показалось, въ разсчетѣ, онъ опрометью кинулся въ свои степи, бросая по дорогѣ добычу, и прискакалъ въ Бакчисарай на тележкѣ, тяжело раненный.

Воротясь изъ похода, Годуновъ получилъ съ царскаго плеча Русскую шубу съ золотыми пуговицами въ 5 тысячъ нынѣшнихъ рублей серебромъ, золотой

Мамаевскій сосудъ, добытый на славномъ Куликовѣ полѣ, и три города Важской области въ потомственное владѣніе; сверхъ того Ѳеодоръ снялъ съ себя золотую цѣпь, надѣлъ на Бориса и далъ ему высокое титло *слуги*, которое въ теченіе вѣка носили только три сановника, за величайшія заслуги предъ царемъ и отечествомъ. Князь Ѳедоръ Мстиславскій получилъ также съ царскаго плеча шубу, кубокъ, золотую чарку и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ. Еще до возвращенія въ Москву, посланы отъ царя этимъ двумъ воеводамъ, для ношенія на рукавахъ, или шапкахъ, вмѣсто медалей, *Португальскіе золотые*, а другимъ *корабельники* и червонцы Венгерскіе. Теперь всѣ воеводы, головы, дворяне и боярскіе дѣти были награждены — кто шубами, сосудами, вотчинами, помѣстьями, — кто деньгами, кусками разныхъ дорогихъ тканей, соболями и куницами, а стрѣльцы и козаки тафтами, сукнами и деньгами. Никто не остался безъ награды. Войско радовалось и славило Годунова, которому приписана была вся честь побѣды.

Пріобрѣвъ такимъ образомъ любовь военной партіи, Борисъ продолжалъ обращать къ себѣ сердца гражданъ Московскихъ. Случалось ли Ѳеодору кого пожаловать чиномъ, помѣстьемъ, или простить пре-

ступника — въ грамотахъ писалось, что все это царь дѣлаетъ по прошенію *ближняго своего пріятеля*, Бориса Ѳеодоровича; но въ указахъ о необходимыхъ наказаніяхъ, имени Борисова не упоминалось, а только: »Приговорили бояре, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами.« Между тѣмъ въ умѣ Годунова готовилась всѣмъ землевладѣльцамъ услуга необыкновенная.

Въ отдаленную старину всѣ земли на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Россіею, лежали, какъ и вездѣ, невоздѣланными пустырями, и когда человѣкъ отъ звѣроловной и пастушеской жизни перешелъ здѣсь къ быту земледѣльческому, то сперва одинъ трудъ первой вспашки давалъ ему въ тогдашнемъ населеніи право собственности надъ занятымъ участкомъ земли. Нападенія дикихъ, неземледѣльческихъ семействъ заставили первыхъ земледѣльцевъ строить жилища свои въ одномъ мѣстѣ, съ общею земляною или деревяною оградою. Такъ появились *города*, то есть, огороженныя селенія. Жители каждаго города *владѣли* кругомъ землями на извѣстное разстояніе, что и составляло *область*. Всякая область, поэтому, принадлежала городу, а право исключительной собственности, пріобрѣтенное трудомъ, приложеннымъ

къ первоначальной разработкѣ дикихъ пустырей, укрѣплялось давностью владѣнія (9).

Потребность прокормленія привлекала къ землевладѣльцамъ множество людей изъ семействъ кочующихъ, неимѣвшихъ недвижимой собственности. Эта часть населенія жила сперва привольно, занимаясь охотою и бродя съ своими стадами по дикимъ, никѣмъ незанятымъ пустынямъ; только суровое время года, или потеря стадъ заставляли нѣкоторыхъ кочевниковъ предлагать свои услуги земледѣльцамъ. Но, съ разширеніемъ гражданственности, почти всѣ земли мало-помалу подошли подъ владѣнія частныя, или подъ казенныя, княжескія, и тогда всякій любитель кочевой праздности долженъ былъ сдѣлаться по необходимости работникомъ землевладѣльца. Исключенія кочевавшихъ по землямъ *ничьимъ* были незначительны. Число этихъ работниковъ издревле было очень велико, и они-то образовали многолюдное сословіе крестьянъ. Отъ прежней жизни у нихъ оставалась только возможность выбирать лучшее для себя мѣсто и переходить отъ одного землевладѣльца къ другому.

---

(9) Даже по Уложенію Іоанна III, »кто три года владѣетъ землею, тому она уже крѣпка.«

Съ совершенствованіемъ устройства городовъ, когда въ нихъ появились воины, купцы, бояре и князья, нѣкоторые изъ безземельныхъ людей находили выгоду давать на себя землевладѣльцу *кабалу*, то есть, записываться къ нему во временное, или въ вѣчное рабство. Такіе люди, вмѣстѣ съ другими, лишенными вольности закономъ (10), вмѣстѣ съ плѣнниками, взятыми на войнѣ, и купленными рабами, составляли особый классъ *холопей*. До XVI вѣка они даже не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ: господинъ могъ располагать ими, какъ *вещью*, и отнимать у нихъ жизнь, не отвѣчая за то передъ закономъ. Но у прочихъ безземельныхъ людей оставалась личная свобода; одни заключали съ владѣльцемъ земли, на которой жили, условія, какую часть ея обработывать для себя, какую для помѣщика; другіе обязывались платить помѣщику за землю оброкъ. Осенній Юрьевъ

---

(10) Въ *Русской Правдѣ* сказано: Полнымъ холопомъ бываетъ: 1) человѣкъ, купленный при свидѣтеляхъ; 2) кто не можетъ удовлетворить своихъ заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ безъ условія; 4) кто безъ всякаго условія пойдетъ въ слуги, или въ ключники и 5) *закупъ* т. е. наемникъ, или на время закабаленный человѣкъ, который, не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что онъ ходилъ къ князю, или судьямъ искать у правы на господина.

день (11) закономъ и обычаемъ назначался желающимъ для перехода отъ одного помѣщика на землю другого.

Эти переходы отъ господина къ господину имѣли для крестьянъ свои выгоды, но они же усиливали въ нихъ страсть къ бродячей жизни и ослабляли успѣхи земледѣлія. Богатые землевладѣльцы и монастыри, имѣя обширныя, лежащія впустѣ земли, переманивали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ, которые лишались такимъ образомъ возможности имѣть всегда на своихъ земляхъ работниковъ и являться на царскую службу въ сопровожденіи извѣстнаго числа вооруженныхъ поселянъ, въ полномъ снаряженіи, или, какъ говорили тогда, *конно, людно и оружно*. Часто пустѣли цѣлыя деревни, оставляемыя недовольными земледѣльцами; жатва пропадала на нивахъ; помѣщики изъ богатыхъ вдругъ становились бѣдными.

Стремясь къ своей цѣли, Годуновъ прислужился землевладѣльцамъ, особенно мелкопомѣстнымъ, и въ

Въ Уложеніи Іоанна III, 3-й пунктъ: »Холопъ, или рабъ съ женою и дѣтьми есть тотъ, кто даетъ на себя крѣпость.«

(11) Точнѣе сказать — самый Юрьевъ день и двѣ недѣли послѣ Юрьева дня.

1593 году издалъ, именемъ Θеодора, указъ, который запретилъ вольный переходъ крестьянъ изъ села въ село и укрѣпилъ ихъ за помѣщиками. Тогда же учрежденъ холопій приказъ, который выдалъ господамъ кабалы и на людей *вольныхъ*, если эти вольные люди служили имъ не менѣе шести мѣсяцевъ. Такимъ распоряженіемъ Годуновъ достигъ временныхъ своихъ выгодъ, но оно же было одною изъ главнѣйшихъ причинъ и его паденія. Послѣ мы раскроемъ въ подробностяхъ послѣдствія указа 1593 года; теперь обратимся туда, куда стремились всѣ помышленія Годунова.

Въ Январѣ 1598 года умеръ Θеодоръ, къ общему горю Москвитянъ, которые любили тихаго царя, наслѣдовавшаго Грозному, и приписывали благоденствіе государства святымъ его молитвамъ. Горе царицы Ирины было еще сильнѣе. Какъ-бы предчувствуя готовящіяся Россіи бѣдствія, она терзалась мыслью, что она причиною конца царскаго племени. Патріархъ Іовъ объявилъ завѣщаніе Θеодора; бояре и народъ присягнули ей, какъ самодержавной царицѣ. Но печальная Ирина привыкла смотрѣть на царственное величіе глазами своего покойнаго супруга; въ девятый день по его смерти отказалась отъ престола, переѣхала въ Новодѣвичій монастырь и постриглась тамъ, подъ именемъ Александры. Пишутъ, что она,

призвавъ къ себѣ тайно многихъ сотниковъ и пятидесятниковъ, деньгами и обѣщаніями склонила ихъ къ убѣжденію воиновъ и гражданъ не избирать на царство никого, кромѣ ея брата, который дѣйствительно могъ одинъ казаться ей способнымъ поддержать благосостояніе отечества.

Годуновъ между тѣмъ самъ старался объ увеличеніи голосовъ въ свою пользу. Это было тѣмъ нужнѣе, что въ народѣ разнесся слухъ, будто покойный царь передъ кончиною вручилъ свой скипетръ Ѳеодору Никитичу Романову (12), который, по общему суду,

---

(12) Молву эту записалъ Беръ (стр. 5) въ такомъ видѣ, какъ она ходила въ народѣ. »Когда государь лежалъ на смертномъ одрѣ, бояре приступили къ нему съ вопросомъ: »Если Богу будетъ угодно отозвать тебя, государь, »отъ сей жизни, кому царствовать въ Россіи, оставляемой »безъ законнаго преемника?« Царица Ирина, сестра правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему государствомъ; но умирающій царь предложилъ его старшему изъ Никитичей, Ѳеодору, *имѣвшему на престолъ ближайшее право*. Ѳеодоръ Никитичь отказался отъ царскаго скипетра и уступилъ его брату своему Александру; Александръ предлагалъ эту честь другому брату, Ивану; Иванъ — третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному князю, такъ что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять его. Умирающій царь долго передавалъ свой жезлъ

имѣлъ ближайшее право на престолъ. Безчисленные клевреты правителя разсѣялись по всей столицѣ, однимъ грозя, другихъ склоняя лестными обѣщаніями, третьимъ представляя, что Годуновъ тринадцать лѣтъ при Ѳеодорѣ счастливо правилъ государствомъ, что съ юношескаго возраста онъ неотлучно находился при великомъ самодержцѣ, Іоаннѣ Васильевичѣ, и »отъ премудраго его царскаго разума навыкъ государственному чину«, что, будучи только правителемъ, онъ умѣлъ внушать къ своей особѣ иноземнымъ посламъ уваженіе, подобающее лицу царственному (13), что выпусти онъ изъ рукъ бразды правленія — государство внутри придетъ въ безладье, а извнѣ нападутъ враждебные сосѣди. Вдовы и сироты, благодарныя Годунову за рѣшеніе продолжительныхъ тяжебъ, отъ всей души убѣждали, кого могли, пода-

---

изъ рукъ въ руки, наконецъ потерялъ терпѣніе и сказалъ: »Возьми же его кто хочетъ: я не въ силахъ болѣе держать.« Тутъ сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ.«

(13) Въ 1597 г. Борисъ съ царственнымъ величіемъ принималъ у себя знатнаго посла Австрійскаго императора, говорилъ ему *милостивыя слова*, а дворянамъ его давалъ цѣловать свою руку. Карамз. X, 108. изд. 3-е.

вать голоса въ пользу своего милостивца. Бояре, обогащенные щедрымъ правителемъ и надѣясь получить еще болѣе отъ царя, также сильно ему содѣйствовали. Романовы, Шуйскіе, Голицыны, при всемъ сознаніи своего права на престолъ, понимали непреодолимость средствъ Годунова, предвидѣли неизбѣжность его воцаренія и боялись выставлять царственное свое происхожденіе, чтобъ не подвергнуться его мстительности. Но мало было Годунову добровольнаго и невольнаго согласія обитателей столицы, хотя ея дѣйствія были всегда закономъ для государства. По его волѣ, патріархъ, подъ разными предлогами, разослалъ во всѣ концы Россіи монаховъ для внушенія народу, что престолъ отъ сестры естественно переходитъ къ брату и что весь духовный и мірской чинъ въ Москвѣ молятъ Бога о воцареніи Бориса Ѳеодоровича.

Между тѣмъ Годуновъ сложилъ съ себя заботы правленія и удалился въ монастырь къ сестрѣ — »плакать съ нею и молиться о Ѳеодорѣ.« Бояре предложили народу присягнуть до избранія царя на имя верховной думы; но народъ не хотѣлъ слышать о правленіи боярскомъ и признавалъ надъ собой одну царицу, не смотря на ея постриженіе. Когда же ему объявили, что царица, оставя свѣтъ, не можетъ за-

ниматься дѣлами царства и что необходимо присягнуть боярамъ, иначе государство разрушится въ безначаліи, — тысячи голосовъ воскликнули: »Пускай же царствуетъ братъ ея!« Возражать противъ этого никто не осмѣлился. Каждый спѣшилъ показать усердіе къ будущему царю, и тотъ же часъ главы духовенства и дворянства, въ сопровожденіи народа, отправились въ Новодѣвичій монастырь. Тамъ патріархъ, отъ имени отечества, умолялъ инокиню Александру благословить брата на царство и прекратить смятеніе народа, пока враги иноземные не узнали, что Русь безъ государя. Потомъ обратился къ Борису съ самыми убѣдительными просьбами вступить на престолъ покойнаго друга и родственника.

Исполнилось давнее желаніе Годунова. Сердце его трепетало отъ радости; но ему нужно было увѣрить народъ, что онъ никогда не мечталъ о державномъ санѣ, что, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, смотритъ на него со страхомъ и благоговѣніемъ, что одна преданность волѣ царской и благу отечества управляла всѣми его дѣйствіями, что уступаетъ корону знатнѣйшему и достойнѣйшему изъ бояръ, а за усердіе соотечественниковъ обѣщаетъ »радѣть о государствѣ не только по-прежнему, но и свыше прежняго.« Все это высказалъ онъ съ искренностью, въ

которой трудно было бы усомниться, и рѣшительно отказался отъ престола. Сколько ни убѣждалъ его патріархъ примѣрами изъ церковной и свѣтской исторіи, что Богъ неоднократно воздвигалъ народамъ царей изъ ничтожества, сколько ни грозилъ гнѣвомъ небеснымъ за презрѣніе моленій всего царства, Борисъ остался непреклоненъ. Народъ разошелся по домамъ въ унынiи.

Но патріархъ и бояре надѣялись еще на собраніе земской думы: разослали по всему царству повелѣнія выслать въ Москву изъ каждаго города по 8 или 10 выборныхъ отъ духовенства, отъ чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, отъ купцовъ, мѣщанъ и хлѣбопашцевъ, для избранія царя. Эти выборные съѣхались въ столицу подъ вліяніемъ монашескихъ внушеній и были поражены извѣстіями объ отказѣ правителя и о напрасныхъ моленіяхъ патріарха Іова, неперестававшаго ѣздить въ Новодѣвичій монастырь и »со слезами« убѣждать Бориса тронуться сиротствомъ государства. Народъ терялся въ недоумѣніи, на кого обратить выборъ. Нѣкоторые предлагали Симеона, такъ называемаго царя и великаго князя Тверского (14); другіе

---

(14) Это былъ плѣнный царь Казанскій Эдигеръ. Служа вѣрно Россіи и принявъ вѣру Христіянскую, онъ пріі-

гіе возражали, что Симеонъ — перекрещенный Татаринъ, правда, ревностный въ благочестіи, но что гораздо лучше избрать на царство одноплеменника изъ потомковъ древнихъ владѣтельныхъ князей Русскихъ. Столица превратилась въ шумное сборище спорщиковъ. Отсутствіе правителя чувствовалось въ безсиліи судебныхъ мѣстъ и въ повсемѣстныхъ безпорядкахъ. Въ Смоленскѣ, Псковѣ и въ другихъ городахъ воеводы не слушались одинъ другого и не повиновались предписаніямъ верховной думы. Въ добавокъ ко всему, приверженцы Годунова распустили слухъ, что Татаре вторгнулись въ Россію. Ужасъ распространился въ народѣ. »Кто теперь поведетъ насъ на врага?« восклицали Москвичи: »ханъ будетъ подъ Москвою, а мы безъ царя и защитника!«

Въ этотъ важный моментъ патріархъ Іовъ созвалъ

обрѣлъ милость Іоанна IV, имѣлъ въ Твери пышный дворъ и власть намѣстника; но въ царствованіе Ѳеодора долженъ былъ выѣхать оттуда и жить уединенно въ своемъ селѣ Кушалинѣ. Что его думали возвести на престолъ Ѳеодоровъ, доказательство этому находится въ присягѣ, предписанной въ послѣдствіи Борисомъ боярамъ, сановникамъ и народу. Тамъ сказано: »также мнѣ Семіона Бекбулатова и иного никого на Московское государство не хотѣти.« *Собр. Гос. Гр. и Д.* II, 192.

въ Кремлѣ земскую думу, или государственный соборъ, составленный изъ знатнѣйшаго духовенства, двора, сановниковъ и людей выборныхъ всѣхъ сословій изъ всѣхъ областей. Представивъ горестное положеніе государства безъ государя и отказъ Годунова принять царскій вѣнецъ, онъ просилъ земскій соборъ »объявить свою мысль и дать совѣтъ, кому быть государемъ«, но, не ожидая его мнѣнія и совѣта, тутъ же сказалъ: »А у меня, Іова патріарха, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ Христіянъ, которые есть на Москвѣ, мысль и совѣтъ у всѣхъ единодушно, что намъ, мимо государя Бориса Θеодоровича, иного государя никого не искать и не хотѣть.« Ясно, что созваніе земскаго собора было только формою, для утвержденія въ умѣ народа справедливости избранія. Ни одинъ голосъ не возвысился противъ предложенія патріарха. Выборные только затѣмъ и были здѣсь, чтобъ сказать *да* отъ всего царства. Большая часть собранія, озадаченная прежде отказомъ Годунова и потерявшись въ предположеніяхъ, кому царствовать, радовалась теперь искренно, что нашла дорогу, съ которой было сбилась. Прочіе прикрывали недостатокъ внутренняго довольства буйнымъ выраженіемъ восторга. Похва-

ламъ Годунову не было конца. Перебраны были всѣ его добрыя свойства, всѣ заслуги отечеству. Бояре превозносили передъ народомъ его дѣятельность, славили за сохраненіе царства, за возвышеніе Россіи въ глазахъ иноземныхъ державъ, за усмиреніе Татаръ и Шведовъ, за обузданіе Литвы, за разширеніе владѣній Русскихъ, за утвержденіе тишины и правосудія въ государствѣ; выставляли милости его войску и всему народу; припоминали любовь къ нему не только покойнаго царя, но и самого Іоанна Васильевича. Въ заключеніе, патріархъ напомнилъ собранію, какъ Ѳеодоръ, послѣ побѣды надъ ханомъ, возложилъ на Бориса златую царскую гривну (цѣпь съ медальономъ) и, исполненный Св. Духа, прообразовалъ этимъ его воцареніе, предопредѣленное небомъ. Раздались новые клики: »Да здравствуетъ государь нашъ Борисъ Ѳеодоровичъ!« и патріархъ повершилъ великое дѣло избранія торжественнымъ воззваніемъ: »Гласъ народа — гласъ Божій. Буди, что угодно Вседержителю!«

Три дня Москвичи молились съ патріархомъ въ церквахъ, чтобы Господь смягчилъ сердце Бориса и внушилъ ему желаніе принять вѣнецъ Мономаховъ. Такъ умѣлъ Годуновъ повернуть всею Москвою: его согласія царствовать народъ молилъ у неба, какъ величайшей милости! Лукавый часто-

любецъ устроилъ дѣла такъ, чтобы вошествіе его на престолъ казалось дѣломъ самого Неба, въ слѣдствіе неотступныхъ моленій всей собранной въ Москвѣ *Русской земли*. Исполняя эту часть, какъ выразился Карамзинъ, *великаго театральнаго дѣйствія*, духовенство и вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ цари уже не Москвою, а всею Русью; но возвратились къ народу опять безъ успѣха. Смиренный избранникъ ужасался высоты, на которую его возводили, назвалъ своихъ просителей искусителями, выслалъ изъ монастыря и не велѣлъ возвращаться. Могъ ли послѣ этого усомниться народъ, или по крайней мѣрѣ большинство его, что мысль о престолѣ въ самомъ дѣлѣ никогда не входила въ сердце Годунова и что неограниченная власть надъ соотечественниками, равная на землѣ Божеской, устрашаетъ его душу, святую и добродѣтельную? Столь высокое пониманіе царскихъ обязанностей и святости верховнаго сана, съ одной стороны, по разсчету Годунова, должно было заставить народъ смотрѣть на него, какъ на единственное сокровище добродѣтели, а съ другой—возвести его будущую царственность на высоту, доступную одному благоговѣнію.

Отвергнутые въ другой разъ, духовные и свѣтскіе сановники изъявили наружное негодованіе, опре-

дѣлили пѣть во всѣхъ церквахъ праздничный молебенъ и обратиться еще разъ къ милосердію правителя; если жъ онъ и теперь не сжалится, то святители условились отлучить его отъ церкви, какъ человѣка, небрегущаго о благѣ отечества, тамъ же, въ монастырѣ, сложить съ себя святительство, кресты и панагіи, оставить образа чудотворные, запретить службу и пѣніе во всѣхъ церквахъ; »пускай народъ и царство гибнутъ въ мятежахъ и кровопролитіи, а виновникъ этого неисповѣдимаго зла да отвѣчаетъ предъ Богомъ въ день Страшнаго Суда!« Это былъ новый актъ »великаго театральнаго дѣйствія«. Годуновъ такимъ образомъ изъ алчнаго властолюбца дѣлалъ себя, въ глазахъ народа, жертвою, влекомою насильно къ алтарю отечества.

Всю слѣдующую ночь не угасали огни въ Москвѣ, не прерывались въ церквахъ моленія, и на разсвѣтѣ все обширное Дѣвичье поле передъ монастыремъ снова покрылось народомъ. Отпѣвъ соборомъ литургію въ монастырской церкви, патріархъ велѣлъ нести кресты и образа въ кельи царицы. Тамъ, съ земными поклонами и слезами, духовенство и знатнѣйшіе сановники опять принялись умолять царицу-инокиню благословить брата на царство. Но Борисъ просилъ сестру пощадить его отъ бремени, превос-

ходящаго его силы, и снова клялся, что никогда не дерзалъ возноситься умомъ до страшной для смертнаго высоты престола. Между тѣмъ присутствовавшіе при этомъ лицедѣйствіи сановники слѣдили за движеніями царицы и, когда она оборачивалась къ окну посмотрѣть на народъ, махали руками стоящимъ у окна на крыльцѣ; тѣ дѣлали тотъ же знакъ приставамъ, разсѣяннымъ въ народѣ, внутри монастырской ограды и за оградою; а по приказу приставовъ, все несмѣтное сборище людей повергалось ницъ и вопило о милосердіи ([13]). Кого не потрясло бы это единодушіе необозримаго сонма соотечественниковъ! Пружины, двигавшія ими, вѣдомы были немногимъ. Прочіе непритворно умилялись согласнымъ движеніемъ сердецъ, можно сказать, всего населенія царства; и когда наконецъ Борисъ, съ сокрушеніемъ сердца, согласился на прошеніе сестры *занять ея мѣсто на престолѣ*, когда патріархъ объявилъ дворя-

---

([13]) См. рукописный хронографъ въ *Москвит.* 1844, № 6, »Мнози же сутъ и неволею пригнани... принуждены съ великимъ воплемъ вопити и слезы точити... Они же (пристава) повелѣваютъ пасти на землю ницъ... нехотящимъ же созади въ шею пхающе и біюще... и вставъ неволею плакати, и иніи же нехотя, аки волцы, напрасно воюще, подъ глазы же слинами мочаще.«

намъ, приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Богъ даровалъ имъ царя, общая радость была неописана. Плакали, обнимали другъ друга, какъ будто освободились отъ величайшей опасности, или поражены неожиданнымъ счастьемъ. Доведя свое театральное представленіе до такой чувствительной развязки, Борисъ, тронутый, по-видимому, до глубины души общимъ чувствомъ любви къ нему, отправился съ духовенствомъ и сановниками въ монастырскую церковь, подвигаясь не безъ труда впередъ сквозь восторженную толпу, которая тѣснясь лобзала руки, ноги и одежду своего владыки. Въ церкви Годуновъ палъ передъ древними отечественными святынями, Смоленской и Донской иконами; патріархъ благословилъ его на государство и нарекъ царемъ. Процессія возвратилась въ городъ, при звонѣ всѣхъ Московскихъ колоколовъ и радостномъ крикѣ народа. Годуновъ остался еще на нѣсколько дней въ монастырскомъ уединеніи. Вѣрный своимъ соображеніямъ, онъ не спѣшилъ облачаться въ царское величіе, которое принялъ съ такими многочисленными предосторожностями

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Борисъ еще притворствуетъ. — Крестоцѣловальная запись. — Въѣздъ въ столицу. — Ѳеодоръ и Ксенія, дѣти Борисовы. — Серпуховское ополченіе. — Устройство пограничной стражи. — Бивуаки подъ Серпуховымъ. — Ханскіе послы. — Царское вѣнчаніе. — Милости. — Отрепьевъ подъ тайнымъ покровительствомъ бояръ. — Подозрѣнія Борисовы. — Ссылка Бѣльскаго. — Доносы. — Ссылка Романовыхъ, Черкаскихъ и другихъ. — Отрепьевъ уходитъ изъ Москвы. — Заботливость Борисова о ссыльныхъ. — Душевныя страданія его. — Шуйскіе. — Шведскій принцъ Густавъ. — Датскій королевичь Іоаннъ. — Отрепьевъ странствуетъ по монастырямъ и лѣсамъ. — Молитва о царѣ, обнародованная Борисомъ. — Иностранная гвардія. — Ропотъ народа. — Отрепьевъ діакономъ въ Чудовскомъ монастырѣ.

Въ наступившую масляницу Москва увидѣла своего царя. Еще за городомъ встрѣтили его купцы съ богатыми подарками. Борисъ принялъ одинъ хлѣбъ, отказался отъ золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, отъ соболей и жемчугу, ласково благодарилъ за все и

сказалъ достойныя царя слова: »Богатство мнѣ пріятнѣе въ рукахъ народа, нежели въ казнѣ.« Встрѣченный потомъ духовенствомъ, синклитомъ и народомъ, молился съ ними въ Успенскомъ храмѣ, принялъ въ другой разъ благословеніе на царство отъ патріарха и поздравленія гражданъ, поклонился гробамъ прежнихъ царей Московскихъ, потомъ предписалъ боярской думѣ управлять государственными дѣлами и возвратился въ монастырь къ сестрѣ. Тамъ, утѣшая печальную вдову, Борисъ неусыпно занимался дѣлами, часто пріѣзжалъ и въ самую думу, но отклонялъ просьбы духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ переѣхать съ семействомъ въ царскія палаты. Онъ и теперь казался до того равнодушнымъ къ верховному сану, что снова просилъ освободить себя отъ этого бремени. А между тѣмъ предложена была Москвитянамъ для присяги на вѣрность царю крестоцѣловальная запись, показывающая лучше всего, какъ дорожилъ онъ престоломъ. Въ этой записи выразились и недовѣрчивость его къ народу, свойственная лицемѣрамъ, оскорбительная для честныхъ людей, и суевѣрныя понятія тогдашняго времени. Присягающій, напримѣръ, долженъ былъ говорить по ней слѣдующее: »Также мнѣ надъ государемъ своимъ, и надъ царицею, и надъ ихъ дѣтьми ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ,

ни въ платьи, ни въ иномъ ни въ чемъ никакого лиха не учинить и не испортить, и зелья лихого и коренья не давать; а кто мнѣ станетъ зелье лихое или коренье давать, или мнѣ станетъ кто говорить, чтобъ мнѣ надъ государемъ своимъ, и надъ царицею, и надъ ихъ дѣтьми какое лихо учинить, или кто захочетъ портить, и мнѣ того человѣка никакъ не слушать и зелья лихого и коренья у того человѣка не брать; да и людей своихъ съ вѣдовствомъ и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылать, и вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на государское и на царицыно, и на царевичево, и на царевнино на всякое лихо; также государя своего и его царицу, и ихъ дѣтей на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортить, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не наслать и слѣду не вынимать ни которыми дѣлы, ни которою хитростью; а какъ государь царь и его царица, и ихъ дѣти куда поѣдутъ, или пойдутъ, и мнѣ слѣду волшебствомъ не вынимать, и всякимъ злымъ умышленіемъ и волшебствомъ не умышлять и не дѣлать ни которыми дѣлы, ни которою хитростью, по сему крестному цѣлованію; а кто тако вѣдовское дѣло похочетъ мыслить, или дѣлать и я то свѣдаю, и мнѣ про того человѣка сказать.«

Наконецъ апрѣля 30 Борисъ торжественно въѣхалъ

въ столицу и встрѣченъ былъ опять всѣми сословіями. Онъ вышелъ изъ великолѣпной колесницы и пошелъ къ народу, держа за руку девятилѣтняго сына, Ѳеодора, а другой рукою ведя пятнадцатилѣтнюю дочь, Ксенію. Не столько для самого себя, сколько для нихъ, добивался онъ царскаго сана, и радовался теперь больше какъ отецъ, нежели какъ честолюбецъ: не зналъ онъ, какую страшную участь уготовилъ своему семейству вмѣстѣ съ царскимъ величіемъ! И кто бы, глядя тогда на этихъ цвѣтущихъ красотою и счастливыхъ дѣтей, могъ предсказать, что отецъ, по ступенямъ трона, ведетъ ихъ на мучительную казнь! кто бы сказалъ, что такъ недолговѣчны будутъ величіе и жизнь самого Бориса! Въ то время онъ былъ еще въ цвѣтѣ мужественныхъ лѣтъ и здоровья. Высокій ростъ, выразительная физіономія, красота очертаній лица рѣдкая, а больше всего величавый видъ и повелительный взглядъ возвышали его и безъ блистанія царскихъ одеждъ надъ окружающими. Народъ глядѣлъ на него и на дѣтей его съ восторгомъ, видя въ этомъ новомъ царственномъ поколѣніи залогъ спокойствія и счастья государственнаго. Торжество его было истинное.

Опять были поднесены царю богатые дары отъ народа, и опять царь и дѣти его приняли только хлѣбъ:

Борисъ хотѣлъ казать себя блюстителемъ общаго благосостоянія, равнодушнымъ къ личному обогащенію. Въ церкви Успенія патріархъ въ третій разъ благословилъ его на государство и, въ знакъ царственности, возложилъ на него священный крестъ митрополита Петра. Потомъ былъ общій пиръ у царя для духовныхъ и свѣтскихъ, для знатныхъ и простолюдиновъ. Всѣхъ угощали съ безпримѣрною щедростью.

Прошло уже полтора мѣсяца со времени избранія царя, но Борисъ всё еще медлилъ полнымъ царскимъ вѣнчаніемъ. Онъ подтверждалъ на дѣлѣ свою неохоту царствовать; трудился усердно надъ дѣлами правленія и, казалось, очень мало заботился, что власть его не освящена еще торжественнымъ помазаніемъ. По-видимому, его гораздо сильнѣе занимали слухи о приготовленіяхъ Крымскаго хана къ набѣгу на Россію. Онъ съ умысломъ преувеличилъ важность полученныхъ изъ пограничья донесеній и заставилъ всѣхъ думать, что отечеству угрожаетъ великая опасность. Въ памяти Москвитянъ свѣжо еще было воспоминаніе о битвѣ съ Татарами подъ самой столицею, въ 1591 году. Вспомнили дѣйствія Бориса въ то опасное время, боялись новаго нашествія хана, и возложили теперь всю надежду на доказанную уже мудрость царя. Настроя такимъ образомъ умы, Борисъ пред-

писалъ всѣмъ воеводамъ — выслать на берега Оки стрѣльцовъ, козаковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и людей даточныхъ съ монастырскихъ помѣстьевъ. »Пускай«, говорилъ онъ, »воеводы не считаются старшинствомъ рода и не спорятъ о мѣстахъ. Всеобщее повиновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ.« Трудно было боярамъ переломить родовую гордость и нести *службу безъ мѣстъ;* права мѣстничества были для нихъ такъ важны, что изъ-за нихъ они осмѣливались иногда не слушаться и самого Іоанна Грознаго. Но на сей разъ никто не дерзнулъ ослушаться перваго повелѣнія новаго царя. Дворяне и боярскіе дѣти явились въ войско со всѣми слугами, годными къ ратному дѣлу, на лучшихъ коняхъ, въ богатыхъ доспѣхахъ. Все ополченіе простиралось до полумилліона воиновъ: сила, дотолѣ невиданная въ государствѣ.

Въ тѣ времена Россія была обитаема къ югу только на 700 верстъ отъ Москвы, до Ливенъ. Болѣе южные степные города: Курскъ, Осколъ, Царевъ-городъ и другіе были только укрѣпленные погранич-ные пункты посреди степей. Да и всѣ прочіе города за Окою назывались степными и только на нѣкоторое разстояніе были окружены обработанными зем-

лями (1). Въ каждомъ изъ пограничныхъ городовъ были свои воеводы и *осадные головы*, съ отрядами боярскихъ дѣтей, *городовыхъ* козаковъ и стрѣльцовъ. Сверхъ того, по всему пограничью устроены были въ трудныхъ для обхода мѣстахъ рвы, засѣки, забои (2) на рѣкахъ и другія полевыя укрѣпленія, охраняемыя стражею, для предупрежденія внезапнаго вторженія непріятелей. Въ каждомъ сторожевомъ укрѣпленіи стояло нѣсколько козаковъ, или севрюковъ (людей осѣдлыхъ) подъ начальствомъ *заставнаго головы* изъ боярскихъ дѣтей. Они назывались *станичными* и *сторожевыми*, въ отличіе отъ стрѣльцовъ и собственно *городовыхъ*, или *полковыхъ* козаковъ и севрюковъ, которые содержались только для защиты

---

(1) Маржеретъ, стр. 12: »Не взирая на плодородіе сего края, жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ.« Борисъ писалъ изъ Серпухова къ воеводамъ: »Я стою на берегу Оки и смотрю въ степи.« Карамз. XI, 10.

(2) Въ степи на рѣкахъ были удобные для переправы мѣста, *броды*, или *перелазы*. Чтобъ затруднить переправу непріятелямъ, на берегахъ рѣки, вдоль всего броду копали скрытныя ямы, въ нихъ набивали острые колья, а самый бродъ закладывали подъ водою колодами, густо набитыми честикомъ. Это называлось *закрѣпить бродъ*. Бѣляевъ, *О сторожевой и станичной службѣ*, 50, и слѣд.

города и для отраженія непріятелей на границахъ. Кромѣ сторожъ, укрѣпленныхъ засѣками, рвами, рѣчными забоями и т. п., дня на четыре или на пять ѣзды отъ городовъ, нерѣдко и ближе, учреждены были подвижные притоны, каждый изъ нѣсколькихъ станичныхъ козаковъ. Козаки эти выбирали для своихъ наблюденій возвышенный кряжъ земли, или старинный курганъ, или дерево на открытомъ, *усторожливомъ* мѣстѣ. Одна лошадь стояла всегда осѣдланная; сторожа поперемѣнно взлѣзали на дерево и смотрѣли во всѣ стороны. Едва вдали покажется пыль, сидящій на вершинѣ дерева слѣзаетъ внизъ, вскакиваетъ на лошадь и скачетъ къ другому подобному притону, отстоящему обыкновенно на 8, на 10 и до 40 верстъ; завидя сосѣдній постъ, кричитъ издали и показываетъ рукою, съ которой стороны виденъ непріятель. Тамошній сторожъ съ вершины дерева издали замѣчаетъ вѣстника и, лишь поймetъ изъ словъ его, или знаковъ, откуда поднимается пыль, велитъ своему товарищу скакать далѣе. Такъ въ нѣсколько часовъ вѣсть о набѣгѣ достигаетъ ближняго города, а скоро и самой Москвы. Оставшіеся сторожа скрываются въ травѣ и, когда орда проѣдетъ мимо, выходятъ на слѣды, угадываютъ приблизительно число непріятелей, по широтѣ и

глубинѣ протоптанной ими тропы, скачутъ тайными путями и другъ черезъ друга доставляютъ вѣсть главнымъ сторожевымъ отрядамъ. Кромѣ этого быстраго маневра, станичные козаки, не ожидая, пока непріятель покажется въ виду самой сторожи, разсылали отъ поры до поры вправо и влѣво верховыхъ. Пробѣгая по извѣстнымъ степнымъ путямъ, или *сакмамъ*, эти верховые встрѣчались съ разсыльными изъ сосѣдняго пункта, мѣнялись *допъздными памятями* и возвращались назадъ. Такимъ образомъ степныя дороги, по которымъ Татаре хаживали въ Русь (3), пересѣкались безпрерывными линіями разъѣздовъ. (4)

Всѣ этѣ сторожи, станицы и разъѣзды были въ большомъ движеніи, когда полумилліонная рать Борисова двинулась къ внутренней линіи пограничныхъ

---

(3) Маржеретъ пишетъ (стр. 57), что Татаре вообще избирали пути извѣстные и неохотно прокладывали новые по степной травѣ, изъ опасенія утомить лошадей.

(4) Касательно подвижныхъ степныхъ сторожъ сдѣлано при Іоаннѣ IV, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: »А становъ имъ не дѣлати, а огни класти не водномъ мѣстѣ, коли каша сварити, и тогды водномъ мѣстѣ огня не класти дважды; а вкоемъ мѣстѣ хто полдневалъ, и втомъ мѣстѣ не ночевати; а влѣсахъ имъ не ставитца, а ставитца имъ втакихъ мѣстахъ, гдѣ бъ было усторожливо.« Бѣляевъ, *О стор. и ст. службѣ*, 16.

городовъ, отдѣленныхъ отъ степей Окою. Главному стану назначено быть въ Серпуховѣ, правой рукѣ въ Алексинѣ, лѣвой въ Коширѣ, передовому полку, или авангарду, въ Калугѣ, сторожевому полку, или резерву, въ Коломнѣ. Получились новыя вѣсти, что степныя сторожи снялись съ мѣстъ и бѣгутъ передъ Татарами. Тогда самъ царь, въ сопровожденіи почти всего двора и многочисленнаго конвоя изъ жильцовъ Московскихъ, выѣхалъ изъ Москвы въ Серпуховъ. Тамъ, въ виду дикихъ степей, устроенъ былъ на лугахъ Оки рѣки обширный лагерь. Шестъ недѣль простоялъ Борисъ въ полѣ, собирая извѣстія, разсылая грамоты воеводамъ городовъ, лежащихъ за Окою, усиливая подкрѣпленіями отдаленные степные пункты, дѣлая смотры войску и угощая каждый день подъ шатрами не менѣе десяти тысячъ людей на серебрянной посудѣ. Сперва приходили въ царскій лагерь тревожныя извѣстія, что Татаре въ движеніи, что ханъ уже выступилъ въ походъ; потомъ слухи затихли, отдаленныя сторожи не видали на сакмахъ никакихъ непріятелей и войско мирно пировало съ ласковымъ своимъ царемъ, подъ яснымъ степнымъ небомъ. Развязка грознаго ополченія была такова, что, вмѣсто второго Мамаевскаго нашествія, явились отъ хана послы съ мирными предложеніями.

Торжество оттого было не меньшее: всѣ славили царя, одной грозою своей силы ужаснувшаго враговъ, защитившаго Русь отъ нашествія Татарскаго, отъ огня, меча и плѣна. Ханскихъ пословъ, начиная съ отдаленнаго сторожевого пункта, вели, отъ засѣки къ засѣкѣ, отъ станицы къ станицѣ, черезъ укрѣпленные степные города. Вездѣ передъ ними показывались разъѣздныя дружины на красивыхъ коняхъ, хорошо вооруженныя; въ засѣкахъ и окопахъ велѣно было стрѣлять и дѣлать громкіе оклики. Русская земля показалась Татарамъ укрѣпленнымъ станомъ. Когда жъ приблизились они къ Серпухову, куда сошлись между тѣмъ всѣ полки, ихъ поразилъ грохотъ ста пушекъ. Восходящее солнце озарило ложащійся по сырой травѣ дымъ и за нимъ необозримые ряды войска, выстроеннаго въ боевой порядокъ. Смѣшавшихся отъ изумленія и страха пословъ провели, подъ громомъ артиллеріи, сквозь всѣ полки; царь принялъ ихъ величаво, въ полныхъ доспѣхахъ, въ золотомъ шлемѣ, подъ великолѣпнымъ шатромъ, въ кругу своихъ полководцевъ и придворныхъ; потомъ роскошно угостилъ и отпустилъ къ хану съ Русскими послами, для утвержденія его союзной грамоты присягою. Въ тотъ же день Борисъ далъ обѣдъ всему полумилліону своихъ воиновъ, наградилъ чиновни-

ковъ, простился и уѣхалъ въ Москву, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ на войско и на всю »землю«. Но войско, замѣчаетъ лѣтописецъ, радовалось потому, что ожидало отъ него и впередъ такихъ угощеній и жалованья.

Возвратясь въ Москву, Борисъ наконецъ вѣнчался на царство съ обыкновенною въ такихъ случаяхъ торжественностью. Подъ вліяніемъ общаго восторга и собственнаго радостнаго чувства, онъ забылъ свою роль равнодушія къ царскому вѣнцу и, какъ бы въ благодарность за него своимъ избирателямъ, воскликнулъ: »Отче великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нищаго, или бѣднаго: послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!« Упоенный торжествомъ своимъ, Борисъ далъ и другой обѣтъ — въ теченіе пяти лѣтъ не казнить преступниковъ смертью, а ссылать въ отдаленныя области. Въ тотъ же день пожалованы ближніе вельможи въ высшіе чины, Московскіе купцы освобождены отъ платы пошлинъ на два года, казенные земледѣльцы отъ податей на годъ, а для крестьянъ господскихъ установлено, сколько имъ работать и платить господамъ безобидно. Трехдневный пиръ во дворцѣ заключилъ торжество вѣнчанія.

Въ эти дни шумной радости и невиданнаго дотолѣ

великолѣпія Борисъ былъ на верху блаженства, достигнутаго столькими усиліями, столькими злодѣйствами и, безъ сомнѣнія, душевными терзаніями. Теперь-то онъ успокоится отъ всѣхъ соперничествъ о первенствѣ, отъ тяжкихъ для сердца колебаній между страхомъ и надеждою. Престолъ его стоитъ крѣпко уже одной своею святостью для народа; а онъ сдѣлался общимъ благодѣтелемъ, не будучи еще царемъ, — не будучи еще царемъ, онъ пріучилъ всю Русь обращать на себя взоры съ надеждой благоденствія и безопасности, а безпокойныхъ сосѣдей со страхомъ и съ желаніемъ мира. Принявъ корону изъ рукъ *патріарха*, онъ возвысилъ въ своемъ лицѣ величіе царскаго сана. Народъ никогда еще не имѣлъ царя, въ такой славѣ восходящаго на престолъ, съ такимъ страстнымъ желаніемъ ожидаемаго, такъ горячо просимаго у Неба и съ такимъ восторгомъ принятаго. Словомъ, Борисъ, въ Мономаховой коронѣ, казался счастливѣйшимъ изъ государей и даже изъ людей вообще. Но какъ показалось бы жалкимъ это счастье тому, кто бы зналъ, что престолъ Борисовъ подкопанъ прежде, нежели сдѣлался его достояніемъ; что въ умахъ его соперниковъ, безсильныхъ бороться съ нимъ въ настоящій моментъ, разсчитывалась вѣрная гибель его и всего его дома; что сама,

можно сказать, судьба послала имъ орудіе, способное вѣрнѣе всякаго другого погубить его. Я говорю о Самозванцѣ. Въ эпоху величайшихъ успѣховъ властолюбія Борисова этотъ необыкновенный юноша находился уже въ Москвѣ подъ покровительствомъ враговъ его. Это былъ бѣдный сирота, родомъ изъ Галича, сынъ боярскаго сына, Богдана Отрепьева, по имени Юрій. Потерявъ рано отца, онъ въ дѣтскомъ возрастѣ оставилъ родную семью и, бросаемый игрою обстоятельствъ изъ угла въ уголъ, очутился какъ-то въ Москвѣ. Здѣсь онъ случайно попалъ на глаза князю Ивану Васильевичу Шуйскому, который, покорствуя Годунову, придумывалъ разныя средства погубить его. Увидя Юрія Отрепьева, Шуйскій затрепеталъ отъ мысли, внезапно озарившей его голову. Этотъ мальчикъ имѣлъ природныя примѣты Димитрія Угличскаго — лѣвую руку короче правой и бородавку на носу, возлѣ лѣваго глаза. Пылкій и смѣлый отъ природы нравъ Юрія былъ также принятъ Шуйскимъ въ соображеніе. Онъ показалъ свою находку ближайшимъ изъ своихъ друзей, и чудная мысль — обратить безроднаго сироту въ сына Іоанна Грознаго — тотчасъ сообщилась умамъ, напряженнымъ въ пріисканіи средствъ къ погибели счастливаго соперника. Условились забо-

титься общими силами о молодомъ Отрепьевѣ, тайно благодѣтельствовать ему черезъ другихъ, обращая на него, по-видимому, очень мало вниманія. И вотъ онъ попадаетъ, какъ-бы случайно, въ число дворянъ къ князю Борису Черкаскому, учится грамотѣ и скоро оказываетъ необыкновенныя способности въ изъясненіи Библіи, общей и почти единственной тогда науки. Дворчане князя Черкаскаго толкуютъ съ нимъ тайкомъ о разныхъ обстоятельствахъ жизни и смерти Угличскаго Димитрія, сообщаютъ ему любопытныя свѣдѣнія о козняхъ Годунова, считаютъ возможнымъ, что, вмѣсто царевича, подставленъ убійцамъ другой мальчикъ, что царевичь спасенъ и скрывается въ неизвѣстности. Молодой Юрій Отрепьевъ жадно слушаетъ всѣ эти толки, которымъ таинственность и страхъ быть подслушаннымъ придаютъ особенную прелесть. Пламенное воображеніе его бродитъ въ народѣ съ неизвѣстнымъ царевичемъ, и сердце бьется сильно отъ участія къ дивной судьбѣ его. Но ему долго еще не открываютъ, что этотъ странствующій царевичь — онъ самъ, что Богданъ Отрепьевъ и жена его были только его воспитателями. Юрій Отрепьевъ, въ свитѣ своего господина, ѣздитъ и во дворецъ, видитъ пріемъ пословъ иноземныхъ, видитъ царскіе выходы и узнаетъ обычаи двора съ

простодушнымъ любопытствомъ, вовсе не подозрѣвая, что его умышленно знакомятъ съ обычаями театра, на которомъ онъ долженъ со временемъ явиться главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Когда Борисъ Годуновъ сѣлъ въ первый разъ на тронъ Русскихъ царей, Отрепьеву было тогда шестнадцать лѣтъ; онъ видѣлъ торжество счастливаго крамольника, завидовалъ въ глубинѣ души подданному, возвысившемуся до царскаго величія, и воображеніе его еще живѣе рисовало передъ нимъ таинственнаго царевича, можетъ быть, скрытаго подъ монашескимъ подрясникомъ, можетъ быть, блуждающаго бездомнымъ козакомъ по дикимъ украйнамъ, можетъ быть, находящагося даже здѣсь, въ любопытной толпѣ народа... Сіяніе престола и вѣнца Борисова ослѣпляло зрителей; но какое трагическое лицо представлялъ этотъ полновластный и счастливый царь въ кругу подобострастныхъ исполнителей своей воли! Чествуя ему съ стѣсненнымъ сердцемъ, гордые потомки удѣльныхъ князей мимоходомъ бросали никому непонятный взглядъ на бѣднаго Юрія Отрепьева, котораго короткая рука и бородавка обѣщали имъ вѣрную пагубу Бориса!

И Борисъ не долго былъ спокоенъ на престолѣ, не смотря на явную приверженность къ нему гражданъ Московскихъ и выборныхъ изъ городовъ и

войска. Онъ зналъ, какъ тяжело было нѣкоторымъ родовитымъ боярамъ уступить престолъ человѣку незнатному родомъ и видѣть торжество соперника. Безмолвная покорность ихъ не успокоивала, а скорѣй пугала его. Недовѣрчивый, какъ всѣ лицемѣры, онъ не могъ въ этой излишней покорности не подозрѣвать спокойствія мстителя, нашедшаго наконецъ вѣрное, хоть и отдаленное, средство мести. Подозрѣвалъ, догадывался, и не могъ догадаться: средство было слишкомъ необыкновенно. Опасаясь, однакожъ, часъ отъ часу болѣе и болѣе, за себя и за дѣтей, любимыхъ съ горячностью необыкновенною, онъ рѣшился не щадить никого, если только представится поводъ къ подозрѣнію. И вотъ доносятъ ему, что Богданъ Бѣльскій, котораго онъ послалъ въ степи строить новую крѣпость, Борисовъ, величаетъ себя независимымъ владѣтелемъ степей, царемъ Борисовскимъ. Какъ ни груба была эта клевета, но Годуновъ имѣлъ уже въ умѣ нѣсколько злобныхъ замѣтокъ о Бѣльскомъ. Бѣльскій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Романовыми (5), имѣвшими на престолъ ближайшее

---

(5) Старецъ Филаретъ Романовъ, отзываясь въ заточеніи о всѣхъ прочихъ боярахъ презрительно, говорилъ: »Одинъ у нихъ разуменъ, Богданъ Бѣльскій, къ посоль-

право; отличаясь рѣдкимъ умомъ, онъ могъ придумать съ ними что-нибудь опасное. Онъ же, притомъ, явно ненавидѣлъ и часто обижалъ служащихъ при дворцѣ иностранцевъ, которыхъ Борисъ справедливо считалъ вѣрнѣйшими своими слугами: съ чего это, если не съ злого умысла противъ царя? Вѣря или не вѣря упомянутому доносу, Борисъ радъ былъ случаю освободиться отъ стараго крамольника и поручилъ судъ надъ нимъ верховной думѣ. Тамъ почти всѣ не любили временщика царствованія Іоаннова, несноснаго своею гордостью и ненавистнаго за умственное превосходство. Дума приговорила его къ смерти; но Борисъ оказалъ милость: велѣлъ Шотландцу Габріелю, личному врагу Бѣльскаго, выщипать ему по волоску густую, длинную бороду, и потомъ сослалъ въ Сибирь, а имѣніе его описано въ казну.

Такой злобный поступокъ, унижавшій достоинство правосудія царскаго, естественно долженъ былъ произвесть между боярами сердитые толки. Но, можетъ быть, съ Бѣльскимъ такъ и поступлено для того, чтобъ вывесть кой-какихъ опасныхъ людей изъ терпѣнія. Угадывая тайное желаніе тирана, нѣкто Воскимъ и ко всякимъ дѣломъ добрѣ досужъ.« *Акты Историч.*, т. II, донесеніе пристава Воейкова.

инко, холопъ князя Шестунова, обвинилъ явно своего господина въ злом умыслѣ противъ царя. Но Борису не Шестунова было нужно: у него тяжелымъ камнемъ лежалъ на сердцѣ знаменитый родъ Романовыхъ, и онъ придумалъ, наконецъ, какъ до него добраться. Не тронувъ Шестунова, велѣлъ сказать Воинку на площади, передъ всѣми людьми, *милостивое слово государево*, дать помѣстье и причислить къ городовымъ дѣтямъ боярскимъ. Эта постыдная награда породила безконечный рядъ доносовъ. Низкіе люди поняли несчастную болѣзнь Борисова сердца, и доносители появились толпою изо всѣхъ сословій: доносили священники, монахи, пономари, просвирни, доносили даже жены на мужей и дѣти на отцовъ. Братъ съ братомъ и отецъ съ сыномъ боялись говорить откровенно; послѣ довѣрчиваго разговора брали другъ съ друга клятву не доносить. За ложные доносы не было наказаній, а за справедливые, то есть, признаваемые справедливыми, почти всегда давали деньги и помѣстья. Обвиняемыхъ хватали, подвергали пыткѣ, замучивали иногда до смерти, многихъ заточали въ темницы, многихъ умерщвляли ядомъ, а иныхъ тайно топили въ водѣ. Ни при одномъ государѣ, говоритъ лѣтописецъ, не было такихъ бѣдъ!

Полиція Годунова навела ужасъ на всѣхъ тайныхъ

враговъ его; но они оттого сдѣлались только осторожнѣе. Зная, что могутъ пострадать и безъ улики, смѣлѣй обдѣлывали отважное свое дѣло и, посреди шпіоновъ, воспитывали противъ Бориса Самозванца. Подозрительный царь догадывался, что у бояръ что-то задумано; онъ выводилъ это изъ тысячи разнорѣчащихъ доносовъ, къ которымъ жадно прислушивалось его раздраженное ухо; но что именно они задумали и кто тутъ главные дѣятели — до этого никакъ не могъ докопаться. Зная однакожъ, что паденіемъ его, если бъ оно свершилось, должны воспользоваться Романовы, какъ ближайшіе престолонаслѣдники, предполагалъ, что, если не они сами, такъ другіе для нихъ работаютъ, и потому рѣшился погубить Романовыхъ вмѣстѣ съ ихъ близкими родными и пріятелями. Вскорѣ донесено царю, что у Александра Никитича Романова найденъ въ кладовой мѣшокъ съ ядовитыми кореньями. Лѣтописецъ увѣряетъ, что этотъ мѣшокъ былъ положенъ туда его дворецкимъ, по наущенію царскаго родственника, боярина Семена Годунова. Какъ бы то ни было, но этой находки было довольно, чтобъ обвинить Романовыхъ въ умыслѣ на Борисову жизнь. Всѣхъ шестерыхъ братьевъ тотчасъ схватили и, когда привели къ допросу, царскіе приближенные, угождая своему

владыкѣ, осыпали ихъ ругательствами и подняли такой крикъ, что не слыхать было и отвѣтовъ подсудимыхъ. Въ то же время взяты подъ стражу многіе родственники и друзья Романовыхъ. Долго шли пытки и допросы; замучено нѣсколько вѣрныхъ слугъ боярскихъ; пытали и самихъ Романовыхъ; ничего не узнали, однако остались при нелѣпомъ убѣжденіи, что Романовы хотѣли извести царя волшебными средствами, и низкіе ласкатели еще славили Бориса за милосердіе, когда онъ, вмѣсто казни, осудилъ несчастныхъ на заточеніе въ отдаленныя отъ столицы мѣста. Приговоръ этотъ былъ исполненъ въ іюнѣ 1601 года. Старшаго изъ Романовыхъ, Ѳеодора Никитича, постригли, подъ именемъ Филарета, въ монахи, чтобъ лишить его всякаго права на престолъ, и заточили въ Архангельской области, въ Сійскомъ монастырѣ, подъ строжайшимъ надзоромъ царскаго пристава. Жену его, сына и братьевъ развезли по разнымъ отдаленнымъ концамъ Россіи. Та же участь постигла зятя Ѳеодорова, князя Бориса Черкаскаго, — сына его, князя Ивана, — князей Сицкихъ, Шестуновыхъ, Карповыхъ и князей Рѣшиныхъ. Вотчины ихъ и помѣстья розданы другимъ, движимое имѣніе и дома отобраны въ казну.

Такимъ широкимъ взмахомъ Борису удалось сне-

сти гнѣздо злоумышленниковъ своихъ — домъ князя Бориса Черкаскаго, но онъ разорилъ его на-угадъ, не зная, здѣсь ли, въ другомъ ли мѣстѣ составлялись противъ него ковы. Многихъ дворянъ и слугъ князя Черкаскаго перебрали къ допросу; подозрѣніе Борисово коснулось и самого Юрія Отрепьева: о немъ дошла до царя какая-то злая вѣсть; велѣно было схватить его. Но надъ Юріемъ бодрствовалъ промыселъ человѣка сильнаго, осторожнаго, хитраго и смѣлаго: князь Василій Шуйскій, ожидая и себѣ со дня на день опалы и вѣчнаго заточенія, боялся, чтобъ его смѣлый планъ мести Годунову не остался тогда безъ успѣха. Это заставило его дѣйствовать не откладывая, и вотъ онъ открываетъ Отрепьеву мнимое его происхожденіе (6), успокаиваетъ поразившій юношу при такомъ открытіи страхъ, доставляетъ средства бѣжать изъ Москвы, совѣтуетъ скрыться отъ преслѣдованій Бориса постриженіемъ гдѣ-нибудь въ отдаленномъ монастырѣ и ожидать болѣе благопріят-

---

(6) Самозванецъ самъ разсказывалъ Іезуитамъ въ Польшѣ, что онъ долго не зналъ, кто онъ. См. *Annuæ Litteræ Societatis Iesu*, an. 1604, p. 704, 705: »Князь, имѣя уже болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, узналъ отъ воспитателей своихъ всю истину, отбылъ тайно къ нѣкоторымъ вельможамъ (Польскаго) королевства«, и пр.

наго времени для свержения хищника съ престола. Изумленный, встревоженный, подъ вліяніемъ тысячи чудныхъ мыслей, мечтательный юноша, какъ-бы родясь въ другой разъ на свѣтъ, уходитъ изъ Москвы, бродитъ изъ обители въ обитель, наконецъ постригается, подъ именемъ Григорія, въ Вятской области, въ Хлыновскомъ Успенскомъ монастырѣ. Все это произошло еще въ то время, когда шелъ судъ надъ опальными и они сидѣли по тюрмамъ въ Москвѣ. Неизвѣстно, увезли ли они въ горькую ссылку увѣренность, что не погибло чадо вражды ихъ къ Годунову; но когда распространился слухъ о первыхъ успѣхахъ Лжедимитрія, нѣкоторые изъ нихъ, живя въ заточеніи, часто посмѣивались тихомолкомъ, къ недоумѣнію приставовъ: что бы такое значилъ этотъ смѣхъ?

Должно, однакожъ, отдать справедливость Борису, что онъ не хотѣлъ губить своихъ опальныхъ изъ одного подозрѣнія: онъ заботился, чтобы не только они не имѣли недостатка въ пищѣ и во всемъ необходимомъ, но чтобы съ ними обходились бережно и почтительно (7). Пристава, отправленные съ бѣдными

---

(7) Приведемъ для примѣра выписки изъ наказа приставу, отправленному въ Сибирь вмѣстѣ съ Василіемъ

изгнанниками, думали угодить царю жестокимъ обхожденіемъ съ опальными; но Борисъ узналъ объ этомъ съ негодованіемъ и далъ повелѣнія въ точности исполнять свои наказы. Иванъ Романовъ и князь Иванъ Черкаскій, спустя нѣсколько времени, были возвращены въ Москву, а княгиня Черкаская съ женою Александра Романова и дѣтьми Ѳедора, или инока Филарета (въ числѣ которыхъ былъ и Михаилъ, въ послѣдствіи возведенный на царство) перевезены въ отчину Ѳедора Никитича. Царь опять

Романовымъ. »Везти дорогою Василья бережно, чтобъ онъ съ дороги не утекъ и лиха ни котораго надъ собою не учинилъ.... А въ Яранской пріѣхавъ, занять себѣ и для Василья дворъ въ городѣ, чтобъ отъ церкви и отъ съѣзжей избы, и отъ жилецкихъ дворовъ подалѣ, а будетъ такого двора нѣтъ, и присмотря мѣсто, велѣть дворъ поставить; а на дворѣ велѣть поставить хоромъ двѣ избы да сѣни, да клѣть, да погребъ... А корму Василью давать съ человѣкомъ: по калачу да по два хлѣба денежныхъ, да въ мясные дни по двѣ части говядины, да по двѣ части баранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ лучится, да квасъ житный; а на кормъ послано сто рублевъ денегъ.« *Акты Историч.* II, № 38. Объ инокѣ Филаретѣ Борисъ писалъ къ игумену Сійскаго монастыря, чтобъ онъ велѣлъ ходить Филарету въ церьковь съ собою, »а отъ дурна его уговаривалъ, а безчестья бъ ему ни котораго не дѣлалъ.« Тамъ же, № 34.

писалъ тогда къ ихъ приставу: »чтобъ дворовой никакой нужи не было, и кормъ имъ давалъ доволенъ и покоилъ ихъ всѣмъ, чего ни спросятъ, а не такъ бы еси дѣлалъ, что писалъ прежъ сего, что яицъ съ молокомъ даешь не отъ велика: то ты дѣлалъ своимъ воровствомъ и хитростью.« Перечитывая доносы приставовъ о рѣчахъ изгнанниковъ, Борисъ не разъ бывалъ тронутъ ихъ жалобами, ибо немедленно дѣлалъ распоряженія о послабленіи ихъ заточенія и увеличеніи удобствъ жизни. Такъ было поступлено съ инокомъ Филаретомъ, когда приставъ сообщилъ царю слѣдующія слова его: »Милыя мои дѣтки, маленьки бѣдныя остались; кому ихъ поить и кормить? Таково ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная, на удачу уже жива ли! таково жъ замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ ужъ что надобно? лихо на меня жена да дѣти; какъ ихъ помянешь, ино что рогатиной въ сердце толкнетъ. Много иное они мнѣ мѣшаютъ... Дай, Господи, слышать, чтобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и язъ бы тому обрадовался. Я чаю, жена моя и сама рада тому, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы ужъ не мѣшали; я бы сталъ промышляти одною своею душею. А братья ужъ всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ.« (Филаретъ думалъ, что всѣхъ ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ).

Да, Борисъ не былъ тираномъ безчувственнымъ, отъ котораго отвращается сердце; онъ достоинъ участія. Жалкая страсть приписывать другимъ свои свойства, свою зависть къ чужому возвышенію, свою мстительность, свою наклонность къ хитрымъ проискамъ, сдѣлавшись карою за всѣ его злодѣйства, лишала его сердечнаго спокойствія, слѣдовательно и счастья жизни, и побуждала къ такимъ дѣламъ, на которыя онъ въ другомъ званіи, въ другомъ общественномъ положеніи никогда бы, можетъ быть, не рѣшился. Многихъ его подозрительность и вѣчныя опасенія за престолъ сдѣлали несчастными, но, если измѣрять несчастіе количествомъ терзаній сердца, то самъ онъ былъ всѣхъ несчастнѣе. Къ его душѣ, развращенной въ вѣчныхъ ковахъ и хитростяхъ, раздраженной дѣйствительными и мнимыми врагами до свирѣпости, но не безчувственной къ страданьямъ себѣ подобныхъ, сходились радіусами со всѣхъ концовъ Россіи вопли жертвъ его и мучили его совѣсть тѣмъ болѣе, что онъ рѣдко бывалъ вполнѣ убѣжденъ въ дѣйствительности караемыхъ имъ преступленій. Колебанье между совѣстью и подозрительностью всего замѣтнѣе въ поступкахъ его съ Шуйскими. Шуйскіе не были ближайшими наслѣдниками престола, какъ Романовы; царскіе приверженцы, слѣдовательно, не боялись отъ

нихъ паденія Годунова и своего собственнаго, и не такъ дѣятельно ихъ подкапывали. Борисъ, не находя явной вины за ними, кромѣ своего подозрѣнія въ ихъ недоброжелательствѣ, нѣсколько разъ удалялъ ихъ отъ двора и потомъ возвращалъ опять; оказывалъ притворное благоволеніе этому скрытно злобствующему роду, и въ то же время преслѣдовалъ всякаго, кто входилъ съ Шуйскими въ близкія связи; наконецъ успокоилъ себя тѣмъ, что запретилъ старшему Шуйскому, Василію Ивановичу, жениться (бездѣтность, думалъ Борисъ, и неимѣніе, кому оставить пріобрѣтенное, остановятъ его въ стремленіи къ престолу), а чтобъ разрознить интересы братьевъ, выдалъ за средняго Шуйскаго сестру жены своей. Породнивъ еще нѣсколько родственниковъ съ знатными домами, Борисъ считалъ себя достаточно обеспеченнымъ отъ ихъ недоброжелательства. Оставалось найти опору своему дому внѣ государства родственными связями съ семействами иноземныхъ государей.

Еще покойный Ѳеодоръ перезывалъ въ Россію принца Густава, сына герцога Шведскаго, Эрика XIV, котораго престоломъ овладѣлъ братъ его, Іоаннъ. Несчастный Эрикъ былъ отравленъ въ темницѣ, и самому Густаву, тогда двухлѣтнему ребенку, угрожала участь Угличскаго Димитрія, но судьба спасла его

отъ смерти для скитальческой жизни. Достигнувъ зрѣлаго возраста въ борьбѣ съ величайшими опасностями, онъ долженъ былъ вести жизнь безпріютнаго бродяги. Одна любовь къ наукамъ услаждала горестную участь его. Русское правительство надѣялось, обласкавъ бѣднаго принца, сдѣлать его орудіемъ своей политики для отторженія отъ Швеціи Ливонскихъ городовъ. Но зазывъ Ѳеодора остался безъ успѣха. Густавъ продолжалъ странствовать убогимъ студентомъ по Европѣ, предаваясь страстно наукамъ, особенно алхиміи; наконецъ, угнетаемый крайнею нуждою, пришелъ въ нищенскомъ рубищѣ въ Краковъ, гдѣ при королевскомъ дворѣ сестра его была фрейлиною. Нѣсколько времени пользовался онъ покровительствомъ Польскаго государя; но злоба придворныхъ заставила его бѣжать оттуда и искать убѣжища у Нѣмецкаго императора Рудольфа. Скоро подобныя же обстоятельства выжили его и отъ Рудольфа. Бѣднякъ опять пустился странствовать по Европѣ, питаясь отчасти милостынею, отчасти продажею химическихъ запасовъ; разстроилъ здоровье безпрерывнымъ ученіемъ, а особливо химическими опытами, и наконецъ пріютился въ Прусскомъ городѣ Торнѣ, получая скудное жалованье отъ двоюроднаго брата своего, короля Сигизмунда. Борисъ послалъ къ нему тайно

посла своего съ предложеніемъ переѣхать въ Россію, гдѣ ему обѣщали приличное его сану содержаніе и покровительство могущественнаго государя. Принцъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ ему позволено было выѣхать изъ Россіи, когда заблагоразсудится. У посла была готова на это *опасная* грамота. На границѣ встрѣтили Густава Московскіе сановники, вручили отъ царя богатые одежды и съ большимъ почетомъ повезли въ столицу. Борисъ принялъ его въ блестящемъ собраніи двора, угощалъ въ Грановитой Палатѣ, опредѣлилъ на содержаніе ему Калужскій удѣлъ (три города съ волостями), подарилъ серебряную посуду для дома, множество золотой и серебряной парчи Персидской, бархату, атласу и другихъ шелковыхъ тканей для всей его свиты, дорогіе каменья, золотыя цѣпи, жемчужныя ожерелья, красивыхъ коней со всѣмъ уборомъ, всякаго рода мягкую рухлядь и 10 тысячъ рублей, — сумму незначительную, въ сравненіи съ дарами. Два вида имѣлъ на него Борисъ: овладѣть Ливоніею и, женивъ его на своей дочери, Ксеніи (8), возвести ее вмѣстѣ съ нимъ на

(8) Беръ, Петрей, Маржеретъ согласно пишутъ объ этомъ намѣреніи Бориса. Г. Устряловъ, въ 18 пр. къ I т. *Сказ. Совр. о Дим. Сам.* отрицаетъ его, не приводя дру-

Шведскій престолъ; но въ обоихъ ошибся. Густавъ, предпочитая всему на свѣтѣ ученыя занятія, считалъ престолъ и душевное спокойствіе предметами несовмѣстными; проливать кровь соотечественниковъ для того только, чтобъ они имѣли герцогомъ не Іоанна, а Густава, называлъ дѣломъ безбожнымъ; а дочери царя Московскаго предпочиталъ какую-то женщину, изъ любви къ нему оставившую мужа, бѣжавшую за нимъ изъ Данцига и готовую, какъ ему казалось, дѣлить съ нимъ бѣдность и всѣ непріятности страннической жизни. Не говорю уже о перемѣнѣ вѣры, что было необходимо при женидьбѣ на Московской царевнѣ и чего не согласился бы онъ сдѣлать ни за какія блага въ мірѣ. Видя, что Борисъ вызвалъ его въ Россію вовсе не изъ великодушія, ученый и простодушный принцъ сперва просилъ позволенія немедленно выѣхать за границу, а потомъ требовалъ этого какъ права, утвержденнаго опасною грамотою; но у него, если вѣрить Петрею (9), похитили тайно царское ручательство, думая что необходимость прими-

---

гого доказательства, кромѣ намѣренія Борисова овладѣть Ливоніею. Но развѣ одно съ другимъ несовмѣстно?

(9) Петрей Шведскій посланникъ, бывалъ нѣсколько разъ въ Россіи во время Самозванцевъ и видѣлъ могилу принца Густава.

ритъ его съ предложеніями Бориса. Не таковъ былъ Густавъ. Онъ рѣзко сказалъ царю, что »государи и князья должны имѣть одно перо и одинъ языкъ«, предался сильной горести и часто, разгоряченный виномъ, неосторожно хвалился отомстить Москвитянамъ за безчестный плѣнъ свой. Тогда Борисъ велѣлъ отобрать у него все серебро, платья и другіе подарки, приставилъ къ нему крѣпкую сторожу и нѣсколько дней держалъ на скудной пищѣ; наконецъ смягчился и послалъ въ разоренный Угличъ, подъ присмотромъ приставовъ, которымъ поручено управлять Угличскимъ помѣстьемъ и давать принцу съ его служителями необходимое содержаніе. Такъ въ жилищѣ несчастнаго царевича Димитрія, полномъ страшныхъ воспоминаній, поселился мирный химикъ съ своими ретортами и книгами. Нѣсколько лѣтъ учился онъ и грустилъ въ такъ называемомъ дворцѣ Димитрія, тяжеломъ, малооконномъ каменномъ домикѣ. По смерти Годунова, Самозванецъ, уважая въ немъ человѣка ученаго ([10]), далъ ему лучшія удобства жизни въ Яро-

---

([10]) *Собр. Гос. Гр. и Д.* II, № 97: »Густава хочемъ имѣти в'иномъ береженьи, не какъ князя, либо королевича Шведскаго, но, просто, какъ человѣка, въ такихъ (научныхъ) дѣлахъ смышленаго.«

славлѣ, откуда въ послѣдствіи онъ былъ переселенъ въ Кашинъ, гдѣ и умеръ, въ 1607 году, отъ тоски на чужбинѣ и досады на вѣтренность любовницы, которая, измѣнивъ мужу, не долго была вѣрна и ему. Какъ иновѣрца, его похоронили за городомъ особо отъ общаго кладбища, въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кашенки.

Въ то время, когда несчастный Густавъ томился скукою въ пустынномъ Угличѣ, Борисъ пріискалъ своей дочери другого жениха. Это былъ братъ Датскаго короля, Христіана, Іоаннъ, двадцатилѣтній юноша, веселаго и любезнаго нрава. Король Христіанъ, надѣясь съ помощью могущественнаго царя Московскаго торжествовать надъ всегдашними своими непріятелями, Шведами, охотно отпустилъ герцога Іоанна въ Россію. Его встрѣтили и провожали еще съ большимъ почетомъ, нежели Густава. Молодой герцогъ въѣхалъ въ Россію со стороны города Нарвы, по рѣкѣ Наровѣ, въ сопровожденіи Датскихъ пословъ и многочисленной свиты. Его везли къ Москвѣ медленно, дѣлая не болѣе 30 верстъ въ сутки; останавливались въ полѣ подъ великолѣпными шатрами, тѣшили королевича охотою по берегамъ красивыхъ рѣкъ и по лѣсамъ. Герцогу нравилась эта прогулка по мѣстамъ, мало населеннымъ и обильнымъ всякаго рода

птицами и звѣрями (11). Онъ радовался открытію обширной, плодоносной и богатой живописными видами страны, о которой наслышался, какъ о какомъ-

---

(11) Маржеретъ, стр. 13, 14, пишетъ: »Вы найдете (въ Россіи) всякаго рода дичь и животныхъ, какъ и во Франціи, исключая кабановъ. Ланей и дикихъ козъ довольно въ восточныхъ и южныхъ областяхъ; лосей множество во всей Россіи (самые большіе лоси находились въ лѣсахъ близь Ростова, Вычегды, Новогорода, Мурома и Перми. Карамз. X, 144); кролики весьма рѣдки; фазановъ, куропатокъ, дроздовъ сѣрыхъ и черныхъ, перепелокъ, жаворонковъ весьма много, кромѣ безчисленнаго количества другой дичи, исключая бекасовъ, коихъ мало видно. Въ августѣ и сентябрѣ бываетъ много журавлей, лебедей, гусей и дикихъ утокъ; изъ аистовъ я видѣлъ зимою только одного совершенно чернаго. Плотоядныя животныя суть: медвѣди бѣлые и черные, — ихъ очень много; лисицы, коихъ пять родовъ, и волки, звѣри обыкновенные по обширности лѣсовъ, весьма вредные для домашняго скота. (Лизекъ, секретарь цесарскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 году, увѣряетъ, что дорога отъ Смоленска до Москвы была весьма опасна отъ множества волковъ, которые изъ темнаго, безпрерывнаго лѣса бросались на путешественниковъ. *Relatio.... strictim recensita per Ad. Lyseck*, 1676, cap. VII, въ *Сказ. Совр. о Дим. Сам.*, III, пр. 18.) Сверхъ того во всякое время попадаются соколы, ястребы и другія хищныя птицы. Рѣки изобилуютъ такою вкусною, разнообразною рыбою, что подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ«, и пр.

то мрачномъ царствѣ вѣчнаго холода (12); видѣлъ въ Русскихъ боярахъ и дьякахъ людей привѣтливыхъ, толковыхъ и обходился съ ними ласково и почтительно, *не по ихъ мѣрѣ*. Бояре дивовались и гордились, что

---

(12) Не упоминая о другихъ, болѣе извѣстныхъ разсказахъ о мнимыхъ ужасахъ природы въ Россіи, приведу слова Французскаго путешественника Гильберта де Ляннои, который посѣщалъ въ началѣ XV вѣка Новгородъ и Псковъ, »чтобъ видѣть свѣтъ«. Онъ говоритъ, мѣшая обыкновенное съ небывалымъ и называя все чудесами: что »когда ѣхалъ черезъ лѣсъ, слышенъ былъ трескъ деревьевъ, которыя отъ холоду кололись и распадались отъ вершины до корня. Груды конскаго навозу отскакивали отъ мерзлой земли вверхъ; а когда заснешь ночью въ этой пустынѣ, то утромъ найдешь бороду, брови и вѣки омерзлыя отъ дыханія и всѣ во льду, такъ что проснувшись едва можно открыть глаза. Еще иное чудо холода видѣлъ я долго: глиняный горшокъ, полный воды и мяса, приставленный къ огню, съ одной стороны кипѣлъ, а съ другой обмерзалъ льдомъ.« Вслѣдъ за тѣмъ онъ удивляется, что мокрыя серебряныя чашки примерзли къ его пальцамъ и, когда онъ сложилъ двѣ вмѣстѣ, такъ онѣ смерзлись отъ холоду. *Voyages et Ambass. de m. Guilbert de Lannoy, 1399—1450.* Мильтонъ *(A brief History of Moscovia)* уже во второй половинѣ XVII вѣка, говоритъ почти то же: »Въ Московіи такъ холодно зимою, что полѣно дровъ, положенное въ огонь, съ одной стороны пылаетъ, а съ другой обмерзаетъ.«

онъ противъ нихъ вставалъ и здоровался, снявши шляпу; доносили съ дороги царю, что дѣлаетъ, что говоритъ *королевичъ Яганъ* (Іоаннъ), описывали его Нѣмецкой нарядъ (13) и не могли нахвалиться веселымъ и добродушнымъ его нравомъ. Нѣсколько разъ встрѣчали королевича Ягана царскіе слуги съ новыми и новыми подарками. Въ Москвѣ гудѣлъ огромный Кремлевскій колоколъ, пока онъ проѣзжалъ черезъ городъ. Отдохнувъ нѣсколько дней въ отведенномъ ему домѣ, королевичь Яганъ представился Борису, видимо очаровалъ его и наружностью, и поведеніемъ своимъ, обѣдалъ въ Грановитой Палатѣ объ руку съ царемъ — честь, недоступная никому, кромѣ царскихъ дѣтей — и наконецъ посватался, или лучше сказать посватанъ за прелестную Ксенію. Подаркамъ отъ царя и царевича не было цѣны. Невѣсты однакожъ, по тогдаш-

---

(13) »Платьицо, государь, на немъ было атласъ алъ, дѣлано съ конютелью по-Нѣмецки; шляпка пуховая; на ней кружевца, дѣлано золото да серебро съ конютелью; чюлочки шелкъ алъ, а башмачки сафьянъ синь.« Въ другомъ мѣстѣ: »А платьицо на немъ въ то время было атласъ желтъ съ кружевцомъ, шапочка вашего государскаго жалованья, третьего наряду, бархатъ синь, низана жемчюгомъ околъ соболей, чюлочки шелкъ желтъ.« Въ Датскихъ Дѣлахъ, отписки Салтыкова и Власьева о Герцогѣ Іоаннѣ, Карамз. XI, пр. 60.

нимъ обычаямъ, королевичу не показали. Онъ могъ увидѣть ее только во время обрученія. Приступая къ такому важному дѣлу, Борисъ отправился въ *Троицкій походъ* (14) молиться объ успѣхѣ его; но, возвратясь въ Москву, нашелъ веселаго и цвѣтущаго королевича Ягана на смертномъ одрѣ. Никакія усилія врачей не могли остановить внезапно схватившей его горячки: женихъ Ксеніи умеръ черезъ мѣсяцъ послѣ сватовства своего. Борисъ былъ сильно пораженъ этимъ ударомъ и, набожный при всей испорченности сердца, страдалъ тѣмъ болѣе, что считалъ это небесною карою за разрушеніе счастья столькихъ семействъ, за лишеніе жизни столькихъ людей, по подозрѣнію въ злоумышленности. Что же, еслибъ онъ зналъ еще, что лѣтописцы назовутъ его предъ потомствомъ убійцею жениха его дочери! (15) Но, можетъ

---

(14) См. выше; стр. 26, прим. 5.

(15) Въ Никон. лѣт. »Дойде же до царя Бориса, что его (Іоанна) любятъ всею землею; онъ же яростію наполнися и зависти, и чаяше того, что по смерти моей не посадятъ сына моего на царство, и начатъ королевича не любити и не пощади дочери своей, и повелѣ Семену Годунову, какъ бы надъ нимъ промыслити... Королевичъ же впаде въ болѣзнь и посла по дохтуровъ; дохтуры же быша у того боярина Семена въ приказѣ... и возвѣстиша Семену, яко можна ему пособити; онъ же на нихъ сви-

быть, онъ и зналъ это, ибо лѣтописцы повторили только молву народную, а народная молва отзывалась во дворцѣ эхомъ, посредствомъ безчисленныхъ шпіоновъ царскихъ.

Борисъ нашелъ Ксеніи новаго жениха, но ей суждена была иная доля... Въ то время, какъ Борисъ уничтожалъ мнимыя опасности, грозившія его семейству и искалъ ему незыблемыхъ опоръ, бѣдный, никому невѣдомый инокъ Григорій болѣе и болѣе проникался мыслью о царственномъ своемъ происхожденіи. Монахъ по силѣ обстоятельствъ, онъ не могъ сносить смиренно суровой монастырской зависимости отъ старшихъ. Пылкій нравъ его, чѣмъ дальше, дѣлался все раздражительнѣе отъ подавленной тайны, отъ досады на низкую его долю, отъ тяжкой грусти и множества дерскихъ замысловъ, то составляемыхъ съ надеждой на успѣхъ, то разрушаемыхъ въ горестномъ разувѣреніи. Молодой послушникъ часто возмущался противъ суроваго *начала* старцевъ, не уживался ни съ кѣмъ, скоро нажилъ себѣ въ Хлыновскомъ монастырѣ всеобщую вражду и долженъ былъ искать пріюта въ другой обители.

рѣпымъ окомъ зряше, и ничего не проглаголаше; они же то видяху, яко не годно бысть, королевичъ же и умре.«

Та же исторія повторялась въ Суждальскомъ, въ Спасовскомъ на Куксѣ и въ другихъ монастыряхъ. Переходя изъ обители въ обитель, онъ часто по нѣскольку дней скитался въ дремучихъ лѣсахъ, находя отраду волнующейся душѣ въ безлюдной дикости пустынь и, подъ шумъ сѣверныхъ сосенъ, питая отважную думу о престолѣ. Въ горькомъ сознаніи своего безсилія, онъ обращался иногда къ страшнымъ сверхъестественнымъ средствамъ: звалъ лѣсовиковъ и злобныхъ вѣдьмъ на помощь, готовъ былъ отдать будущее блаженство души за земное царствованіе; и, неслышимый адскими силами, впадалъ въ отчаяніе, искалъ опасностей, съ однимъ ножомъ и остроконечнымъ посохомъ въ рукахъ подымалъ изъ берлоги разъяреннаго медвѣдя, смѣло встрѣчалъ его, убивалъ и трудною побѣдою утолялъ на время страстную душу. То снова обращался къ строгой монашеской жизни, изучалъ священныя книги и лѣтописи, трудился надъ искуствомъ скорописца, сочинялъ лучше сановныхъ иноковъ похвалы святымъ, къ дивленію братіи и монастырскихъ старѣйшинъ (16); съ жаромъ молился о возвращеніи ему отцовскаго престола. Но

---

(16) Въ Никон. Лѣт.» Грамота жъ дастся ему не отъ Бога, и бысть зѣло грамотѣ гораздъ.«

небо, какъ и земля, не внимало его воплямъ. Борисъ властвовалъ надъ умами, что дальше, все могущественнѣе. Его имя, почти боготворимое, произносилось безпрестанно — одними для того, чтобъ не давать повода къ подозрѣніямъ, другими для того, чтобы распространять въ народѣ выгодныя для нихъ убѣжденія. Между тѣмъ Борисъ, недовольный усердіемъ боязливыхъ и ревностью наглыхъ, обнародовалъ еще особенную молитву, составленную искусными книжниками для чтенія вездѣ, гдѣ сойдутся нѣсколько человѣкъ на обѣдъ, или на ужинъ, или просто сядутъ распить братину вина. Бесѣда обязана была, выпивая во здравіе царя, такъ называемую *царскую чашу*, прочитывать не иную, какъ именно такую молитву: »Мы, сущіе днесь во палатѣ сей, молимъ безначальна Отца и Сына, иже воплотися отъ Святаго Духа, о здравіи и о побѣдѣ на враги великому, благочестивому Божіему слугѣ, государю царю Борису Ѳеодоровичу, Богомъ избранному и Богомъ почтенному и превознесенному, самодержащему скипетры на всей восточной странѣ и на сѣверѣ, и его царскаго пресвѣтлаго величества царицѣ, и ихъ благороднымъ чадамъ, и христолюбивому ихъ воинству, и о тишинѣ всему православному Христіянству; и на томъ убо и чашу сію царскую вы (гости) воздвигнули и повелѣли мнѣ

(хозяину) грѣшному предпоставити въ руки ваши. Дай Богъ, чтобы государь нашъ и великій князь, Борисъ Ѳеодоровичъ, единый подсолнечный Христіянскій царь и его царица и ихъ царскія дѣти были на многія лѣта здравы и счастливы и врагамъ своимъ страшны, — чтобъ всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству, и имя его славилося отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя, къ его чести и къ повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію, — чтобы тѣ великіе государи его царскому величеству послушливые были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали, — чтобы его прекрасно-цвѣтущія, младо-умножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царствія были на вѣки и нескончаемые вѣки безъ урывку; а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливалися выше прежняго: къ воинскому чину призрѣніе и храброе устроеніе, и много милости бѣднымъ и вдовамъ, и сиротамъ, а всѣмъ благое покровеніе и крѣпкое защищеніе, а виннымъ пощада и долготерпѣніе.«

Заставя такимъ образомъ все государство славо-

словить свое имя, присутствуя невидимо во всѣхъ бесѣдахъ, гдѣ царствовали недовѣрчивость и боязнь. Борисъ думалъ вселить любовь къ себѣ посредствомъ привычки, — провести ее къ сердцамъ посредствомъ слуха, какъ-будто люди — безсмысленные инструменты, которые можно настроивать на любой ладъ; но вселялъ только ненависть. Въ то время, какъ уста произносили установленную формою молитву, въ сердцахъ кипѣли тайныя проклятія. Славили и благословляли царя публично, но тѣмъ больше злословили въ тайныхъ пріятельскихъ кружкахъ, недоступныхъ для доносчиковъ. Умы были смущены; всѣ чувствовали гнетущую ихъ тяжесть царской подозрительности. Борисъ съ своими хитросплетенными сѣтями, раскинутыми по всей Руси, съ своими лицемѣрами и доносчиками, разсѣянными во всѣхъ сходкахъ и бесѣдахъ, казался ужаснѣе самого Іоанна Грознаго. Недоставало только опричнины, но и она явилась, только въ иномъ, ненавистнѣйшемъ для народа видѣ. Уже давно Борисъ не довѣрялъ Москвитянамъ, не смотря на восторгъ, съ которымъ они приняли его на царство. Какъ фигляръ, двигающій пружинами, равнодушенъ къ дѣйствію своихъ куколъ, такъ и онъ, чѣмъ съ большею хитростью игралъ чувствами и умами подданныхъ, тѣмъ менѣе вѣрилъ

ихъ искренности; сталъ рѣдко показываться народу, безвыѣздно жилъ во дворцѣ, охряняемомъ днемъ и ночью многочисленною стражею стрѣльцовъ, и, если выходилъ въ церковь, то не иначе, какъ окружась густой толпою тѣлохранителей. Но и стрѣльцовъ наконецъ началъ онъ опасаться: не вѣрилъ, чтобы Русская душа не откликалась Русской; боялся, чтобъ народная ненависть милліоновъ людей не сообщилась и приближеннымъ къ царю тысячамъ. Итакъ, оставя стрѣльцовъ сторожами второстепенныхъ постовъ дворца, составилъ онъ себѣ отрядъ тѣлохранителей изъ однихъ иностранцевъ. Какъ много придавалъ онъ важности этой гвардіи, видно изъ пріема въ нее тридцати-пяти Ливонскихъ дворянъ, бѣжавшихъ въ Россію отъ Польскихъ насилій. Бѣглые Нѣмцы, въ бѣдныхъ, поношенныхъ платьяхъ, были представлены царю въ собраніи двора. Они стыдились своего убожества и явились на аудіенцію только по милостивому царскому приказанію. »Меня трогаетъ«, сказалъ имъ царь, »несчастье, которое принудило васъ покинуть родину и собственность, и вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ отечествѣ. Васъ дворяне, я сдѣлаю князьями; васъ граждане, боярами; ваши жены въ моемъ царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работниками;

одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вамъ не царь, не господинъ, а истинный отецъ; вы будете не подданные, а Нѣмцы, дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить вашихъ споровъ; дарую вамъ свободу въ богослуженіи. Присягните только Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему, — не уходить тайно къ Туркамъ, Татарамъ, Персамъ, Шведамъ, Полякамъ, — не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ, — не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ.« Эти слова записаны очевидцемъ сцены, Мартиномъ Беромъ. Все обѣщанное было исполнено. Нѣмцевъ раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, — имъ, сверхъ ежемѣсячнаго содержанія и богатыхъ даровъ, давалось по 50 рублей (на нынѣшніе деньги 600 р. сер.) годового жалованья и 800 четвертей земли (400 десятинъ) съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомственное владѣніе. Ко второй статьѣ причислены были дворяне среднихъ лѣтъ, — имъ отпускалось изъ казны по 30 рублей годового оклада и 500 четвертей земли съ 50 крестьянами. Въ третей статьѣ были молодые дворяне и заслуженные солдаты, — эти получили по 20 рублей годового жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами. Четвертая

состояла изъ слугъ, — они получали по 15 рублей годового жалованья и 300 четвертей земли съ 20 крестьянами.

Какъ случалось всегда и вездѣ, гдѣ государи ввѣряли охраненіе своей безопасности стражѣ иностранныхъ наемщиковъ, природные подданные пришли въ негодованіе. Разумѣется, они сохраняли его въ тайнѣ, но тѣмъ не менѣе вредны были царю послѣдствія народнаго неудовольствія. Ко всему прежнему причлась еще особенная любовь Годунова къ Нѣмецкимъ его медикамъ, которые были у него въ такой чести, были осыпаны столькими милостями, что казались князьями и боярами. Онъ видался съ ними ежедневно, любилъ бесѣдовать о политикѣ, о вѣрѣ и, по ихъ просьбѣ, позволилъ даже построить Лютеранскую церковь подъ Москвою. Послѣднее больше всего не полюбилось православнымъ. Глухой ропотъ, едва уловимый для слуха шпіоновъ проносился въ народѣ. Шуйскій все это принималъ къ свѣденію и заботливымъ окомъ назиралъ своего питомца. Доносъ, о какомъ-то умыслѣ Юрія Отрепьева, во время ареста князей Черкаскихъ, потерялся во множествѣ новыхъ извѣтовъ и былъ забытъ, между тѣмъ какъ онъ скитался по монастырямъ. Борисъ, за толстою стѣною Нѣмецкихъ аллебарщиковъ, слабѣе насторо-

живалъ теперь слухъ, не шевелится ли гдѣ злой умыселъ. Монахъ Григорій безопасно явился въ самой Москвѣ, въ Чудовскомъ монастырѣ: путь ему пролагала рука сильная. Онъ сдѣланъ діакономъ и взятъ въ палаты къ патріарху Іову для книжнаго дѣла. За широкой рясой этого ревностнаго слуги Борисова, ему нечего было бояться шпіонства, проведеннаго и въ самые монастыри. Въ мирномъ пріютѣ патріаршихъ палатъ, отважный, пламенный юноша готовился на дивный свой подвигъ и, подобно хищному звѣрю, выглядывалъ, какъ бы схватить страстно алкаемую добычу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государственная дѣятельность Годунова. — Окончательное покореніе Кучюмовой орды. — Новые города въ Сибири. — Подчиненіе Ногаевъ. — Дѣла въ Грузіи. — Отношеніе Годунова къ Персіи, Крыму, Турціи и государствамъ Европейскимъ. — Мысль о просвѣщеніи Россіи. — Голодъ. — Моръ. — Слѣдствіе голода и закрѣпощенія крестьянъ и вольныхъ слугъ. — Заселеніе Литовской украйны. — Разбои. — Самозванецъ измѣняетъ своей тайнѣ. — Бѣгство его въ Литву. — Онъ въ Кіевѣ. — Онъ на Волыни. — Учится въ Гатчинской школѣ. — Отправляется на Запорожье.

Мы были заняты до сихъ поръ царемъ Борисомъ, какъ человѣкомъ; обратимъ теперь вниманіе на его дѣятельность государственную. Съ этой стороны онъ не обманулъ надеждъ земли своей. Глядя на государство, какъ на наслѣдственную собственность своего рода, Борисъ неусыпно заботился о лучшемъ его устройствѣ, о заселеніи пустынь, объ увеличеніи ис-

точниковъ обогащенія, поощрялъ торговлю, устроялъ рѣчное судоходство.

Хозяйственная дѣятельность его обратилась преимущественно на за-Уральскія страны, богатыя предметами заграничной Русской торговли. Предстояло — уничтожить царя Кучюма, еще державшагося на берегахъ Оби съ толпою своихъ приверженцевъ, и обрусить Сибирь построеніемъ городовъ и введеніемъ правильныхъ торговыхъ сообщеній. То и другое было достигнуто, къ славѣ царствованія Борисова. Воевода Воейковъ разбилъ Кучюма на голову, захватилъ въ плѣнъ все его семейство и отправилъ въ Москву; Кучюмъ самъ-треть бѣжалъ къ Ногаямъ и погибъ въ степяхъ. Покоривъ такимъ образомъ окончательно всю обширную сѣверную Азію, Борисъ построилъ въ ней города: Верхотурье, Мангазею, Туринскъ и Томскъ. Объявлены особенныя льготы купцамъ, промышленникамъ, ремесленникамъ и всякаго свободнаго званія людямъ, желающимъ туда переселиться. Много нашлось охотниковъ поискать счастья въ дальныхъ странахъ: Сибирскіе Татаре, Остяки, Вогуличи скоро перемежились людьми съ Русскою рѣчью и съ Русскими понятіями о царѣ и государствѣ. Азіятская торговля пошла годъ отъ году сильнѣе и прибыльнѣе казнѣ.

Другой заботою царя на востокѣ было подчиненіе Ногаевъ. Эти полудикіе ордынцы раздѣлялись на три улуса, изъ которыхъ только одинъ принадлежалъ Россіи. Онъ назывался Волжскимъ, или Уральскимъ, и кочевалъ въ Астраханскихъ степяхъ, у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ. Другой улусъ, Азовскій, кочевалъ у Азова, завися отъ Турковъ и Крымцевъ; третій, Альтаульскій, занималъ степи у Синяго моря, или Арала, и былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Бухаріею и Хивою. Борисъ вооружилъ своихъ Ногаевъ противъ Азовскаго улуса, ссорилъ, посредствомъ Астраханскихъ намѣстниковъ, его старшинъ между собою, напускалъ на него Донскихъ козаковъ и довелъ до того, что Азовскій улусъ обѣднѣлъ, запустѣлъ и Крымскій ханъ лишился въ немъ сильнаго орудія противъ Россіи. Альтаульскій улусъ, напротивъ, Борисъ старался привлечь въ подданство Россіи ласками; поддерживалъ дружескія связи его съ Волжскими Ногаями, а этихъ между тѣмъ заохочивалъ къ вывозу въ Россію Бухарскихъ и Хивинскихъ товаровъ позволеніемъ торговать въ Астрахани безъ всякихъ пошлинъ.

Далѣе по той же чертѣ, Борисъ желалъ примкнуть къ своему государству единовѣрную Грузію, которая чувствовала симпатію къ Христіанской державѣ и съ каждымъ годомъ подпадала болѣе и болѣе подъ власть

иновѣрныхъ сосѣдей, Турковъ и Персовъ. Еще въ царствованіе Ѳеодора Грузинскій царь Александръ поддался Россіи, въ надеждѣ спасти еще царство отъ угрожающаго ему Магометанства и порабощенія. Принявъ это подданство, Московское правительство должно было защищать Грузію отъ двухъ сильныхъ ея сосѣдей, и, какъ ни тяжело было двигать войска въ такую даль, однакожъ Русскіе, по волѣ царя Бориса, принялись за дѣло единовѣрцевъ дружно: укрѣпили Тарки, заложили крѣпость на Тузлукѣ; работали и въ тоже время сражались, оттѣсняя въ дальнія ущелія Дагестанскихъ горцевъ. Персы и Турки между тѣмъ употребляли свои средства не дать Россіи утвердить владычество ея между Каспійскимъ и Черными морями. Съ одной стороны Персидскій шахъ Аббасъ вооружилъ противъ Александра сына его, Магометанина, — несчастный старикъ погибъ самою горькою смертью; съ другой Турки вытѣснили Русскихъ изъ крѣпостей; семь тысячъ ихъ, пробираясь изъ Дагестана въ Астрахань подъ начальствомъ Бутурлина, были окружены Кумыками, Лезгинцами, Аварами, сражались отчаянно и пали въ сѣчѣ. Борисъ не оставилъ бы ни шаха, ни Турковъ безъ отмщенія, но это происходило въ 1605 году, а тогда ему было уже не до Грузіи. Послѣ же гибели дома Го-

дуновыхъ, Россія болѣе столѣтія не заботилась объ этой странѣ, и законъ Магометовъ до конца уничтожилъ въ ней Христіянство.

Съ юга государство Борисово было спокойно. Крымцы не смѣли прервать заключенный съ нимъ миръ. Ихъ удерживали отъ набѣговъ и новыя крѣпости на границахъ, и нападенія Донцовъ, недававшихъ имъ покою. Татаре, со временъ Годунова, стали нестрашны для Россіи.

Въ заключеніе обзора политики Годунова съ народами не-Европейскими, скажемъ, что, дорожа больше всего миромъ, онъ до самой Грузинской катастрофы продолжалъ вести дружескіе переговоры съ шахомъ Персидскимъ, а Турецкаго султана увѣрялъ въ добромъ расположеніи, не смотря на его враждебныя дѣйствія. Годуновъ тѣмъ болѣе желалъ казаться Туркамъ сосѣдомъ незлопамятнымъ и дружелюбнымъ, что надѣялся поднять на нихъ грозу со стороны Европы, въ добавокъ къ Персіи, которую постоянно побуждалъ къ войнѣ съ султаномъ.

Въ Европѣ не было почти государства, съ которымъ бы не имѣлъ онъ дѣла: угождалъ императору, чтобъ подвинуть его на Турковъ; у герцога Флорентійскаго просилъ искусныхъ художниковъ; съ Ганзейскими городами договаривался о торговлѣ; съ Ели-

заветою Англійскою велъ дружескую переписку и за ея лесть позволялъ Англичанамъ выгодно торговать въ Россіи: съ Даніею сближало Бориса двойное сватовство; Польша и Швеція, враждуя между собой, искали объ дружбы царя Московскаго, и Борисъ, грозя то Полякамъ, то Шведамъ заступничествомъ за противниковъ, надѣялся выманить Ливонію у однихъ, или Эстонію у другихъ; между тѣмъ держалъ ихъ въ равновѣсіи, потому что рѣшительное торжество той, или другой стороны соединило бы Швецію и Польшу подъ одну власть, а это было бы опасно для Россіи. Главной чертою внѣшней политики Бориса было желаніе мира со всѣми державами. Это было нужно ему и для утвержденія его царственности въ умахъ народа, и для приведенія государства въ лучшее устройство — укрѣпленіемъ границъ новыми городами, распространеніемъ торговыхъ сообщеній, учрежденіемъ горныхъ промысловъ, заведеніемъ въ Россіи школъ для народнаго образованія вообще.

Строеніе городовъ и распоряженія по торговлѣ шли у него успѣшно, но введеніе иностранной образованности въ Россіи встрѣтило препятствіе со стороны духовенства, которое боялось, чтобы вмѣстѣ съ иностранною образованностію не явились новые толкователи вѣры. На предложеніе царя патріархъ и мит-

рополиты объявили, что въ обширномъ Русскомъ государствѣ доселѣ господствовало единовѣріе и единонравіе, а какъ настанетъ разноязычіе, то все это разрушится. Борисъ дорожилъ духовенствомъ, не хотѣлъ раздражать его, отложилъ намѣреніе вызвать въ Россію просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, ограничился только приглашеніемъ къ себѣ на службу искусныхъ рудокоповъ, суконщиковъ и другихъ мастеровъ изъ Любека; а чтобъ имѣть образованныхъ людей, для необходимыхъ надобностей государственныхъ, отправилъ за границу 18 молодыхъ дворянъ. Ни одинъ изъ нихъ однакожъ, по окончаніи срока ученія, не возвратился въ отечество: такъ былъ страшенъ для нихъ царь, видѣвшій вездѣ противъ себя злые умыслы и внимавшій самому низкому доносчику, — такъ мало ожидали они пріязни отъ земляковъ, предубѣжденныхъ противу всякой *иноземной мудрости*. Къ тому же молодые люди оставили Русь среди ужасовъ разврата народнаго, порожденнаго повсемѣстнымъ голодомъ, — разврата, изъ котораго, казалось, ничто ее не подниметь.

Съ весны 1601 года десять недѣль шли безпрерывные дожди, а въ половинѣ августа сильный морозъ побилъ неснятый съ поля хлѣбъ и всѣ незрѣлые плоды. Новые посѣвы не взошли вовсе: такъ тощи и

гнилы были зерна. Цѣны на хлѣбъ возвысились до неслыханной дороговизны: четверть ржи, стоившую прежде отъ 12 до 15 денегъ, стали продавать по три рубля (15 нынѣшнихъ рублей серебромъ). Бѣдные люди умирали съ голоду. Борисъ въ этомъ случаѣ употребилъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобъ остановить страшное бѣдствіе: убѣдилъ духовенство и богатыхъ землевладѣльцевъ продавать запасы по умѣренной цѣнѣ; изъ царскихъ житницъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ также велѣлъ продавать хлѣбъ дешево. Но это распоряженіе, принеся временную пользу, дало поводъ къ ужасному злоупотребленію: люди денежные, предвидя, до чего еще дойдетъ голодъ, скупили по частямъ большіе запасы хлѣба и затаились съ ними до удобной къ обогащенію поры. Между тѣмъ царь устроилъ вокругъ Кремлевской стѣны четыре казначейства для ежедневной раздачи бѣднымъ денегъ. Уже и прежде онъ пріучилъ народъ къ царскимъ подаяніямъ. (1) Бояре подражали въ этомъ царю, равно какъ и всѣ богатые Москвитяне. Москва была оттого полна праздношатающихся; легкое добы-

(1) Авр. Палицынъ, 8: »По словеси же своему (при вѣнчаніи на царство) о бѣдныхъ и о нищихъ промышляли, и милость къ таковымъ велика отъ него бываше.«

ваніе пищи влекло ихъ сюда изъ деревень и отъучало отъ работы. Этотъ сбродъ тунеядцевъ каждое утро обступалъ царскихъ милостынераздавателей. Къ нимъ присоединились люди, обѣднѣвшіе во время голода. Сумма раздаваемыхъ денегъ ежедневно возрастала. Слухъ о царской щедрости скоро разнесся во всѣ концы государства; онъ былъ, какъ водится, преувеличенъ до того, что всѣ бѣдняки, находившіе дома скудныя средства питаться, бросили свои работы и пустились съ семействами къ Москвѣ. Столица полнѣла голодными толпами, царская милостыня, раздаваемая каждому, недостаточна была для суточнаго прокормленія при дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, а между тѣмъ итоги ежедневной раздачи возросли до 30 тысячъ талеро́въ. Видя, что государству угрожаетъ запустѣніе, столицѣ наплывъ опаснаго многолюдства, а казнѣ безполезное истощеніе, Борисъ прекратилъ раздачу денегъ. (2) Тогда-то начались бѣдствія, при-

---

(2) Не въ одной Москвѣ Борисъ раздавалъ деньги: »не было города, говоритъ Маржеретъ, (стр. 76), куда бы онъ не посылалъ денегъ, болѣе или менѣе, для раздачи народу. Я знаю, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей«, (100,000 р. сер. нынѣшнихъ).

водившія въ ужасъ современныхъ повѣствователей. Лѣтомъ на улицахъ въ Москвѣ видѣли людей, валяющихся отъ изнеможенія и щиплющихъ траву; зимою несчастные ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ всякую, самую отвратительную нечистоту. Жители отдаленныхъ странъ, еще не зная о прекращеніи царской милостыни, влеклись по снѣжнымъ пустынямъ къ столицѣ, блѣдные, изнуренные, и встрѣчали на дорогахъ цѣлыя купы мертвецовъ, сраженныхъ голодомъ и морозомъ. Отъ живыхъ узнавали они повѣсть о путешествіи въ Москву, о скудномъ прокормленіи тамъ царскою милостынею, о безнадежномъ возвратѣ на родину, и въ отчаяньи не боялись проклинать Бориса, обманувшаго ихъ своимъ милосердіемъ. Въ то бѣдственное время казалось дѣломъ обыкновеннымъ, если отецъ бросалъ семейство, мать отрекалась отъ дѣтей своихъ, если на улицахъ убивали другъ друга за ломоть хлѣба. Путешественники боялись останавливаться на постоялыхъ дворахъ; хозяева рѣзали и варили своихъ гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ въ пирогахъ. »Я самъ видѣлъ ужасное дѣло«, говоритъ Маржеретъ, служившій тогда въ царской гвардіи: »четыре женщины, мои сосѣдки, оставленныя мужьями, рѣшились на слѣдующій посту-

покъ: одна пошла въ рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, зазвала крестьянина на свой дворъ для расплаты; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобъ не повредилось: сперва хотѣли онѣ съѣсть лошадь убитаго, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою!« Правительство употребляло всевозможныя мѣры наказаній для прекращенія ужасныхъ злодѣйствъ, совершающихся повсюду, гдѣ были сильный и слабый; но что оно могло сдѣлать, когда въ сердцахъ умолкъ голосъ человѣчества и люди унизились до степени дикихъ животныхъ? Страшно вымолвить, что не только человѣкъ пожиралъ человѣка, но даже родители душили, рѣзали и ѣли своихъ дѣтей, а дѣти родителей. Продать родное дитя за ничтожную цѣну считалось тогда честною сдѣлкою. Петрей, Шведскій посланникъ, видѣлъ однажды въ Москвѣ истомленную голодомъ женщину, которая, проходя по улицѣ, схватила зубами собственное дитя, бывшее у нея въ рукахъ, оторвала изъ ручонки два куска, сѣла на дорогѣ и начала жрать ихъ; народъ едва могъ силою отнять у нее насчастнаго малютку.

Множество гніющихъ труповъ, разбросанныхъ безъ

погребенія по лѣсамъ, селамъ и даже по дорогамъ, неестественная пища, изнуреніе физическихъ силъ въ народѣ и безнадежное уныніе произвели заразительную болѣзнь, холеру. Люди умирали повсемѣстно въ страшномъ количествѣ. Въ одной Москвѣ погибло отъ голода и заразы болѣе 500 тысячъ человѣкъ. Борисъ, боясь распространенія морового повѣтрія, велѣлъ подбирать трупы, завертывать на счетъ казны въ бѣлые саваны, обувать въ красные башмаки и хоронить за городомъ. А чтобъ доставить бѣднымъ людямъ средства къ пропитанію, заложилъ огромныя постройки. Кромѣ того, волею и неволею скуплены отъ казны во всемъ государствѣ по низкой цѣнѣ хлѣбные запасы у богатыхъ помѣщиковъ и монастырей, отысканы въ отдаленныхъ мѣстахъ огромныя, поросшія кустарникомъ, скирды ржи и смолочены немедленно; все это доставлялось въ столицу и въ другіе города и раздавалось народу за умѣренную цѣну, а вдовамъ, сиротамъ и Нѣмцамъ безденежно. Дѣятельная заботливость правительства прекратила наконецъ бѣдствія голода, но слѣдствія его были пагубны для царя и царства.

Во-первыхъ, онъ замѣтно уменшилъ народонаселеніе Россіи. Многія деревни остались совершенно пусты: одна часть жителей вымерла на мѣстѣ, дру-

гая ушла за царскою милостынею и не возвратилась; остальные разбрелись по козацкимъ станицамъ, по разбойничьимъ притонамъ, пошли слоняться вѣчными бобылями изъ двора въ дворъ по зажиточнымъ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно уменьшились доходы и силы государственные; многіе богатые дома обѣднѣли; торговля сильно упала.

Во-вторыхъ, пороки, вкоренившіеся въ народѣ еще въ эпоху княжескихъ усобицъ и развившіеся со временъ Іоанна IV до Бориса въ полу-Азіятской цивилизаціи, чуждой просвѣщенныхъ понятій общественныхъ, дошли теперь до ужасающей степени. Уже не одни иностранцы, охотно видѣвшіе въ Русскихъ черную сторону, но и сами Русскіе не находятъ словъ для описанія повсемѣстнаго разврата совѣсти и всѣхъ естественныхъ чувствъ въ низшихъ и высшихъ слояхъ общества, въ свѣтскихъ людяхъ и въ самомъ духовенствѣ (3). »Во всѣхъ сословіяхъ«, говоритъ безпри-

---

(3) Авр. Палицынъ, 20, 21: »Въ объяденіе и пьянство велико и въ блудъ впадохомъ, и въ лихвы, и въ неправды, и во вся злая дѣла... Егда гладомъ наказа насъ Господь, мы же въ злѣйшая впадохомъ, и не только простіи, но и чинъ священствующихъ. Многа же ина зла, еже въ насъ содѣяся, ихже не мощно исписати, ни изглаголати.«

страстнѣйшій изъ иноземцевъ, жившихъ тогда въ Москвѣ (4), »завелись раздоры и несогласія; никто не имѣлъ ни къ кому довѣрія (5); цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе Жидовскихъ и Мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли; все продавалось вдвое дороже; другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышающій занятую сумму, и сверхъ того бралъ 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не выкупался въ опредѣленный срокъ, то пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ.« (6)

Въ-третьихъ, голодъ и царскія милостыни умножи-

---

(4) Беръ, 43 ,44.

(5) Черта, замѣченная и Флетчеромъ: »Москвитяне никогда не вѣрятъ словамъ, потому что никто не вѣритъ ихъ слову.«

(6) Шаумъ, увлекаемый набожною пылкостью своего духа, еще мрачнѣйшими красками описываетъ развращеніе нравовъ тогдашнихъ Русскихъ. См. *Tragedia Demetrio-Moscovitica*, p. 3.

ли до невѣроятнаго количества число нищихъ. Эта часть народа уже и при Θеодорѣ отличалась наглостью нестерпимою: днемъ оборванные бродяги неотступно требовали у всякаго встрѣчнаго милостыни: »Дай, или убеіи меня!« а ночью крали и грабили, такъ что въ темный вечеръ не всякъ рѣшался выйти изъ дому. Въ эпоху голода, они привыкли бунтовать безпрестанно, нападать на дома зажиточныхъ гражданъ, расхватывать съѣстные припасы на самихъ рынкахъ (7), привыкли презирать строгость полиціи и торжествовать надъ нею. Безмѣрная масса людей бѣдныхъ, бездомныхъ, разорвавшихъ семейныя и общественныя связи, скопилась страшною тучею надъ благоустроенною частью народонаселенія и готова была разразиться всѣми ужасами охлократіи при всякомъ колебаніи государства.

Въ-четвертыхъ, несмотря на законъ объ укрѣпленіи за помѣщиками вольныхъ земледѣльцевъ и слугъ, явились постоянные побѣги крестьянъ; помѣщики преслѣдовали бѣглецовъ, отыскивали ихъ въ чужихъ имѣніяхъ, дрались за нихъ самоуправно, или заво-

(7) Шаумъ, *Trag. Dem.-Mosc.*, 3: »Никто не могъ продавать хлѣба, ни показать на рынкѣ, не подвергая себя опасности и не причиня бунта.«

дили безконечныя тяжбы, растравляя взаимную вражду другъ къ другу и изгоняя изъ своего сословія единодушіе. Крестьяне между тѣмъ бродили по лѣсамъ и пустынямъ, спасаясь отъ ловитвы, какъ дикіе звѣри; закаляли сердца въ ненависти ко всему высшему сословію и съ отчаянія рѣшались на грабежъ и смертоубійства. Это сдѣлалось наконецъ такъ ощутительно, что Борисъ въ 1601 году снова позволилъ вольный переходъ крестьянъ отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ къ мелкопомѣстнымъ. Но было уже поздно: одичалые, развращенные въ бурлачествѣ и разбояхъ поселяне не возвращались къ прежнему быту, а между тѣмъ мирные крестьяне обрадовались нежданному послабленію непривычной еще неволи, и, въ отмщеніе господамъ, спѣшили переходить къ другимъ владѣльцамъ. Съ своей стороны помѣщики, привыкшіе уже смотрѣть на нихъ, какъ на собственность, употребили въ дѣло всѣ преимущества сильнаго, чтобъ удержать ихъ на земляхъ, или ограбить до послѣднихъ *животовъ*. (3) Это къ прежнимъ бѣднякамъ при-

---

(8) Царь Вас. Ив. Шуйскій, въ указѣ своемъ, 1607, говоритъ: »Переходомъ крестьянъ причинилися великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ.« (Судебникъ Татищ.) Въ самомъ указѣ Бориса Годунова,

бавило новыхъ, равно ожесточенныхъ, равно наклонныхъ къ бродяжничеству и готовыхъ на всѣ злодѣйства, внушаемыя притѣсненіями сильныхъ и безотраднымъ отчаяніемъ. Но всего болѣе размножилось этихъ опасныхъ для общества и государства людей во время голода. Богатые владѣльцы, обрадовавшись учрежденію холопьяго приказа, закабалили себѣ еще со временъ Ѳеодора всѣхъ вольныхъ слугъ, которыми обыкновенно бывали наполнены дворы боярскіе. Многіе, до общенародной извѣстности новаго учрежденія, постарались самыми выгодными условіями заманить къ себѣ въ домы какъ можно больше людей, свѣдущихъ въ ремеслахъ и искусствахъ, ил иотличающихся тѣлесною силою, красотою, ростомъ, а особливо умѣньемъ рубиться на мечахъ и опытностью въ воинскомъ дѣлѣ, брали съ нихъ насильствами и разными муками *служилое обязательство*, представляли

1601, не безъ причины дается слѣдующая инструкція полиціи: »А изъ-за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати (т. е. освобождать для перехода къ другому помѣщику), и тѣ бъ люди крестьянъ изъ-за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали.« *Акты Арх. Эксп.* II, № 20.

его въ приказъ, и лучшіе вольные люди дѣлались такимъ образомъ вѣчными холопями. Этого мало: даже люди издревле благородные, владѣвшіе наслѣдственными селами и вотчинами, очутились, съ помощью приказа, рабами безсовѣстныхъ богачей. Когда же насталъ повсемѣстный голодъ, помѣщики безбожно выгоняли этихъ несчастныхъ изъ домовъ, иные, правда, съ отпускными, но большая часть и подъ грозою общаго бѣдствія коварно расчитывали, что безъ отпускныхъ можно будетъ въ лучшую пору опять взять ихъ къ себѣ, а съ тѣми, кто пріютилъ ихъ въ голодное время, завести выгодныя тяжбы (3). Изгнанные такимъ образомъ холопи должны были или погибать отъ голоду, или хвататься за всѣ возможныя средства къ существованію. Въ годину общаго замѣшательства по дорогамъ было вездѣ *просто*, безъ застав, и они уходили на границы государства, особенно Литовскую украйну, гдѣ малолюдныя пустыни давали безопасное убѣжище для всякаго преслѣдуе-

---

(3) Борисъ издалъ въ 1603 г., августа 16, указъ, по которому господа непремѣнно обязывались, ссылая холопей для прокормленія, выдавать имъ отпускныя; которые же не получатъ отпускныхъ, тѣмъ будетъ выдавать ихъ холопій приказъ; но это было позднее лекарство!

маго закономъ и были удобны къ заведенію разбойничьихъ шаекъ. Туда же пробирались и холопи бояръ опальныхъ, Романовыхъ, Черкаскихъ и другихъ, пылая ненавистью къ Борису и нося на тѣлѣ слѣды пытокъ за господъ своихъ. Борисъ, запретя кому бы то ни было принимать къ себѣ этихъ холопей, заставилъ ихъ скитаться безъ пристанища и самъ приготовилъ себѣ въ нихъ мстителей.

Но и безъ нихъ, и безъ разнаго рода людей, бѣжавшихъ отъ закрѣпощенія, и безъ нищихъ бродягъ, скоплявшихся во время голода въ притоны по лѣсистымъ пустынямъ, вся пограничная отъ Литвы сторона полна была выходцевъ, болѣе или менѣе непріязненныхъ къ правительству, недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей и жаждущихъ какой-нибудь перемѣны. Еще Іоаннъ IV, съ намѣреніемъ заселить Литовскую украйну, или Сѣверскую землю, людьми, способными къ защитѣ границъ, не велѣлъ преслѣдовать бѣгавшихъ туда отъ казни преступниковъ; а такихъ людей въ его грозное царствованіе было довольно, и Сѣверія годъ отъ году наполнялась такъ называемыми *козаками*, людьми бездомными, которыхъ все имущество составляли конь да оружіе, которые во всякое время готовы были перемѣнить мѣсто жительства и не разбирали средствъ суще-

ствованія. Много козаковъ разсѣяно было и по внутреннимъ областямъ государства. Одни изъ нихъ вступали въ царскую службу, другіе нанимались батраками къ людямъ земскимъ; но большею частью эти бездомные люди тяготились добывать трудовой хлѣбъ, бродили изъ мѣста въ мѣсто и жили неизвѣстно чѣмъ, до тѣхъ поръ, пока попадались полиціи и гибли на висѣлицахъ, или спасались бѣгствомъ на пограничье государства. Происхожденіе этого вреднаго скопа лѣнивыхъ и своевольныхъ бродягъ теряется въ отдаленныхъ временахъ княжескихъ усобицъ, когда каждому удѣльному князьку нужна была толпа отважныхъ людей, готовыхъ слѣдовать всюду за предводителемъ. Когда же самодержавіе, обнявъ Россію, уничтожило старый порядокъ вещей, эти толпы очутились безъ дѣла, перебивались въ дикой бѣдности разбоями, пробовали служить и работать, бросали тяжкую службу, воровали, грабили, разбойничали, скрывались отъ преслѣдованія властей законныхъ и долго были для Россіи зломъ неискоренимымъ. Теперь ватаги ихъ умножились въ украйнѣ и счисленными выше выходцами и скоро дали царю понять грозное свое значеніе для государства. Не было отъ нихъ проѣзду по дорогамъ; злодѣи, презирая мѣры правительства, пробирались даже во внутреннія области, гра-

били и убивали подъ самою Москвою. Наконецъ, подъ предводительствомъ Косолапа, или Хлопка, вышло изъ украинскихъ притоновъ цѣлое войско вооруженныхъ бурлакъ. Царь долженъ былъ выслать противъ нихъ сильную рать, подъ начальствомъ главнаго воеводы, Ивана Ѳедоровича Басманова. Сраженіе произошло вблизи столицы; Косолапъ смѣло ударилъ на царскую рать и долго не давалъ ей оправиться. Стыдъ уступить бродягамъ заставилъ воиновъ сражаться до послѣдней крайности. Съ обѣихъ сторонъ пало много народу, самъ воевода Басмановъ убитъ въ сѣчѣ; наконецъ царская рать сломила разбойниковъ, захватила въ плѣнъ Косолапа, покрытаго тяжкими ранами, гнала и сѣкла безъ пощады его ватагу. Какъ ни много, однакожъ, истреблено этого сброду въ битвѣ и на побѣгѣ, украинскіе притоны по-прежнему кипѣли хищною вольницею. Неудача подъ Москвою, смерть многихъ товарищей, павшихъ въ сѣчѣ, и казнь захваченныхъ въ плѣнъ еще усилили ея злобу. Разбойники чуяли и свою силу, и разстройство общественныхъ основъ, тѣшились мелкими грабежами и сбирались помянуть Косолапа страшною тризною. Самоувѣренность ихъ была тѣмъ дерзостнѣе, что тогда носилась уже вездѣ молва о спасеніи Угличскаго царевича.

Діаконъ Григорій, прежній Юрій Отрепьевъ, не

долго могъ играть роль патріаршаго книжника: мысль о царственности не давала ему покою. Всеобщая тревога по случаю голода, смущеніе правительства, грозное накопленіе голоднаго и нищаго народу, замѣтная повсюду шаткость общественныхъ основъ — все это дѣйствовало чудно на душу мечтательнаго инока. Разгоряченный привычною думою умъ его видѣлъ во всемъ этомъ дѣйствія промысла небеснаго, который спасъ его отъ ножа убійцъ, провелъ невредимо черезъ падавшіе подъ грозою хищника дома вельможъ, сохранилъ отъ кровавыхъ рукъ новаго Ирода, бодрствовалъ надъ нимъ всюду — и въ кельяхъ монастырскихъ, полныхъ доносчиками, и въ дремучихъ лѣсахъ, посреди безумно накликаемыхъ имъ на себя опасностей. Когда вся Русь была въ унынiи и страхѣ отъ голоду, отъ увеличивающейся нищеты, отъ повсемѣстныхъ злодѣйствъ, одинъ Отрепьевъ торжествовалъ: жаркія молитвы его, казалось, были наконецъ услышаны Небомъ: хищникъ престола и самое царство, непознавшее своего царя, карались бѣдствіями, равными Египетскимъ. Онъ видѣлъ уже колебаніе власти Борисовой, предчувствовалъ свое величіе и, въ обаянiи юношеской мечтательности, высказывалъ даже передъ братіею свои надежды.... Монахи слушали его бредъ со смѣхомъ и негодова-

ніемъ; иные, просто, считали его *діавольскимъ сосудомъ*, погибшею душою, человѣкомъ, въ котораго вселился бѣсъ; и, какъ въ тѣ времена доносовъ всякое неосторожное слово замѣчалось и разносилось въ тысячу мѣстъ, то слухъ о странныхъ рѣчахъ діакона Григорія скоро достигъ до Ростовскаго митрополита Іоны. Митрополитъ передалъ ихъ патріарху Іову, но Іовъ принялъ этѣ рѣчи, какъ нестоющую вниманія болтовню молодого человѣка. Тогда Іона счелъ нужнымъ донести самому царю, что Отрепьевъ »готовитъ себя въ сосудъ діаволу.« Какъ ни дика была мысль, забравшаяся въ голову чернеца, однакожъ осторожный Борисъ не оставилъ его безъ преслѣдованія. Отрепьева велѣно схватить и заточить въ Бѣлозерскій монастырь, на вѣчное покаяніе. Дѣло это возложено было царемъ на дьяка Смирнова-Васильева. Но Смирновъ, видно, былъ тайный приверженецъ Шуйскаго: онъ замедлилъ исполненіемъ царскаго указа и далъ Отрепьеву время бѣжать изъ монастыря.

Очнувшись отъ своей мечтательности, легкомысленный чернецъ не зналъ сперва, что съ собой дѣлать и гдѣ укрыться отъ бѣды, бросился въ одинъ, потомъ въ другой монастырь, но, чувствуя вездѣ опасность своего положенія, опять возвратился въ Москву, гдѣ жили дознанные его благопріятели. Надеж-

да его не обманула: Шуйскій назиралъ каждый шагъ его и приготовилъ ему здѣсь двухъ спутниковъ, опытныхъ въ бродяжнической жизни, черницовъ Мисаила и Варлаама. Не извѣстно, зналъ ли Отрепьевъ прежде Варлаама, но Мисаилъ былъ давній его знакомецъ. Въ міру онъ звался Михайломъ Повадинымъ и служилъ у князя Ивана Ивановича Шуйскаго. Есть основаніе думать, что это былъ одинъ изъ тѣхъ клевретовъ, посредствомъ которыхъ знатные люди покровительствовали Самозванцу и направляли шаги его: онъ вмѣстѣ съ Отрепьевымъ подпалъ подозрѣнію и преслѣдованію Борисову во время паденія Черкаскихъ и другихъ именитыхъ бояръ (10), такъ же какъ и Отрепьевъ, укрылся отъ бѣды въ монастырѣ и теперь снова избранъ былъ путеводителемъ старому знакомому. Каждый изъ трехъ товарищей имѣлъ причину искать убѣжища вдали отъ столицы. Отрепьевъ объявилъ, что его преслѣдуютъ за его дарованія въ сочиненіи каноновъ святымъ; Варлаамъ и Мисаилъ, какъ люди питающіеся щедротами

---

(10) Въ *Сказ. о Гр. Отрепьевѣ*, 3, въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.* 1847, апр.: »Во единъ же день преступи (Отрепьевъ) предъ царемъ и съ нимъ въ томъ же преступленіи былъ Трофимовъ сынъ Повадинъ.«

благочестивыхъ людей, желали найти страну не столько потерпѣвшую отъ голоду, какъ при-Московскія области. Не трудно было Мисаилу увѣрить Отрепьева, что въ Сѣверской землѣ города Путивль, Черниговъ и другіе »кипятъ обиліемъ всѣхъ благъ земныхъ«, онъ самъ одну Сѣверію съ ея дремучими лѣсами, безладьемъ народонаселенія и разбойничьими притонами, опасными для царскихъ сыщиковъ, считалъ надежнымъ для себя убѣжищемъ. Всѣ три путника поклялись, на паперти Троицкой церкви на рву, быть вѣрными другъ другу и съ образомъ Богоматери, для удобнѣйшаго сбору подаяній, отправились въ путь. (11) Это было въ февралѣ 1602 года.

Шуйскій былъ увѣренъ, что Отрепьевъ не замедлитъ открыться въ царственномъ своемъ происхожденіи толпамъ отважныхъ козаковъ и бурлакъ въ Сѣверіи; но Мисаилъ не зналъ, какое возложено на него

---

(11) Тамъ же: »И прійдоша къ живоначальнѣй Троицѣ въ паперть, еже есть на рву, и знаменовася образомъ пречистыя Богоматери, честнаго и славнаго ея одигитрія.« Далѣе: »И ту абіе умысли, по сей Сѣверской странѣ со образомъ ходити и на церковное сооруженіе сбирати.« Далѣе, стр. 5: (будучи близь границы) »Отрепьевъ постави образъ пречистыя Богородицы и нача молитися.«

дѣло. Онъ былъ беззаботный весельчакъ, непростиравшій своихъ мыслей далѣе кружки вина: такимъ онъ почиталъ и Отрепьева. Но Отрепьевъ много перемѣнился съ того времени, какъ онъ зналъ его въ міру: сдѣлался воздержень, скрытенъ и задумчивъ; только врожденная пылкость характера и раздражительность, отъ противорѣчій жизни, измѣняли иногда его обыкновенному поведенію. Мисаилу и Варлааму не нравилось его, какъ они понимали, святошество (12), и они не разъ на него возставали; впрочемъ это не мѣшало имъ странствовать вмѣстѣ. Они прошли города: Брянскъ, Путивль, Новгородъ Сѣверскій, и, между тѣмъ какъ Мисаилъ съ Варлаамомъ пресыщался гостепріимствомъ въ монастыряхъ и собиралъ »подаяніе на церковь« въ городахъ и селахъ, Отрепьевъ узналъ положеніе страны и характеръ ея народонаселенія. Въ его умѣ уже роилась мысль — поднять своимъ именемъ на Бориса толпу недовольныхъ. Сѣверская земля, съ обширными незаселенными пустынями, съ дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, показалась ему очень удобною для борьбы

(12) Тамъ же: »Мисаилъ и Варлаамъ зѣло негодующе на него, яко да съ ними не піетъ, но творитъ себе яко святъ.«

съ сильнымъ врагомъ; но онъ не зналъ еще здѣсь ни одного козацкаго притона; нужно было время, чтобы, перерядясь изъ рясы монашеской въ одежду наѣздника, вызнать между товарищами надежныхъ сподручниковъ, готовыхъ на все для царевича. Между тѣмъ разнесся слухъ, что по границамъ ищутъ какихъ-то бѣглецовъ Московскихъ. (13) Не нашедъ еще орудій для своего замысла и не зная, какъ совершить его, Отрепьевъ боялся попасть въ руки царскимъ сыщикамъ посреди шаткихъ еще своихъ соображеній, и воспользовался первымъ случаемъ перейти за рубежъ, въ Литву. Товарищи его, испуганные также вѣстью о преслѣдованіи бѣглецовъ, рѣшились перейти вмѣстѣ съ нимъ за границу и обождать въ

---

(13) Тамъ же: »И внидоша въ нѣкую весь близь Литовскаго рубежа, и видятъ ту великій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена и честно ихъ угостивъ, и егда же сѣдяще за столомъ, и вопросиша жену о пути... И глагола жена: Путь сей, господине, за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ пути заставы суть отъ царя; не вѣмъ, кто съ Москвы безъ вѣсти въ сія страны бѣгу ся ятъ, того ради во всей странѣ сей крѣпкія заставы сія! И тогда Гришка Отрепьевъ отъ страху яко мертвъ; Мисаилъ же рече: Повѣждь намъ, о жено, гдѣ путь къ Чернигову прилежащъ?... Жена же имъ скоро путь показа и возвратися въ домъ свой.«

Кіевѣ, пока откроется, кого именно нужно правительству (14).

Въ Кіевѣ чернецы нашли гостепріимство въ Пе-

---

(14) Въ томъ же *Сказаніи* есть извѣстія о переходѣ Отрепьева съ товарищами черезъ рубежъ и путешествіи ихъ отъ границы въ Кіевъ, но неудобно ими воспользоваться для текста, по сбивчивости повѣствованія. Авторъ этой драгоцѣнной лѣтописи, вѣроятно, *смѣчая* на бумагу приключенія Отрепьева по несвязнымъ разсказамъ современниковъ, или, можетъ быть, описывая ихъ по давнимъ воспоминаніямъ, перемѣшалъ во многихъ мѣстахъ собственныя имена и перепуталъ событія; но сообщаемыя имъ подробности очевидно взяты изъ дѣйствительности. На сколько въ нихъ неправды, конечно неумышленной, это рѣшить покамѣсть трудно, но большая часть въ этомъ Сказаніи такого, чего не возможно выдумать. Привожу выписку о путешествіи Отрепьева (стр. 5, 6). »И пойдоша къ востоку къ Кіеву, прямо Луевы горы, и пройдоша непроходимыя дебри, и идоша три дни и три нощи; мѣсто же то едва проходимо, лѣсъ и чаща велія. И пріидоша въ четвертый день на нѣкій боръ великій зѣло, и тамо видятъ ходяща человѣка и кошницу на плещу носяща, и устрашишася мниха, чающа Русскій человѣкъ, отъ нихъ же бѣжаста, и близь его пріидоша и познаша его, яко Польскій человѣкъ, и ради быша, яко избѣжаша отъ сѣти ловца. И нача вопрошати его Гришка Отрепьевъ: »Повѣждь ми, пане, кая страна сія и кая область, и кто »владѣетъ ею; Русскихъ ли страна, или Польскихъ, мо»лютися, скажи ми.« Полякъ же рече: »Страна сія Бѣло»русская суть; владѣетъ ею Польскій Августъ Жигимонтъ

черскомъ и Никольскомъ монастыряхъ и прожили три недѣли. Въ это время Отрепьевъ успѣлъ познакомиться съ людьми различныхъ религій и званій; отъ

»краль; мѣсто — имѣнье двою братовъ, Миколая и Яна Во»ловичей. Мой панъ, Миколай Воловичъ, недалече отселя, »на пути къ Лусвой горѣ; добрѣ васъ пріиметъ и угостить. »А который же братъ Янъ, вѣрою Люторъ, жестокъ зѣло »сый и немилостивъ; едва кто преходитъ сквозѣ имѣніе »его. Азъ есмь бортникъ Миколая Воловича, имя же мое »Якубъ. Скажите ми, коея вы есте страны и како про»идосте изъ Великія Россіи крѣпкія заставы сія по всей »Сѣверной странѣ?« Мисаилъ же рече: »Мы, пане, клирицы »суть, вольность имѣемъ по всей вселеннѣй, якоже воль»ность въ нашихъ странахъ; и о семъ молимъ тя, нѣсть »ли выдачи отъ вашія страны на Великую Русь, аще кто »преселится сѣмо?« Полякъ же рече:« Нѣсть; но пойдемъ »до государя, пана моего!« Они же радовахуся и идяху къ Миколаю Воловичу. И пріяти бысть радостни; угости ихъ вельми, и пребысть въ дому его девять дней. Глаголаше убо, сѣдяще съ нимъ, Гришка Отрепьевъ. Отъ книгъ той панъ Миколай искусенъ грамотическіе премудрости, но не возможе претися, часто попираемъ въ словесѣхъ. И почте ихъ, угости и отпусти ихъ съ миромъ, и наказа имъ, како бъ имъ притти къ брату его, Яну, Лютору сущу, и како бъ имъ сохранитися отъ него. Они же шедше отъ Миколая къ брату его, къ Яну Воловичу, и пришедши во имѣніе его; и видѣ его по двору ходяща и съ паны своими рыцарствующи; они же внидоша на дворъ; онъ же нача ихъ карати, что сѣмо пріидосте, шпини, и

каждаго старался пріобрѣсть нужныя ему свѣдѣнія, каждаго испытывалъ, не можетъ ли кто ему при-
годиться. Всего болѣе сошелся съ Запорожскими ко-

хотя ихъ посѣщи. Они же сказаша ему, како пріидоша и како братъ его, Миколай, угостивъ ихъ, и принесоша къ нему картечку отъ Миколая, брата его, дабы надъ ними помилованье учинилъ. Такожде и Янъ любезно ихъ воспріялъ и послалъ ихъ въ каморы своя, самъ же еще на дворѣ мѣшкая. Они же внидоша въ каморы его и видѣвъ ту сѣдяща шурина его, Лютора же суща, именемъ Флоренцъ. И воста, и витаяся, и нача глаголати о вѣрѣ: »Коея вѣры есте?« Гришка Отрепьевъ вся подробно ему отвѣща и многія мудролюбныя словеса къ нему изрече. И тогда Флоренцъ воста и цѣлова ихъ любезно, и рече: »Истинныи есте премудрыи клирицы суть, да пришли есть »въ нашу орду о духовныхъ бесѣдовати.« И возва изъ свѣтлицы зятя своего, Яна Воловича; онъ же вниде въ камору свою, поклонитися имъ и витаяся. И рече Флоренцъ ему: »Пане Яне! истинныи клирицы мудро любез-
»ныи зѣло, вѣры же кафалическія.« Янъ же, витаяся, рече: »Истинно, пане, кафалическая вѣра съ нашею единака »зѣло.« Гришка же Отрепьевъ рече: »Пане! неединака ка-
»фалическая вѣра съ Польскою: вы Божеству приносите »опрѣснокъ, а мы, кафолики, приносимъ жертву о хлѣбѣ »живомъ.« И сими словесы угодно бысть Яну пану, и учре-
ди ихъ въ дому своемъ вяще Миколая, брата своего, и пребысть въ покоѣ 40 дни, бесѣдующе и глаголюще о вѣрѣ и о противленіи, и во всѣхъ словесѣхъ побѣждены быша отъ него. Тако бесѣдова во всѣ 40 дней и отпу-

заками (15), которые обыкновенно приходили въ Кіевъ толпами на поклоненіе святынямъ. Онъ сообщилъ имъ, въ видѣ молвы, исторію спасенія Угличскаго царевича и узналъ отъ нихъ, что Донскія и Низовыя Днѣпровскія степи полны выходцевъ Русскихъ, готовыхъ постоять за сына Іоаннова противъ Бориса. Мысль соединить эти буйныя сборища съ Сѣверскою вольницею подъ свое предводительство образовалась тогда въ умѣ искателя престола. Онъ обѣщалъ Запорожцамъ привести царевича въ самую Сѣчь (16) и со-

---

щены быша къ Луевымъ горамъ коннымъ путемъ. Отъ Луевыхъ горъ до града Луева 15 миль; и пріидоша въ Луевъ городокъ, бѣ бо тутъ воевода и панъ Станиславъ Прокулицкій, и той пріятъ ихъ любезно и угостивъ ихъ, и отпусти ихъ въ Кіевъ коннымъ же путемъ.«

(15) Въ грамотѣ патріарха Іова архимандриту Солвычегодской обители, у Карамз. XI, пр. 232: »А Стефанъ иконникъ въ роспросѣ сказалъ: Ѣздилъ онъ въ Кіевъ промѣнивати образовъ и жилъ въ Кіевѣ годъ да 13 недѣль и того ростригу Гришку видѣлъ въ Кіевѣ въ чернецахъ... и былъ-де онъ... въ Печерскомъ и въ Никольскомъ м. въ дьяконѣхъ, и къ лавкѣ его приходилъ съ Запорожскими Черкасы.«

(16) Такъ называлось укрѣпленное мѣсто, служившее центромъ соединенія Запорожской общины, въ низовьяхъ Днѣпра.

вѣтовалъ распускать объ этомъ молву по всѣмъ куренямъ на Запорожьи и на Дону.

Между тѣмъ Отрепьевъ успѣлъ пріобрѣсть благосклонность воеводы Кіевскаго, князя Василія Константиновича Острожскаго, которому полюбилась его начитанность церковныхъ книгъ и краснорѣчіе въ религіозныхъ бесѣдахъ. Князь Острожскій, извѣстный ревнитель православія, пригласилъ его съ товарищами въ свой замокъ, Острогъ, на Волыни. Отрепьеву это было нужно: не переставая распускать за тайну слухъ о спасеніи Димитрія, онъ наблюдалъ, каково принимается эта новость Литовскими дворянами. Отзывы пановъ благопріятствовали его цѣли: каждый принималъ участіе въ чудной судьбѣ царевича, каждый, по-видимому, радъ былъ поддержать права его. Многочисленный классъ шляхты, пренебрегающей земледѣльческими работами и ремеслами, бѣдной, праздной, драчливой и своевольной, готовъ былъ также служить его замысламъ. Одна уже надежда на поживу въ сосѣднемъ государствѣ могла привлечь это воинственное сословіе подъ его знамя. Отрепьевъ, однакожъ, чувствовалъ, что ему не достаетъ нѣкоторыхъ знаній для предводительства иноземнымъ ополченіемъ; и вотъ онъ уходитъ тайно изъ Острога, забивается въ глубину Волыни, въ городокъ Гощу,

и, перемѣня монашескую рясу на свѣтское платье, учится въ тамошней школѣ по-Польски и по-Латыни. А чтобы скрыть себя отъ всякихъ преслѣдованій, которыхъ могъ опасаться, убѣдилъ еще прежде странствующаго монаха Леонида называться вездѣ Григоріемъ Отрепьевымъ.

Проведя осень и зиму въ Гащѣ, весною 1603 года пускается онъ въ новую школу, на Запорожье. Дальній путь по странѣ неизвѣстной, черезъ пустынныя степи, на которыхъ нерѣдко мелькаютъ Татарскіе разъѣзды, не устрашаетъ его. Онъ привыкъ быть одинокимъ съ своею тайною думою, посреди дикой природы; онъ терпѣливо переноситъ голодъ и жажду, смѣло пускается вбродъ черезъ болотные затоны и вплавь черезъ глубокія рѣки, подобно дикой птицѣ угадываетъ инстинктомъ путь къ желанному мѣсту и наконецъ достигаетъ пристанища вольной ватаги Запорожцевъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Происхожденіе Запорожскихъ козаковъ и исторія ихъ до Самозванца. — Описаніе ихъ страны и селитьбы. — Самозванецъ на Дону. — Происхожденіе Донскихъ козаковъ и отношенія ихъ къ Московскому Государству. — Самозванецъ вступаетъ въ службу къ князю Вишневецкому. — Бытъ Польскихъ и Литовскихъ пановъ. — Самозванецъ открываетъ мнимое свое имя. — Паны принимаютъ въ немъ участіе. — Юрій Мнишекъ сносится съ Рангони. — Самозванецъ въ Краковѣ. — Перемѣна вѣры. — Аудіенція у короля. — Панна Марина. — Сватовство. — Мѣры, принятыя Годуновымъ. — Знаменія. — Ополченіе Самозванца. — Походъ въ Россію.

Образованіе воинственнаго общества Днѣпровскихъ козаковъ восходитъ ко временамъ до-Татарскимъ. Козаки (какъ бы они ни назывались въ глубокую старину) не подпали завоеванію Татарскому въ XIII вѣкѣ, какъ Русь, нѣкоторыя Польскія области, Венгрія, Кроація, Сербія, Дунайская Болгарія, Молдавія и Валахія: необъятныя пространства хорошо извѣстныхъ имъ степей и подвижной способъ селитьбы спасли ихъ отъ Батыева порабощенія.

Не извѣстно, въ какой зависимости находились они отъ древней до-Татарской Руси, но съ разрушеніемъ ея могущества независимость ихъ ни отъ какой державы была очевидна: пустынные притоны козацкіе по низовьямъ Днѣпра сдѣлались убѣжищемъ множества выходцевъ изъ Русскихъ областей, изъ Польши, Венгріи и другихъ странъ. Спасаясь отъ Татарскаго ига и прибывая въ степи съ разныхъ сторонъ порознь, или въ малочисленномъ сотовариществѣ, каждый изъ этихъ выходцевъ естественно отрѣшался отъ гражданскихъ связей своего порабощеннаго варварами отечества; ихъ связывали въ одну общину только свобода, Христіянство и вражда къ невѣрнымъ. Не было у нихъ никакихъ письменныхъ законовъ; всѣ дѣла рѣшались, по древнему Славянскому обычаю, мірскими сходками и радами. (1) Звѣриная и рыбная ловля да война составляли главныя ихъ занятія и служили средствами существованія.

Въ эту оригинальную корпорацію больше всего прилилось жизни изъ областей Русскихъ (если и

---

(1) *Сходки* у козаковъ были малыя собранія возлѣ куреней, а *рады* — собранія общія на площади, для рѣшенія — важныхъ дѣлъ. См. *Истор. о Козак. Запор.* въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.* 1847, генв.

самый корень козацкой общины пошелъ не отъ Русичей, охристіяненныхъ Владиміромъ): со временъ, въ какія только помнитъ козаковъ исторія, у нихъ господствовала Греко-Восточная вѣра, и въ послѣдствіи кто бы ни приходилъ вступить въ ихъ братство, Католикъ, Лютеранинъ, Кальвинистъ, каждый долженъ былъ признавать ученіе церкви Восточной. Языкъ также говоритъ о ихъ по-преимуществу Русскомъ происхожденіи.

Перевороты въ сосѣднихъ странахъ, окружающихъ дикія степи Запорожскія, имѣли вліяніе на составъ и интересы этой кочующей націи. Когда Литовцы вытѣсняли Татаръ изъ южной Руси, козаки охотно помогали Литвѣ и потомъ считали себя, безъ всякихъ, впрочемъ, обязательствъ, подъ покровительствомъ этого княжества. Когда Польша, соединясь съ Литвою, простерла свои владѣнія до степей, долго составлявшихъ сомнительную собственность трехъ націй, вольный народъ козацкій сдѣлался непреднамѣренно ея военнымъ пограничнымъ поселеніемъ: защищая свои жилища, онъ защищалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Польшу отъ Татарскихъ набѣговъ. Когда самодержавіе съ своими строгими формами заступило въ сѣверной Руси мѣсто буйныхъ и безпорядочныхъ удѣловъ, цѣлыя толпы козаковъ, этихъ старыхъ

дружинниковъ князей удѣльныхъ, прибывали въ Днѣпровскія степи, гдѣ находили прежній разгулъ для своего буйства и, подъ начальствомъ избраннаго съ-общa отамана, мечомъ и грабежомъ добывали себѣ корысть у иновѣрныхъ сосѣдей, Турковъ, Татаръ, а иногда у Литвиновъ, Ляховъ и даже Московцевъ. Событія послѣднихъ двухъ царствованій — закрѣпощеніе крестьянъ и вольныхъ слугъ, голодъ, нищета, злоупотребленіе правъ сильнаго и распространеніе царской опалы на самыхъ слугъ боярскихъ также вытѣснили немало людей, однихъ въ степныя Московскія украйны, а другихъ и за самый рубежъ, къ Донцамъ и Запорожцамъ.

Польскій король Сигизмундъ I, понявъ важность воинственнаго общества Днѣпровскаго для Литвы и Польши, предложилъ козакамъ для поселенія земли въ южной части нынѣшней Кіевской губерніи и далъ имъ право пользоваться привиллегіями Русскихъ княжествъ, принадлежавшихъ Литвѣ. Другой король, Стефанъ Баторій, раздѣлилъ ихъ на полки, далъ ихъ предводителю имя и права *гетмана* (какъ назывались намѣстники королевскіе въ Литвѣ и Польшѣ), пожаловалъ имъ знаки войскового единства — знамя, литавры, бунчукъ, булаву, печать, установилъ войсковую старшину — обознаго, судью, писаря, осаула,

хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и отамановъ, а чтобъ усилить ихъ корпорацію и проникнуть ее духомъ подданства королю Польскому, собралъ, въ добавокъ къ нимъ, нѣсколько тысячь охотниковъ козаковать изъ поселянъ Украинскихъ.

Съ оныхъ-то временъ, когда Днѣпровскіе козаки причлись къ свободнымъ сословіямъ Польской республики, произошло раздѣленіе ихъ на *городовыхъ*, жившихъ осѣдло въ Малороссійской Украйнѣ, называвшейся, въ отличіе отъ дикихъ степей, *городами* (2), и на *Низовыхъ*, или *Запорожскихъ*, которые вели жизнь бивуачную, безженную, въ низовьяхъ Днѣпра, за Порогами.

Несмотря, однакожъ, на заселеніе городовъ въ королевскихъ провинціяхъ — Черкасъ, Трактомирова и другихъ, несмотря на привиллегіи, которыми въ нихъ пользовались, всѣ козаки, и Запорожцы, и городовые, или Украинскіе, по-прежнему считали себя независимыми людьми, вольными дѣлать, что заблагоразсудится: понятія о подданствѣ были выше

---

(2) См. *Лѣтоп. Самовидца*, 7: »*Зъ Запорожья черезъ поля дикіе* зъ рарогомъ, раструбомъ (рогомъ и ястребомъ), орломъ, хортомъ, козака бѣднаго шлетъ (полковникъ) въ *городы*, кому подарокъ шлючи якому пановѣ.«

ихъ цивилизаціи, и дикая идея совершенной вольности не оставила Запорожской общины до конца ея существованія. (3) Воевала, или мирилась съ Турками и Татарами Польская республика, козаки слѣдовали своимъ собственнымъ побужденіямъ: наѣзжали на Татарскіе города и села, спускались по Днѣпру на плоскодонныхъ челнахъ въ Черное море, бросались въ абордажъ на Турецкія галеры и кораб-
ли, грабили, жгли и разрушали приморскіе города Малоазіатскіе. (4) Поляки не знали, что дѣлать съ

---

(3) Ригельманъ, изложивъ мнѣнія самихъ козаковъ о ихъ происхожденіи, говоритъ: »Прочіе же отъ древнихъ нѣкакихъ вольныхъ людей, кои якобы не принадлежали ни къ какому владѣнію и потому мнятъ о себѣ всѣ, будто бъ они навсегда право имѣютъ въ вольности, и ни подъ чьимъ точнымъ владѣніемъ, какъ только подъ защитою тѣхъ областей, къ которымъ они прикосновенны, состоятъ; и для того не почитаютъ себя, чтобъ они были изъ Русскихъ людей, или чьи бывшіе подданные.« (*Лѣтописное Повѣствованіе о Малой Россіи*, 3, въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.* 1847, февр.). Самое слово *козакъ* значило *человѣкъ вольный*. До сихъ поръ во всей Россіи удержалась въ народѣ поговорка *вольный козакъ*.

(4) Какъ сами Турки описываютъ козацкіе морскіе походы, см. въ *Collectanea z Dziejopisòw Tureckich, przez J. Sçcowskiego;* Бопланъ, въ *Опис. Укр.*, 65 — 69, разсказываетъ о нихъ такъ: »Проѣздъ козаковъ черезъ Ли-

этими необузданными защитниками Христіянства, какъ величали себя козаки. Пробовали, по жалобамъ султана, усмирять ихъ силою; но козакамъ

манъ (въ море) не можетъ совешенно укрыться отъ (Турецкой) стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу, до самого Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцовъ по берегамъ Натоліи, Булгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Козаки, пользуясь и временемъ, и обстоятельствами, черезъ 36, или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра, причаливаютъ къ берегамъ Натоліи и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженные пищалями, дѣлаютъ высадку, нападаютъ въ-расплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Натолію, нерѣдко на цѣлую милю отъ морского берега; потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею и плывутъ далѣе — на новые поиски.... Встрѣтятся ли имъ на морѣ Турецкія галеры, или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ въ абордажъ. Открываютъ же непріятельскій корабль, или галеру прежде, нежели Турки замѣтятъ ихъ челны, возвышающіеся надъ морскою поверхностью не болѣе $2^1/_2$ футовъ. Увидѣвъ вдали корабль, козаки немедленно складываютъ мачту, замѣчаютъ направленіе вѣтра и становятся такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце было у нихъ за спиною. За часъ до захожденія онаго, на всѣхъ веслахъ плывутъ къ кораблю и останавливаются на милю отъ него, чтобы не упустить непріятеля изъ вида. Наконецъ въ

казалось это крайнею несправедливостью: имъ не было дѣла до того, что король включилъ ихъ въ число своихъ подданныхъ, а между тѣмъ войну съ

полночь, по данному знаку, устремляются на врага: половина удальцовъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждетъ абордажа и, сцѣпившись съ Турецкимъ судномъ, въ одно мгновеніе всходитъ на оное. Турки, изумленные нападеніемъ 80, или 100 лодокъ и множествомъ враговъ, уступаютъ; а козаки, забравъ деньги, негромоздкіе товары, которымъ не вредитъ подмочка, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ полезно, пускаютъ корабль на дно, со всѣмъ его экипажемъ... Наконецъ настаетъ время къ возвращенію на родину. Турки между тѣмъ усиливаютъ стражу на устьѣ Днѣпровскомъ; но козаки смѣются надъ этимъ, даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ уменьшили число ихъ, или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ: они причаливаютъ въ заливѣ, въ 3, или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива къ Днѣпру идетъ низкая лощина, длиною около 3 миль, которую море иногда заливаетъ на $^1/_4$ мили, покрывая ее водою не болѣе, какъ на полфута. Чрезъ сію лощину, постепенно возвышающуюся къ Днѣпру, козаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200, или 300 человѣкъ, и черезъ два, или три дни, весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ.... Впрочемъ и козаки, въ свою очередь, попадаются въ западню, если встрѣтятся съ Турецкими галерами среди бѣлаго дня, на открытомъ морѣ; тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются,

невѣрными они считали высшею заслугою передъ всякою Христіянскою націею.

Вражда къ покровителямъ заронилась въ ихъ буйныя души и возрастала при всякомъ новомъ разладѣ интересовъ Польской націи съ интересами ихъ кочующей дружины. Правительство, послѣ Баторія, упустило изъ виду, какъ важно для всей республики усердіе этихъ вѣчныхъ враговъ Орды и Турковъ, и, опасаясь возрастающаго могущества ихъ, начало стѣснять права козацкія; а когда Сигизмундъ III забралъ въ голову нелѣпую мысль объединить въ республикѣ всѣ вѣроисповѣданія съ ка-

---

какъ стая скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ; удальцы теряютъ все свое мужество и въ быстромъ бѣгствѣ ищутъ спасенія. Но когда рѣшаются на битву, привязываютъ весла по мѣстамъ и вступаютъ въ бой: одни не трогаясь съ лавокъ, палятъ безпрестанно изъ пищалей; другіе заряжаютъ ихъ и подаютъ товарищамъ; мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ Турковъ до ручной схватки. При всемъ томъ пушки наносятъ козакамъ вредъ ужасный: они обыкновенно теряютъ въ сраженіяхъ съ галерами около двухъ третей своихъ сподвижниковъ, рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; за то привозятъ богатую добычу.... Вотъ главный ихъ промыселъ: они живутъ одною добычею; ибо, возвратясь на родину, ни чѣмъ не занимаются, а умѣютъ только пить и бражничать съ друзьями.«

толичествомъ, взаимная вражда козаковъ и правительства приняла характеръ религіозной и съ обѣихъ сторонъ была тѣмъ неуступчивѣе, что ознаменовалась именемъ Христіянства.

Къ несчастью для Польши, все это разгорѣлось на давно-подготовленномъ злѣ, на угнетеніи поселянъ. Страсть къ роскоши, обуявшая тогда Польское дворянство, и жадность къ прибытку ввели въ обычай вредное арендаторство. Живя въ столицѣ и въ большихъ велико-Польскихъ городахъ, владѣльцы земель, заселенныхъ Русинами, отдавали ихъ на откупъ Жидамъ и мелкой шляхтѣ (5), передавая имъ, вмѣстѣ съ арендою, свое неограниченное право суда и расправы надъ крестьянами. Зло долго было терпимо беззащитными поселянами, но, когда арендаторы посягнули и на козацкія земли, прилежащія къ помѣщичьимъ и разсѣянныя между ними, а правительство, или лучше сказать аристократы, его со-

---

(5) *Лѣтопись Самовидца*, 7: »Сами державцы (владѣльцы земель) на Украинѣ не мешкали, тилько урядъ держали, и такъ о кривдахъ посполитыхъ людей мало знали, альбо любо и знали, тилько заслѣплены будучи подарками отъ старостъ и Жидовъ арандарей, же (что) того не могли узнати, же (что) ихъ саломъ по ихъ же шкурѣ и мажутъ.«

ставлявшіе, стали ограничивать число козаковъ, уничтожать права ихъ и многихъ обращать въ состояніе слугъ и поселянъ, — козаки соединили свои религіозные, поземельные и общинные интересы съ интересами крестьянъ, вербовали между ними себѣ тайныхъ сообщниковъ, снабжая ихъ оружіемъ и военными припасами, вездѣ распространяли свой непокорный духъ и наконецъ, провозглашая себя защитниками вѣры противъ католиковъ и вмѣстѣ защитниками угнетенныхъ поселянъ противъ дворянства, завязали съ этими двумя составами Польской націи знаменитую *козацкую войну*, тянувшуюся полвѣка и кончившуюся ослабленіемъ нѣкогда сильной Польской державы и перевѣсомъ надъ нею государства Московскаго.

Въ данную эпоху эта война была въ самомъ началѣ. Первая попытка козаковъ къ борьбѣ съ католиками и дворянами, подъ предводительствомъ гетмана Косинскаго, природнаго дворянина, надѣлала много бѣдъ ихъ противникамъ, но Косинскій палъ въ битвѣ, и войско его разсѣялось. Это было въ 1594 году. Скоро явился у козаковъ новый предводитель, Наливайко, человѣкъ низкаго происхожденія, но высокій духомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сложенныя про него пѣсни, незамолкнувшія до на-

шихъ дней. Война съ нимъ дорого обошлась противникамъ: козаки выиграли кровавую битву подъ Чигириномъ и долго были грозою для республики; наконецъ дворянская партія восторжествовала. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ ополченіями противниковъ, козаки окопались на лѣвой сторонѣ Днѣпра, подъ Лубнами, долго защищались, выстрѣляли заряды, издержали съѣстные припасы и были принуждены сдаться, на условіяхъ разойтись и выдать своего предводителя, которому обѣщана, однакожъ, жизнь. (Годъ 1597). Такимъ образомъ Украинское ополченіе козацкое разсѣялось, и Запорожцы удалились въ свои Низовые притоны, тая въ душѣ злобу къ врагамъ за стѣсненіе правъ своихъ и надежду на будущіе успѣхи. Скоро узнали они, что гетманъ ихъ, не смотря на условія капитуляціи, замученъ въ темницѣ, поселяне угнетаются по прежнему, Католичество вездѣ тѣснитъ Восточную вѣру. Нѣсколько лѣтъ они молчали, ограничиваясь только мелкими набѣгами такъ называемыхъ *гайдамакъ* на панскія земли, — воевали съ Турками, безпрестанно съѣзжались и ратовали въ степяхъ съ Татарскими ватагами (6); а

---

(6) Бопланъ (*Описаніе Украйны*, 52 — 58,) сохранилъ для насъ любопытныя подробности и о степныхъ похо-

между тѣмъ Сѣчь ихъ полнѣла бѣглыми крестьянами панскими; козаки Низовые, или Запорожцы, воины бездомные и безженные, сносились съ козаками се-

---

дахъ козаковъ. Привожу извлеченія: »Козаки, зная, какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ оными въ таборѣ, или въ караванѣ, т. е. между двумя рядами телегъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8, или 10 повозками; сами же, съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ, идутъ посреди табора, а лучшіе наѣздники вокругъ онаго. Сверхъ того, во всѣ четыре стороны, на $^1/_4$ мили, высылаютъ по одному козаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель, стражи даютъ сигналъ, и таборъ останавливается. Если козаки откроютъ враговъ, то бьютъ ихъ; если же сами будутъ прежде замѣчены, Татары подкрадываются къ табору и внезапно нападаютъ на оный... Случалось и мнѣ нѣсколько разъ, съ 50, или 60 козаками, переходить степи. Татары нападали на нашъ таборъ, въ числѣ 500 человѣкъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ, ибо Татары только издали грозили нападеніемъ, не подъѣзжая, однако, на ружейный выстрѣлъ и, пустивъ черезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались... Намѣреваясь нечаянно разграбить какой-нибудь караванъ, Буджаки употребляютъ весьма искусную хитрость. Надобно замѣтить, что тамошнія степи покрываетъ густая, въ два фута вышиною, трава, которую при проѣздѣ нельзя не притоптать; посему, опасаясь, чтобы слѣды не открыли числа и направленія отрядовъ и чтобы непріятели не пустились въ погоню, Татары поступа-

мейными, которые жили осѣдло, въ самой Украйнѣ, и назывались уже, какъ сказано, городовыми или Украинскими; тѣ волновали своихъ соплеменниковъ

ютъ слѣдующимъ образомъ. Отрядъ человѣкъ въ 400 раздѣляется на 4 шайки; одна идетъ къ сѣверу, другая къ югу, третья къ востоку, четвертая къ западу. Однимъ словомъ, каждая сотня слѣдуетъ особеннымъ путемъ, и прошедъ около $1^1/_2$ мили, раздѣляется еще на 3 шайки, въ 33 коня, которыя также расходятся въ разныя стороны, если не препятствуетъ какая-нибудь рѣка; чрезъ полмили снова раздѣляются на три части. Такимъ образомъ не болѣе 10, или 11 Татаръ остаются вмѣстѣ... Все это совершается скорѣе, нежели въ полтора часа, на всемъ скаку: иначе, если козаки откроютъ ихъ во время разсѣяннаго движенія, то никакая быстрота уже не поможетъ. Но хищники весьма опытны въ семъ маневрѣ и такъ хорошо знакомы со степями, какъ искусные лоцманы съ гаванью. Каждая шайка въ 10, или 11 всадниковъ, идетъ степью произвольно, избѣгая только встрѣчи съ другими; миляхъ же въ 10, или 12 отъ мѣста раздѣленія, въ опредѣленное время, всѣ они сходятся въ какую-нибудь лощину, гдѣ надѣются отыскать кормъ для лошадей своихъ и воду. Иные прямо идутъ къ мѣсту соединенія, другіе же, находясь отъ онаго далѣе, описываютъ дугу. Трава, притоптанная 11 лошадьми, на другой день поднимается, и слѣды изчезаютъ... Татары изобрѣли хитрость сію съ намѣреніемъ обмануть козаковъ, которые преслѣдутъ ихъ неутомимо. Свѣдавъ о появленіи Татарской шайки и зная, что въ ней не болѣе 500, или 600 человѣкъ,

поселянъ, подстрекали ихъ къ совершенному уничтоженію крестьянства, къ безусловной свободѣ, ко всеобщему козачеству, и Польской республикѣ готовился рядъ войнъ тѣмъ гибельнѣйшихъ, что она, въ аристократической гордости, презирала враговъ своихъ.

Въ такомъ состояніи засталъ Отрепьевъ Запорожье. Посреди глухихъ степей, гораздо ниже устья Самары, Днѣпръ запруженъ огромными камнями, высунувшимися со дна его. Въ нѣсколько рядовъ эти камни, называемые *Порогами* идутъ поперегъ рѣки, одни скрываясь подъ водою, другіе чернѣя надъ ней неправильными купами. Огромная масса Днѣпровскихъ

1000, или 1200 козаковъ садятся на коней, ищутъ слѣдовъ непріятельскихъ и, по онымъ достигнувъ до средины описаннаго нами круга, въ недоумѣніи останавливаются, не зная, гдѣ искать враговъ, ибо слѣды расходятся во всѣ стороны... Изъ сего понятно, какъ трудно отыскать хищниковъ. Козаки встрѣчаются съ ними случайно, во время роздыха, или ночлега; но Татары всегда осторожны: имѣя глаза узкіе и слѣдовательно зрѣніе острое, они открываютъ насъ прежде, нежели мы ихъ завидимъ. Притомъ же хитрость, а не сила, рѣшаетъ побѣду. Встрѣтясь другъ съ другомъ за часъ до заката солнечнаго, или черезъ часъ по восхожденіи, враги, подобно мореходцамъ, старающимся выиграть вѣтеръ, употребляютъ все искуство, чтобы стать спиною къ солнцу, дабы оно свѣтило въ глаза непріятелю«, и пр.

водъ съ оглушительнымъ ревомъ прорывается въ тѣснины между утесами, или низпадаетъ съ подводныхъ стѣнъ, течетъ нѣкоторое пространство спокойною массою и снова кружится, падаетъ и реветъ на другомъ Порогѣ. Такъ она успокоивается и бурлитъ снова тринадцать разъ, тѣснимая не одними утесами, но и каменистыми островами, которые, съ своими дикими виноградниками, брошены посреди мрачныхъ скалъ и бунтующихъ водъ, въ жилище однѣмъ птицамъ. Прогремѣвъ на пространствѣ 65 верстъ, Днѣпръ идетъ плавнымъ разливомъ до самого моря и измѣняетъ характеръ свой: не видно болѣе высокихъ горъ, провожающихъ его черезъ всю Малороссію по правому берегу; свѣтлыя воды его лелѣются въ разлогихъ берегахъ, среди плавныхъ линій степного небосклона; одни лѣса, называвшіеся у Запорожцевъ Великимъ Лугомъ, возвышаются надъ водными равнинами. По Днѣпру до самого Лимана, или широкой губы приморской, пошли большіе острова, перемеженные архипелагомъ мелкихъ, низменныхъ и камышчатыхъ. Изъ нихъ Томаковка, наиболѣе любимый козаками (7), возвышается надъ во-

---

(7) Тамъ укрывался Хмѣльницкій, когда Поляки грозили схватить его; тамъ же сбирались козаки, когда въ

дою лѣсистымъ полушаромъ, и съ его вершины открывается широкій и глубокій видъ вверхъ по рѣкѣ на водныя равнины, на острова и степные Днѣпровскіе берега до самыхъ почти пороговъ, а внизу Днѣпра чернѣетъ и синѣетъ архипелагъ, состоящій изъ безчисленнаго множества мелкихъ острововъ, поросшихъ камышомъ, густымъ, необыкновенно толстымъ и высокимъ. Эти-то косматые камышчатые острова, съ лабиринтомъ мелкихъ водныхъ протоковъ между ними, служили козакамъ издревле безопаснымъ убѣжищемъ. Здѣсь они скрывали на сушѣ и подъ водою общіе и частные скарбы и потому звали весь архипелагъ Войсковою Скарбницею. (8) Не страшны были здѣсь имъ ни Татаре, ни Турки, ни преслѣдо-

---

1648 году они возмутились и одержали побѣду на поляхъ Корсунскихъ.« Бопланъ, *Опис. Укр.* 25, 26.

(8) Тамъ же: »Увѣряютъ, что козаки скрываютъ множество пушекъ въ протокахъ Войсковой Скарбницы, но гдѣ именно, никто изъ Поляковъ вамъ не скажетъ, ибо они въ тѣхъ мѣстахъ не бываютъ... Козаки скрываютъ подъ водою не только пушки, отбиваемыя у Турковъ, но и деньги... Каждый козакъ имѣетъ на островахъ свой тайный уголокъ. Возвратясь съ поисковъ надъ Турками, они дѣлятъ въ Скарбницѣ добычу и все, что ни получатъ, скрываютъ подъ водою, исключая вещей повреждаемыхъ оною.«

ванія Польскаго правительства: одни козаки знали дорогу въ этомъ лабиринтѣ и только ихъ плоскодонные челны могли ходить по неглубокимъ протокамъ. (9) Самая Сѣчь, или укрѣпленный лагерь, съ деревянными *куренями* (казармами) козацкими и съ площадью, на которой происходили войсковыя рады, расположена была на одномъ изъ большихъ острововъ. (10) Туда исконнымъ обычаемъ запрещалось, подъ смертною казнью, вводить женщинъ. Одинокое, отрозненное отъ всѣхъ общественныхъ связей бурлачество, это случайное условіе козаковъ Московскихъ, сѣверскихъ и другихъ, вытекающее изъ бѣднаго бездомнаго ихъ быта, здѣсь получило форму закона.

---

(9) Тамъ же: »Преслѣдуя ихъ однажды на возвратномъ пути съ Чернаго моря, Турецкія галеры проникли до самой Скарбницы; но тамъ, въ лабиринтѣ острововъ, запутались и не могли найти выхода. Козаки грянули въ нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили многія галеры и такъ напугали Турковъ, что они съ тѣхъ поръ не смѣютъ входить въ Днѣпръ далѣе 4 или 5 миль отъ устья.«

(10) Трудно сказать, на которомъ именно: козаки перемѣняли мѣсто для Сѣчи нѣсколько разъ. См. *Ист. о Козак. Запор.*, 5, 6, въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.* 1847, генв. Иногда они собирались держать рады и на открытыхъ урочищахъ. См. Боплана, *Опис. Укр.*, 17.

Составясь большею частью изъ вольныхъ и невольныхъ отверженцевъ общества, козаки Запорожскіе утверждали неразрывность своего братства на обычаѣ, противоположномъ главному его основанію. Никто не зналъ числа ихъ: каждый приходилъ въ Сѣчь, коза-ковалъ, сколько хотѣлъ, оставался, или уходилъ назадъ, — братство объ этомъ не заботилось. Запорожцы былй народъ, размножающійся не изъ самого себя, а извнѣ, народъ, который, по замѣчанію Миллера, во всякіе тридцать лѣтъ почти исчезалъ и дѣлался новымъ. Отъ этого въ немъ, смотря по политическимъ обстоятельствамъ, обнаруживались тѣ или другія стремленія и притязанія (11); отъ этого въ самомъ его составѣ, по временамъ, преобладали разные элементы, соразмѣрно числу тѣхъ или другихъ выходцевъ.

Въ описываемое мною время сильно звучала на Запорожьи рѣчь Сѣверноруссkая, и Отрепьевъ нашелъ много людей, готовыхъ идти съ царевичемъ

---

(11) Вспомнимъ, напримѣръ, гетманство Дашковича, враждебное Россіи, и потомъ предложенія другого предводителя ихъ, Дмитрія Вишневецкаго, Іоанну IV; вспомнимъ участіе ихъ въ войнахъ Малороссіи съ Польшею и потомъ враждебныя дѣйствія въ отношеніи къ Гетманщинѣ.

Димитріемъ, для полученія гражданскихъ правъ, или для мести тѣмъ, кто ихъ преслѣдовалъ законно, или незаконно, а большая часть, разумѣется, для добычи (12). Онъ поступилъ въ число козаковъ, составлявшихъ курень отамана Герасима Евангилика, и, съ помощью этого старшины, заохотилъ къ походу въ Московское государство нѣсколько другихъ козацкихъ куреней.

Изъ Запорожья Отрепьевъ прошелъ къ берегамъ Дона (13), гдѣ кочевала вольница, подобная Запорожцамъ. Она пошла отъ одного съ ними корня во вре-

---

(12) Есть основаніе думать, что Отрепьевъ объявилъ себя царевичемъ еще на Запорожьи. Въ январѣ 1601 года нѣкто Тирфельдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому коменданту, что »сынъ Іоанна Мучителя живъ и здоровъ, *находится у козаковъ* и старается овладѣть престоломъ.«

(13) Основываюсь на темномъ намекѣ Бера, стр. 32: Отрепьевъ возвратился (изъ Литвы) въ *Россію,* прошелъ въ землю козаковъ (Запорожцы считались козаками Литовскими, значитъ — въ землю козаковъ *Донскихъ)* и началъ тамъ разглашать«, и пр. Петрей, повторяя почти вездѣ слова Беровой лѣтописи, выясняетъ это мѣсто такъ: »злой чернокнижникъ возвратился въ Россію и взбунтовалъ Донскихъ козаковъ.« *(Сказ. Совр. о Дим. Сам.* I, пр. 32.) Нѣтъ надобности здѣсь до именъ, перепутанныхъ обоими: важно обстоятельство, конечно, записанное по слухамъ

мена, темныя для исторіи (14), и пополняясь выходцами, по преимуществу Сѣверноруссκими, разрознилась въ теченіе вѣковъ, какъ и весь народъ Московскій, въ языкѣ и нѣкоторыхъ обычаяхъ съ своими Южно-Русскими соплеменниками. Донцы еще въ XVI столѣтіи считали своимъ государемъ царя Московскаго, но въ то же время не пропускали случая пограбить Русскихъ купцовъ на Азовской дорогѣ, захватывать въ

(14) Ригельманъ пишетъ (*Ист. о Донск. Коз.* I, 2), что у Донцовъ существовало преданіе о происхожденіи ихъ отъ какого-то звѣролова, совершенно сходное съ такимъ же преданіемъ Запорожцевъ о происхожденіи ихъ общины. На стр. 8 и 9 своей Исторіи онъ говоритъ: »Первоначальное жъ жительство ихъ было неотмѣнно подобно низовымъ Запорожскимъ козакамъ, потому что избы козачьи и до нынѣ называются также, куренями, и построеніемъ подобны онымъ.... а въ главномъ городѣ Черкаскѣ станицы одна отъ другой отдѣлены и каждая своимъ околоткомъ состоитъ. Они сперва жительствомъ, нравомъ и поведеніемъ своимъ совсѣмъ Запорожскимъ козакамъ подобны были. Ибо съ самого тутъ начала пребыванія своего, какъ сказываютъ сами, такъ какъ Сѣчевскіе, не имѣли женъ и терпѣть ихъ не могли; но какъ стали за добычью отходить, то въ промыслахъ своихъ доставали отъ Турокъ, Кумыкъ, Крымцовъ, Кубанцевъ, Черкесъ, отъ разныхъ горскихъ Татаръ и изъ прочихъ мѣстъ, всякую пажить и людей, въ томъ числѣ и женской полъ, оныхъ стали брать за себя и сожительствовать съ ними.«

*

плѣнъ даже царскихъ разсыльныхъ, для назиранія въ степяхъ Татаръ, и набѣгать на Русское пограничье. Между тѣмъ ихъ безпрестанныя войны съ невѣрными были очень полезны для государства. Цѣня это, цари Московскіе смотрѣли сквозь пальцы на ихъ злодѣйства, часто снабжали ихъ военными припасами, одаряли жалованьемъ и устремляли ихъ набѣги, куда требовала политика. Въ царствованіе Ѳеодора они однажды отняли у Русскаго посланника царскіе дары султану и, когда посланникъ потребовалъ, именемъ царя, отпустить безъ окупу плѣнниковъ, султанскаго чауша съ шестью Черкесскими князьями, они въ досадѣ отсѣкли одному изъ нихъ руку и кричали на сходкѣ: »Мы вѣрны царю бѣлому, но кого беремъ саблею, того не освобождаемъ даромъ!« Такъ Донцы, только именемъ Русскіе подданные, существовали до воцаренія Годунова. Годуновъ рѣшился обуздать эту вольницу, преслѣдовалъ Донцовъ, какъ разбойниковъ, вездѣ гдѣ они ни показывались, заключалъ въ темницы, не позволялъ приходить въ пограничные города для продажи добычи и покупки необходимыхъ вещей ([51]). Донцы кипѣли злобою и

([15]) Маржеретъ, стр. 63: »Государь даетъ имъ небольшое содержаніе; за то они имѣютъ право своевольничать,

ждали только случая излить ее на Годунова. Слухъ объ Угличскомъ царевичѣ взволновалъ всѣ ихъ станицы и, еще задолго до появленія Самозванца въ Московскихъ предѣлахъ, Донцы, разбивъ царскаго троюроднаго брата, Степана Годунова, на пути его въ Астрахань, отправили нѣсколько плѣнниковъ къ Борису и приказали объявить ему, что скоро будутъ въ Москвѣ съ царевичемъ Димитріемъ.

Соединяя, такимъ образомъ, въ безсознательный союзъ безпокойную Литовскую шляхту, удалыхъ наѣздниковъ Днѣпровскихъ и злобствующихъ на Годунова Донскихъ козаковъ, Отрепьевъ извлекалъ и другую для себя пользу изъ пребыванія своего за Порогами и на Дону: учился владѣть копьемъ, попадать на всемъ скаку въ цѣль, дѣйствовать саблею; ходилъ съ козаками на море, твердо вѣруя, что Богъ, избравъ его орудіемъ своего промысла, не погубитъ въ пѣнящейся пучинѣ; разъѣзжалъ съ ними по степямъ, подъ прикрытіемъ подвижного табора; тучи стрѣлъ Татарскихъ свистѣли надъ головой его невредимо, и мечтательный юноша убѣждался еще

какъ хотятъ; временемъ могутъ приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать необходимыя для себя вещи.«

болѣе въ предопредѣленіи славной судьбы своей. Во всю жизнь сохранилъ онъ фатализмъ, свойственный вообще Русскимъ, и въ особенности развитой на Запорожьи, — дерзко, отчаянно бросался на всѣ опасности и наконецъ погибъ жертвою своего легкомыслія.

Усвоя себѣ искусство наѣздника, ознакомясь съ нравами и обычаями людей, которыми готовился предводительствовать, Отрепьевъ возвратился на Волынь и вступилъ въ службу къ князю Адаму Вишневецкому. Польскіе и Литовскіе паны обыкновенно содержали на своемъ жалованьи толпу *дворянъ*, которые, подъ громкими коронными именами *маршалковъ двору*, *старостъ*, *канцлеровъ* и прочая, представляли дворъ королевскій въ маломъ видѣ; сами паны межъ ними казались королями. Обширныя земли, легко пріобрѣтаемыя магнатами, какъ главами республики, въ пожизненное и потомственное владѣніе, давали имъ возможность содержать также при своемъ дворѣ множество, собственно такъ называемыхъ, слугъ (16) и по нѣ-

---

(16) См. сочиненіе Мацѣевскаго: »*Polska aż do połowy* XVII *wieku*«, II, 246 — 248: »Эти люди вели праздную жизнь.... Часто самъ панъ не зналъ слугъ своихъ.... Для легкой услуги бѣжало ихъ нѣсколько разомъ, а отъ тя-

скольку тысячъ воиновъ, набранныхъ въ имѣніяхъ, или привлеченныхъ въ панскіе драгуны и рейтары, изъ разныхъ низшихъ сословій, жалованьемъ (17). Съ этими ополченіями паны являлись подъ знамена королевскія и защищали свои помѣстья отъ Татарскихъ набѣговъ. Дворяне исправляли у нихъ должности офицеровъ. Въ мирное время при панскихъ дворахъ происходили безпрестанно конскія ристалища, стрѣльба изъ ружей въ цѣль и разные маневры тогдашней тактики. Для Польской и Литовской молодежи панскіе дворы были школою рыцарства и свѣтской обра-

---

желой обязанности всѣ уходили, какъ отъ огня. Когда панъ плюнетъ, трое слугъ затирали его плеванье; когда онъ умывался, четверо подавало ему утиральникъ. Среди многочисленной ватаги слугъ часто нельзя было дождаться услуги, такъ что Польскіе паны.... говаривали: »Приказалъ панъ и долженъ былъ сдѣлать самъ; мы за то лишь платимъ слугамъ, чтобъ разомъ съ нами ѣли....« Одинъ негодяй, во время раздачи жалованья, былъ спрошенъ: неуже ли и онъ служитъ? »Да«, отвѣчалъ онъ, »и я служу, дѣлая то, что другіе, т. е. ѣмъ и пью.«

(17) См. *Лѣтоп. Самов.*, 10: »Князь Вишневецкій.... имѣючи при себѣ килканадцать тысячъ люду военного грошового, опрочъ драгунѣей и выбранцовъ, которыхъ съ подданныхъ своихъ начинилъ-былъ по всѣхъ городахъ неизлѣчоную рѣчъ«, и пр.

зованности. Богатые отцы посылали дѣтей своихъ служить въ *дружинѣ* знатнаго пана на собственномъ содержаніи: тамъ они усвояли себѣ тонъ высшаго общества и понятія объ общественныхъ отношеніяхъ. Строгая почтительность къ особѣ пана, требуемая аристократическою гордостью, была закономъ для дворянъ. Возвратясь утромъ вслѣдъ за своимъ господиномъ отъ обѣдни, они у дверей ожидали панскихъ приказаній. Панъ однихъ призывалъ къ себѣ для сокращенія времени разговоромъ, другихъ разсылалъ съ разными порученіями, третьимъ велѣлъ ожидать своего зову. Тамъ они, по словамъ старинныхъ поэтовъ Польскихъ, стоя подпирали панскія двери плечами и со скуки дули на перья, забавляясь ихъ летаньемъ по воздуху, или побрякивали подковами своихъ сапоговъ, какъ лошади. Одни изъ дворянъ держались панами только за умѣнье балагурить, другіе за расторопность въ исполненіи приказаній.

Попавъ въ это новое общество, Отрепьевъ, отъ природы рѣчистый, а по образу жизни, богатый наблюденіями надъ разными странами и сословіями, скоро обратилъ на себя вниманіе князя Вишневецкаго. Физическая сила, опытность и ловкость въ охотѣ, въ конномъ рыстаніи и въ разныхъ воинскихъ упражненіяхъ также отличили его между дворскою моло-

дежью. Но ему мало было теперь обыкновеннаго вниманія вельможнаго пана и отличія въ кругу товарищей. Сводя къ концу свои планы, онъ былъ равнодушенъ къ похваламъ и наградамъ; часто видали его задумчивымъ и грустнымъ, когда другой на его мѣстѣ былъ бы въ восторгѣ; онъ удалялся отъ шумныхъ пирушекъ дворянскихъ; ему не льстили связи съ юношествомъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Все это сдѣлало его въ кругу дружины и дворянъ княжескихъ лицомъ характеристическимъ и загадочнымъ. Но загадка скоро объяснилась. Отрепьевъ слегъ въ постель и потребовалъ къ себѣ духовника. Когда явился духовникъ, онъ объявилъ ему, что онъ не тотъ, кѣмъ его почитаютъ, что, отходя въ вѣчность, ему бы хотѣлось оставить о себѣ на землѣ память, и потому открываетъ на духу свое имя. »Напиши, святой отецъ,« говорилъ онъ, »по моей смерти, въ православную Русь, что царевичъ Димитрій умеръ на чужбинѣ; пускай творятъ обо мнѣ память съ отцомъ моимъ и братьями. Но, пока я живъ, заклинаю тебя, не открывать никому этой тайны.« Такая исповѣдь сильно встревожила духовника, и онъ сдѣлалъ то, чего желалъ Отрепьевъ: немедленно донесъ князю, что въ его домѣ умираетъ Русскій царевичъ. Вишневецкій, подготовленный уже давно темными слухами о странствованіи Димитрія

Угличскаго инкогнито въ Литвѣ, спѣшитъ къ постели умирающаго со всѣмъ участіемъ благороднаго хозяина. Тронутый до слезъ, Отрепьевъ сообщаетъ ему подробнѣе повѣсть мнимаго своего спасенія и показываетъ драгоцѣнный крестъ, подаренный ему воспріемнымъ отцомъ при крещеніи ([18]). И онъ не лгалъ:

([18]) Беръ (стр. 32, 33) разсказываетъ иначе открытіе Отрепьева предъ кн. Вишневецкимъ; но упоминаемыя имъ обстоятельства несогласны съ объясненіями Польскихъ магнатовъ. Любопытны подробности *Сказанія о Гр. Отрепьевѣ* (стр. 7, 9), не смотря на то, что мѣста, лица и событія перепутаны и перемѣшаны съ баснословіемъ, какъ и въ другихъ разсказахъ этой лѣтописи. Извлеченія: »Пріиде (Отрепьевъ) во градъ Самборъ, во имѣніе великаго пана, Михаила Ратомскаго, и пана Александра и князь Юрья Свирскихъ, и пріятъ бысть ими радостно, и послаша его въ Стодольскій монастырь, идѣже у нихъ родители лежатъ, тамо жъ и костелъ вѣры Латинскія и мниховъ 40 и Язовитъ пять. Житіе же ихъ и причины имѣя, ряски аки чюги препоясаны, при грудяхъ бархатъ зеленъ, и вишневъ, и лазоревъ, и темносинь, и всякихъ разныхъ суконъ амоноти имѣяху около шеи малы зѣло до плещу, и шапки съ пухомъ, а въ рукахъ четки. Сице у мниховъ у Язовитъ.... Въ тоже время той окаянный лютый змій.... нача изнемогати, и рече игумену Пимену, мниху сущу, да повелитъ ему пріяти въ болѣзни духовнаго отца по вѣрѣ своей кафалическія. Игуменъ же Пименъ повелѣ ему пріяти отца по прошенію его; и пріиде къ нему его духовный отецъ, Грекъ

онъ повторялъ слова Шуйскаго, отъ котораго, можетъ быть, получилъ и крестъ вмѣстѣ съ открытіемъ своей царственности. Утѣшенія, обнадеживанія князя Адама

сущій, именемъ Арсеній, и исповѣда его. Во исповѣданіи же своемъ рече ему сей.... волкъ.... Углицкаго царевича возвася окаянный въ его царское имя: »Послушайте мене, »отче Арсеніе! аще изволитъ Богъ по душу мою послати, »и по смерти же моей не скрый, Бога ради, восписуй и на »Великую Россію къ Московскому государству о моей смер- »ти, яко аще здѣ, въ Самборѣ градѣ, въ Стодольскомъ мо- »настырѣ, смерть мя постигнетъ; азъ же, отче Арсеніе, цар- »скій сынъ, великаго царя Ивана Васильевича.... возвѣсти »по смерти моей, дабы память сотворяли на Руси со от- »цемъ моимъ и братьею; а нынѣ не возвѣсти никому, дон- »деже азъ есть въ животѣ.« Отецъ же его духовной, Арсеній, сія слышавъ и усумнися, яко тако великій царь обнища, аще истина есть, и шедъ повѣда того жъ монасты- ря игумену, Пимену, мниху сущу, вѣры же Латинскія, вся по ряду сказа, еже ему той окаянный возвѣсти; игуменъ же Пименъ, сія слышавъ, и пріятъ сердцемъ своимъ, дондеже его князя пріидутъ въ монастырь, молитвы ради, да возвѣститъ имъ о семъ. Егда же въ день недѣльный пріидоша князь Александръ и князь Юрій Свирскій, и внидоша въ келію ко игумену Пимену, благословенія ради, онъ же имъ вся по ряду возвѣсти, и отца его духовнаго, Арсенія, свидѣтеля постави, и потомъ поидоша по костельной молитвѣ на трапезу ясти, бѣ бо панъ Александръ угости братію всю, и поставъ на трапезѣ предъ столомъ, витатися со всѣми мнихи; обычай же тамо, егда кто вели-

Вишневецкаго и помощь медицыны скоро подымаютъ мнимаго царевича съ одра болѣзни.

Между тѣмъ слухъ о немъ переходилъ изъ дома

кій и навышній панъ въ витаніи своемъ руку свою полагаше сверху, а мнихи же полагаху руку свои сысподи, да не подвигнутъ его на гнѣвъ. Той же трехглавный левъ и пріиде, и витаяся съ паны, не восхотѣ руки своея положити сысподи, но сугубо руками витаяся съ паны. И уразумѣвъ князь Александръ, яко непроста роду есть сій.... по обѣдѣ же пріиду ко игумену въ келію оба князя на прохладъ, и позва ту священно-инока Арсенія, Грека суща, и посади его за запонъ, и повелѣли возвати князя.... И вставъ князя оба противу его, и витаяся, повелѣ ему сѣсти, и потомъ нача глаголати ему игуменъ: »Брате и »милый пане! повѣждь симъ нашимъ питателемъ и вели»кимъ сенатыремъ его же кралевскія тайныя думы и на»шему Бернадинству, како ты изъ земли Русскія пересе»лися сѣмо, и како царскій сынъ въ послѣднюю нищету »уклонися, и како престола своего царскаго лишися; сви»дѣтельствуетъ о тебѣ отецъ твой духовный, Арсеній.« Тако же и князи начаша его вопрошати о томъ; онъ же первіе нача ротитися и со отцомъ своимъ духовнымъ сваритися, и понося, и глаголя къ нему, яко не учитель, но губитель суть и тайнамъ объявитель. Отецъ же его духовный паки нача предъ игуменомъ и предъ князи тоже глаголати; треокаянный же левъ сій лютый, прелукавый еретикъ, нача съ рыданіемъ повѣдати и дерзнувъ нарещися царевичемъ Димитріемъ, и како избѣжа отъ руки Бориса царя, все лукавымъ совѣтомъ, вся по рядку изрече.

въ домъ; паны желали видѣть странствующаго наслѣдника Московскаго престола. Адамъ Вишневецкій былъ въ восхищеніи, что судьба предоставила ему честь быть покровителемъ высокаго странника и славу

Тогда же князи послушаше его и отпустиша во свою келію; по отшествіи же его, заповѣдавъ князи во всю седмицу по-Гречески поститися ему, въ день же недѣльный пріидутъ князи и видятъ, аще истина есть, и сія рекъ, пойдоша князи во имѣніе свое; и егда совершивъ окаянный постъ, въ день же недѣльный пріидоша князи въ монастырь и повелѣли литоргисати въ Рустѣй церкви святыя мученицы Екатерины священнику Арсенію, бѣ бо та церковь отъ монастыря поприще, слобода Руская.... Егда же изнесоша изъ царскихъ дверей живодательное тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, и пріидоста оба князя и близь стаста, и сего волка призваша и вся мнихи монастыря того, и Бернадинства, и Язовиты на смотрѣніе пріидоша; и егда причащаху его и нача глаголати къ нему отецъ его духовной, Арсеній, и оба князя, и игуменъ Пименъ: »Повѣждь намъ, брате и господине, предъ сею страш»ною и живодательною трапезою, истинный ли ты еси цар»скій сынъ, или нѣсть?« Онъ же съ клятвою изрекъ и крестнымъ знаменіемъ себе огради и зря на владычинъ образъ дерзостно, рече: »На томъ пріимаю тѣло Господне и кровь, »яко истинный есмь царскій сынъ, царевичъ Димитрій имя »мое.« И сія рекъ, причастися окаянный безстудно; по совершеніи же Божественной литоргіи, облечеся окаянный въ мирскія ризы, по достоянію царску. На трапезѣ же

видѣть слугу своего на Московскомъ престолѣ. Гордый панъ не пожалѣлъ ничего, чтобы придать знаменитому бродягѣ какъ можно болѣе царственности: покои, отведенные для мнимаго Димитрія, обвѣшены новыми Азіатскими коврами, къ его услугамъ отряжены лучшіе люди княжескіе, богатыя одежды, дорогіе кони, экипажи, золотые и серебрянные сосуды, все это предложено было въ даръ отъ хозяина гостю съ щедростью, какую только могла внушить аристократическая гордость. Самозванца возили изъ дома въ домъ, вездѣ оказывались ему царскія почести, вездѣ давали въ честь его праздники. Нашлись люди, видѣвшіе царевича во время его малолѣтства въ Угличѣ; имъ было выгодно засвидѣтельствовать, и они засвидѣтельствовали, что это истинный сынъ царя Іоанна (19). Отъ Князя Адама онъ былъ перезванъ го-

---

предъ нимъ по чину царску предстояша оба князя, яко рабы, и чрезъ день той веселяхуся и рыцарствоваху, и оттолѣ его поята князи съ великою честію во градъ свой.«

(19) Въ актахъ упоминаются два свидѣтеля. Одинъ былъ Юрій Петровскій или Петруша, Русскій выходецъ, слуга Литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Онъ объявилъ, что Угличскій царевичъ имѣлъ примѣты Самозванца: бородавку на носу возлѣ глаза и короткую руку. Другой былъ крестьянинъ Юрія Мнишка, бывшій въ плѣну у Русскихъ во вре-

стить къ брату его Константину Вишневецкому, а отъ Князя Константина къ его зятю, воеводѣ Сендомирскому, Юрію Мнишку, въ Галицкій городъ Самборъ.

Не одно участіе къ необыкновенной судьбѣ царевича, но и политическіе виды заставляли пановъ ласкать Лжедимитрія. Россія вела издревле войны съ сосѣднею Литвою: возвести на Московскій престолъ царя, обязаннаго панамъ, какъ благодѣтелямъ, значило пріобрѣсть въ немъ усерднаго союзника и примирить два враждующія государства. Давнія попытки католиковъ обратить Русскихъ къ Римской Церкви также входили въ соображенія покровителей Самозванца. Юрій Мнишекъ, ревностный католикъ, посредствомъ Францисканскихъ монаховъ легко убѣдилъ своего гостя, согласнаго на все для короны, въ истинности ученія Западной Церкви и съ торжествомъ далъ знать объ этомъ въ Краковъ папскому нунцію, Рангони, находившемуся при королѣ Сигизмундѣ III, ревностномъ слугѣ паны и Іезуитовъ.

Но Рангони не вдругъ схватился за это новое оруді̀е къ распространенію католичества на востокѣ, не

мена Іоанна IV и видѣвшій, по его словамъ, Димитрія въ Угличѣ. *(Собр. Гос. Гр.* II, 293 — 296.)

званца. Онъ справился предварительно въ Москвѣ, есть ли надежда на успѣхъ Димитрія въ исканіи престола. Тамъ съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ собирали боязливые слухи о полетѣ этого дикаго сокола на Днѣпровскіе и Донскіе берега; узнавъ теперь, что онъ попалъ на путь, о которомъ, можетъ быть, не мечталъ и самъ Шуйскій, тайные покровители Самозванца передали папскому нунцію увѣреніе, что Димитрій найдетъ себѣ усердныхъ слугъ и въ черни, недовольной Годуновымъ, и въ самой думѣ царской. Тогда Рангони предлагаетъ Юрію Мнишку явиться съ своимъ высокимъ гостемъ въ Краковъ.

Пока они прибыли, нунцій успѣлъ расположить короля въ пользу искателя Московскаго престола. Сигизмундъ безъ труда далъ убѣдить себя, что этотъ случай посылается ему самимъ небомъ для распространенія »истинной вѣры въ неизмѣримыхъ странахъ востока« и что успѣхъ этого предпріятія сдѣлаетъ имя его равноапостольнымъ въ исторіи Христіянства. Досада на Годунова за расположенность его къ Карлу Шведскому и предлагаемая Самозванцемъ уступка Польшѣ половины Смоленскаго княжества съ частью Сѣверскаго также приняты были въ расчетъ Сигизмундомъ. Но положеніе его, какъ главы Польской аристократической республики, было та-

ково, что безъ согласія *пановъ рады* (совѣта) онъ не могъ предпринять ничего важнаго. А между радными панами лучшіе умы, Замойскій, Жолкѣвскій, князь Острожскій, были противнаго мнѣнія. Итакъ избрали средину: опредѣлили позволить панамъ, покровителямъ царевича, набирать для него изъ вольныхъ людей ополченіе и, предоставя это дѣло суду Божію, проводить Димитрія до Русскихъ предѣловъ. Если Русскіе добровольно сдадутъ ему свои крѣпости, значитъ онъ истинный царевичъ; если же будутъ сопротивляться, паны должны оставить его на произволъ судьбы и возвратиться отъ границы, чтобъ не нарушать мирныхъ договоровъ съ Московскимъ государствомъ.

Оставалось обратить мнимаго Димитрія въ католическую вѣру и взять съ него обязательство, что онъ будетъ стараться ввести ее въ Московскомъ государствѣ. На то и на другое онъ согласился; но какъ, Русскіе строго держались православія, то положено было сдѣлать все это тайно. Самозванецъ, переодѣтый, явился, въ сопровожденіи Юрія Мнишка (20), въ

(20) Въ *Annuæ Litteræ Societatis Jesu*, an. 1604, стр. 704, 705, сказано: »сопровождаемый однимъ Польскимъ вельможею.« Кому жъ другому быть этимъ вельможею,

Іезуитскій монастырь и тамъ, въ присутствіи многихъ особъ, далъ на словахъ и на бумагѣ клятву, что будетъ послушнымъ слугою папы; потомъ исповѣдывался у одного изъ Іезуитовъ и принялъ отъ нунція таинства причащенія и мvропомазанія.

Вслѣдъ за тѣмъ Ронгони представилъ мнимаго царевича королю Сигизмунду. Король принялъ его довольно холодно, съ замѣтнымъ сомнѣніемъ въ истинности его притязаній. И въ самомъ дѣлѣ наружность Самозванца была нецарственная. Онъ былъ средняго, почти низкаго, росту, съ широкою грудью, съ толстыми членами; одна рука короче другой; на носу бородавка; волосы рыжеватые; лицо круглое и широкое, съ грубыми очертаніями. Въ этомъ лицѣ являлось, правда, что-то величавое, когда оно одушевлялось отвагою, или другимъ горячимъ чувствомъ; открытый видъ и рѣшительныя манеры также скрашивали природные его недостатки. Но теперь Отрепьевъ находился подъ вліяніемъ тягостныхъ чувствъ: не легко было ему, при всемъ его легкомыслiи, дать

если не пану Мнишку, который у себя въ домѣ обратилъ уже Самозванца къ ученію Римской церкви, который списывался объ этомъ съ нунціемъ и былъ усерднѣйшимъ покровителемъ Московскаго претендента?

обязательство касательно введенія въ Россію католической вѣры; онъ зналъ Русь болѣе, нежели тѣ, кто этого требовалъ, и значитъ клялся въ томъ, чего не надѣялся выполнить. Опасенія, чтобъ Русскіе не свѣдали объ этомъ еще до его воцаренія, и неизвѣстность, какъ рѣшитъ судьбу его Сигизмундъ, еще больше смущали его душу. Онъ стоялъ передъ королемъ, какъ преступникъ, ожидающій казни, или милости, и, положа руку на сердце, болѣе вздохами, нежели словами, убѣждалъ Сигизмунда къ покровительству. Выславъ его изъ кабинета, гдѣ происходила эта важная аудіенція, король нѣсколько минутъ говорилъ наединѣ съ нунціемъ. Между тѣмъ придворные удивлялись, куда дѣвалось краснорѣчіе Московскаго царевича и какъ изъ бойкаго, самоувѣреннаго юноши онъ сдѣлался вдругъ мрачнымъ, задумчивымъ и неловкимъ! Наконецъ, убѣжденный доводами папскаго нунція, король, вѣря, или невѣря называющему себя Димитріемъ, позвалъ его опять въ кабинетъ и, приподнявъ шляпу, сказалъ съ веселымъ видомъ: »Князь Московскій Димитрій, да поможетъ вамъ Богъ! а мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына и въ доказательство нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежегодно 40 тысячъ злотыхъ (54,000

нынѣшнихъ рублей серебромъ) на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того дозволяемъ вамъ, какъ истинному другу республики, сноситься съ нашими панами и пользоваться ихъ помощью.« Отъ радости, или отъ другого чувства, Самозванецъ не сказалъ ни слова: нунцій благодарилъ за него короля.

Въ это время прибыли ко Лжедимитрію два атамана отъ Донскихъ козаковъ съ увѣреніемъ, что двѣ тысячи молодцовъ готовы сѣсть на коней и явиться къ нему на службу въ назначенное время и мѣсто. Заставъ Самозванца въ Краковѣ, эти депутаты видѣли, какъ честятъ его вельможи и король, видѣли и Русскихъ выходцевъ, воздающихъ ему царскія почести, — всѣ сомнѣнія, если они были, разсѣялись, и козаки, возвращаясь на Донъ, вездѣ разглашали, что видѣли истиннаго царевича Московскаго. Посольство отъ Донской вольницы оживило упадшій духъ Самозванца: ему нуженъ былъ только видъ покровительства короля и вельможъ, — больше всего надѣялся онъ на козаковъ.

Была и другая причина мрачной его задумчивости, замѣченной всѣми въ Краковѣ. Гостя въ Самборскомъ замкѣ у Сендомирскаго воеводы Мнишка, онъ узналъ и полюбилъ дочь его, панну Марину. Красота, образованность и энергическая душа этой дѣвушки,

сами по себѣ, были очаровательны, а въ соединеніи съ нѣжнымъ участіемъ къ трогательной судьбѣ странствующаго царевича и съ примѣсью искуснаго кокетства, они совершенно обаяли пылкую душу Лжедимитрія. Какъ однакожъ ни было нескромно выражено это участіе, гордая Полька дала понять своему гостю, что только съ полученіемъ отцовской короны онъ можетъ пріобрѣсть ея руку. Теперь верховный санъ, къ которому онъ стремился, показался ему во сто разъ драгоцѣннѣе, и чѣмъ сильнѣе онъ его жаждалъ, тѣмъ больше терзали его душу опасенія и сомнѣнія въ успѣхѣ труднаго предпріятія. Сквозь эту призму всякое затрудненіе, всякой нескромный шопотъ пановъ, всякой сомнительный взглядъ короля и его приближенныхъ казались ему страшилищами, готовыми уничтожить его на пути къ чарующей славѣ и еще болѣе чарующей любви. Только искренняя преданность Юрія Мнишка, видѣвшаго въ его успѣхѣ возвышеніе собственнаго дома, подкрѣпляла его на этой, такъ еще новой для него, сценѣ. Какъ бы то ни было, важный шагъ къ успѣху въ будушемъ сдѣланъ: король, хотя и не открыто, принялъ его сторону противъ Годунова. Богатство и знатность Сендомирскаго воеводы обѣщали устроить остальное. Въ Самборѣ и Львовѣ собирались уже охотники ратовать за Димит-

рія. Правда, это былъ низкій сбродъ бездомной шляхты, привыкшей бродить изъ дома въ домъ, способной больше хвастать, нежели сражаться; однакожъ между сподвижниками Самозванца мелькали имена Свирскихъ, Тишкѣвичей и другихъ знатныхъ Польскихъ и Литовскихъ домовъ. Явилось подъ знамена Димитрія нѣсколько человѣкъ и Русскихъ, бѣжавшихъ нѣкогда въ Литву и надѣявшихся теперь отвоевать съ нимъ потерянныя права гражданства и собственности въ отечествѣ. Но, возвратясь съ покровителемъ своимъ въ Самборъ, Димитрій не столько радовался стекающемуся къ нему со всѣхъ сторонъ ополченію, сколько благосклонности панны Марины. Отецъ извѣстилъ ее объ успѣхѣ царевича въ Краковѣ, совѣтовалъ ей не терять случая къ возвышенію, и честолюбивая Полька повела дѣло такъ, что пламенный любовникъ осмѣлился просить руки ея. Отецъ и дочь были согласны, но бракъ отложенъ до вступленія его на отцовскій престолъ. Вслѣдъ за тѣмъ Димитрій далъ будущему тестю запись, по которой обязывался жениться на паннѣ Маринѣ съ слѣдующими условіями: 1) Лишь только вступитъ на престолъ, выдать Юрію Мнишку милліонъ злотыхъ на путешествіе въ Москву и на заплату долговъ, сдѣланныхъ для собранія Димитріева ополченія, а

Маринѣ прислать брилліанты и столовое серебро.

2) Предоставить Маринѣ Великій Новгородъ и Псковъ въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари, — съ неограниченнымъ правомъ судить и рядить въ нихъ, издавать законы, раздавать и продавать волости, строить католическія церкви и снабжать ихъ латинскими школами и духовенствомъ, а при дворѣ своемъ — держать Латинскихъ духовныхъ и отправлять безпрепятственно свое Богослуженіе. Эти области остаются за Мариной, хотя бъ она и не имѣла потомства отъ Димитрія. Если жъ Димитрій не достигнетъ въ одинъ годъ престола, Марина можетъ не выдти за него вовсе, или, если захочетъ, обождетъ еще годъ.

Это обязательство сдѣлано было въ концѣ мая 1604 года. Предаваясь сладкимъ мечтамъ о будущемъ величіи и упиваясь любовью подъ шумъ южныхъ садовъ и плескъ фонтановъ Мнишкова замка, Самозванецъ щедро раздавалъ то, чего не былъ еще обладателемъ. Изъ благодарности за ласки, за ширы, за льстивыя рѣчи, онъ скоро далъ будущему тестю особую запись, по которой княжества Смоленское и Сѣверское поступали въ потомственное владѣніе Юрія Мнишка; а какъ половина Смоленскаго княжества и шесть городовъ въ Сѣверскомъ отойдутъ къ Польскому коро-

лю, то все это додастся Мнишку изъ близъ-лежащихъ областей.

Между тѣмъ въ Москву приходили со всѣхъ сторонъ слухи о явленіи въ Польшѣ Угличскаго царевича. Самъ Годуновъ усомнился, дѣйствительно ли въ 1691 году былъ зарѣзанъ истинный царевичъ; сдѣлалъ новый розыскъ, удостовѣрился въ несомнѣнности его смерти и убѣдился, что Самозванецъ выдуманъ боярами (21). Ощутивъ подъ своими ногами тайные подкопы, устроенные въ то время, когда онъ считалъ себя въ совершенной безопасности, Борисъ ужаснулся (22). Теперь только онъ понялъ, на что можетъ рѣшиться злоба и какъ сильны враги его. Въ мученіяхъ предчувствія, онъ не зналъ, за какое ухватиться средство: аресты, попытки, ссылки и казни могутъ только ожесточить подданныхъ, которымъ давно уже опостылѣло его подозрительное царствова-

---

(21) Беръ, 37: »Новые свидѣтельства въ смерти царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелатели его, бояре.« Далѣе на стр. 45: »Онъ сказалъ князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло— въ чемъ и не ошибся — что они измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола.«

(22) Никон. Лѣт. VIII, 39: »Царь же Борисъ ужастенъ бысть.« Беръ, 34: »Эта новость его ужаснула.«

ніе. Въ виду соперника, перезывающаго на свою сторону всѣхъ недовольныхъ, онъ не осмѣлился употребить жестокихъ мѣръ, и, стараясь казаться спокойкойнымъ, развѣдывалъ только, посредствомъ лазутчиковъ, кто этотъ опасный Самозванецъ и кто именно изъ бояръ навелъ его на мысль объявить себя царевичемъ. Подлинное имя мнимаго Димитрія, уже ему знакомое, онъ узналъ скоро, но о его сообщникахъ могъ только догадываться. Вызвалъ въ Москву мать Угличскаго царевича, инокиню Марѳу, думая, не безъ основанія, что она могла быть въ заговорѣ съ боярами; допрашивалъ ее, вмѣстѣ съ патріархомъ, но ничего не вывѣдалъ. Тогда, для опроверженія ходившихъ повсюду слуховъ объ Угличскомъ царевичѣ, онъ обнародовалъ исторію Чудовскаго монаха; а между тѣмъ послалъ къ покровителямъ Самозванца, Польскимъ и Литовскимъ панамъ, родного дядю его, Смирнова-Отрепьева, чтобъ обличить обманщика; послалъ къ королю Огарева съ напоминаніемъ о недавнемъ договорѣ, — къ князю Острожскому, отъ имени патріарха, Афанасія Пальчикова съ убѣжденіемъ не помогать отступнику православія, — къ Польскому духовенству — особое убѣжденіе отъ имени всей Русской іерархіи, а къ Донскимъ козакамъ отправилъ дворянина Хрущова съ увѣреніемъ, что называющій себя

Димитріемъ есть низкій разстрига, Отрепьевъ. Ни одна изъ этихъ мѣръ не помогла: народъ склоненъ былъ вѣрить чудесной судьбѣ царевича и, не любя Бориса, желалъ перемѣны; Литовскіе и Польскіе вельможи не допустили Смирнова-Отрепьева до мнимаго царевича, подозрѣвая, вѣроятно, въ этой подсылкѣ хитрость Московскаго царя; князь Острожскій отправилъ Пальчикова безъ отвѣта; король объявилъ Огареву, что онъ не помогаетъ Димитрію и будетъ даже наказывать его помощниковъ; Польское духовенство молчало, а Донскіе козаки оковали Хрущова и отправили къ Самозванцу. Хрущовъ, едва увидѣлъ мнимаго царевича, тотчасъ призналъ его сыномъ Іоанна Грознаго и этимъ доказалъ, какъ мало Годуновъ зналъ, кто ему другъ и кто недругъ и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасно было его положеніе.

Все государство, по расказамъ современниковъ, было тогда встревожено ожиданіемъ великаго переворота. По ночамъ видны были на небѣ огненные столбы; сталкиваясь одинъ съ другимъ, они представляли воображенію зрителей кровавыя битвы. Иногда восходили, въ оптическомъ обманѣ, двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ. Страшныя бури валяли городскія ворота и колокольники. Женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; не стало

рыбы въ водѣ, птицъ въ воздухѣ, дичи въ лѣсахъ. Мясо, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, не смотря на всѣ приправы. Волки и собаки пожирали другъ друга, страшно выли въ той сторонѣ, гдѣ послѣ открылась война, и рыскали стаями по полямъ, такъ что опасно было выходить на дорогу безъ толпы провожатыхъ. Показались орлы вблизи столицы; въ самой Москвѣ ловили руками бурыхъ и черныхъ лисицъ. Въ іюнѣ 1604 года, среди бѣла дня, явилась на небѣ комета. Самъ царь ужаснулся этого знаменія, которое почиталось тогда зловѣщимъ; совѣтовался съ гадателями и получалъ въ отвѣтъ слова: »Тебѣ грозитъ великая опасность!«

Подъ такими-то предвѣщаніями готовился Самозванецъ къ походу въ отечество. Въ Галиціи онъ собралъ только 1,600 человѣкъ войска; но важная помощь ожидала его въ Московскомъ царствѣ, гдѣ его приверженцы разсыпали въ городахъ, въ селахъ и на большихъ дорогахъ подметныя письма отъ имени Димитрія царевича и гдѣ Сѣверскіе козаки и другіе бродяги, нетерпѣливыми толпами, ждали его по-надъ границею ([23]). Въ концѣ августа 1604 года онъ высту-

---

([23]) Беръ, 45: »Въ сентябрѣ собралось на Русской границѣ до 6 тысячъ козаковъ (положимъ, что это число и

пилъ, вмѣстѣ съ Юріемъ Мнишкомъ, въ походъ и направился черезъ Зборовъ, Хвастовъ и Кіевъ. На берегахъ Днѣпра къ нему присоединились двѣ тысячи Донскихъ козаковъ, и къ концу октября войско Самозванца вступило въ Сѣверскую землю, предназначенную быть театромъ борьбы между нищимъ бродягою и самовластнымъ обладателемъ Московскаго государства. »Смѣху достойно сказаніе«, говоритъ объ этомъ лѣтописецъ Палицынъ, »плача же велика дѣло бысть.«

преувеличено), по наущенію монаха Отрепьева (Леонида), который увѣрялъ ихъ, будто бы законный Русскій царь живъ и скрывается въ Польшѣ, въ то же время далъ знать мнимому Димитрію, что козаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразится за него съ Борисомъ«, и пр.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Раздѣленіе украинскихъ городовъ. — Взглядъ на Сѣверскую область и ея населеніе. — Моравскъ и Черниговъ поддаются Отрепьеву. — Осада Новагорода Сѣверскаго. — Мужество Басманова. — Поддача Путивля и другихъ городовъ. — Монахъ Леонидъ. — Собраніе рати. — Проклятіе Отрепьева. — Мстиславскій идетъ къ Новугороду Сѣверскому. — Битва. — Запорожцы. — Отступленіе царской рати.

Во время Самозванщины слово *украйна* имѣло у Русскихъ и у Поляковъ значеніе пограничныхъ областей. Въ Польскомъ государствѣ украйною, или, вѣрнѣе говоря, *украйною* называлась древняя *земля Кіевская*, составившая пограничье Рѣчи Посполитой (1) отъ Татарскихъ степей, въ которыя глубоко врѣзался такъ называемый *Низъ*, или *дикія поля*, незаселен-

---

(1) Рѣчь Посполитая значитъ *республика*. Такъ называлось Польское королевство по своему конституціонному устройству.

ныя степи, составлявшія сомнительную собственность Татаръ, Запорожскихъ козаковъ и Польши. Все это вмѣстѣ составляло *украйну Малороссійскую* (2). Въ Московскомъ государствѣ украйною вообще называлось пространство отъ береговъ Оки до при-Волжскихъ, при-Донскихъ и при-Днѣпровскихъ степей. Этотъ обширный полукругъ имѣлъ два главныя раздѣленія: восточная часть его, по Татарскому рубежу, называлась *Польскою* украйною, а западная, широко въ обѣ стороны по рѣкѣ Деснѣ, называлась украйною *Литовскою*. Кромѣ того въ оффиціальныхъ бумагахъ второго десятилѣтія XVII вѣка находимъ слѣдующее раздѣленіе украйны Московскаго государства: 1) Собственно *украинскими* назывались города по Окѣ: Коломна, Серпуховъ, Алексинъ, Калуга; 2) далѣе, отъ центра государства въ степи, пошли города *Рязанскіе:* Переславль Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ, Пронскъ, Рясскъ, Шацкъ, Сапожокъ, Гремячей, Таруса, Веневъ, Епифань, Дѣдиловъ, Донковъ, Боровскъ, Малой Ярославецъ, Лихвинъ, Перемышль, Бѣлевъ, Болховъ, Орелъ, Карачевъ, Чернь, Козельскъ, Мещевскъ; 3) еще дальше, на западъ города *Сѣ-*

---

(2) Такъ эти земли названы въ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ Богдана Хмѣльницкаго.

верскіе: Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль; 4) на югъ, собственно *степные* города: Курскъ, Ливны, Воронежъ, Елецъ, Лебедянь, Валуйки, Бѣлгородъ, Осколъ, и 5) на востокъ, города *низовые:* Касимовъ, Кадома, Темниковъ, Казань, Тетюши, Курмышъ, Алаторъ, Самара, Царицынъ, Астрахань, Терки.

Уяснивъ себѣ, такимъ образомъ, географическую терминологію, обратимъ особенное вниманіе на область Сѣверскую, или Литовскую Украйну, бывшую первымъ театромъ междоусобныхъ войнъ. Эта страна дѣлилась на двѣ почти равныя части прозрачною рѣкой Десною, которая протекаетъ по ней съ сѣвера на юго-западъ, принимая въ себя Нерусу, Судость, Сеймъ, Сновъ и много другихъ, мелкихъ рѣчекъ. Съ правой стороны тянется по Деснѣ непрерывный рядъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ и мѣстами бѣлѣющихся меловыми обвалами; съ лѣвой вьются по ней широкіе луга, изрѣзанные длинными озерами и собственными ея заливами.

Въ началѣ XVII вѣка Сѣверія была несравненно лѣсистѣе противъ нынѣшняго. Обширныя болота, еще не изсушенныя временемъ и трудами человѣческими, стояли и ржавѣли въ темнотѣ этихъ лѣсовъ, давая неприступныя убѣжища множеству птицъ и

звѣрей. Воды рѣкъ и озеръ разливались шире нынѣшняго, какъ и во всей Русской землѣ. Обработанных полей было мало. Вся страна представляла угрюмую картину запустѣнія и безлюдья. Немногіе города и села, разбросанные по рѣчнымъ взгорьямъ, по лѣсамъ и сырымъ низменностямъ Сѣверіи, сообщались между собою извилистыми *торами*. Ихъ проторили копыта животныхъ и ноги пѣшеходовъ: на колесахъ въ старину мало ѣзжали; товары перевозили лѣтомъ по водѣ, а зимой на саняхъ. Царь Борисъ Годуновъ далъ повелѣніе валять вездѣ по дорогамъ деревья и устроять плотины, но это повелѣніе, по естественнымъ причинамъ, не было исполнено въ пограничной, дикой, малолюдной, вольной землѣ Сѣверской, и сама такъ называемая *большая Новгородская гонная дорога*, пролегавшая чрезъ Новгородъ Сѣверскій въ Литву, была рядъ топкихъ гатей, полуразрушенныхъ мостовъ, плохихъ перевозовъ и безчисленных поворотовъ между болотъ и косматыхъ камышчатыхъ озеръ.

Въ народонаселеніи Сѣверіи замѣтно было два главные состава. Восточную, болѣе степную половину страны, по рѣку Десну, занимали своими хатами-мазанками усатые Малороссы; на западной, по преимуществу лѣсистой сторонѣ Десны жили въ кур-

ныхъ бревенчатыхъ избахъ худощавые и клиноборо-
дые Бѣлорусцы. Не извѣстно, съ котораго времени
устоялось въ Сѣверіи это разнохарактерное населе-
ніе: такъ ли оно было и въ оно темное время, когда
князья Давыдовичи облегали *переспы* (валы) Новаго-
рода Сѣверскаго, или это уже въ эпоху Татарскую
Литвины Гедиминовы подвинулись изъ дремучихъ
лѣсовъ своихъ къ свѣтлой Деснѣ рѣкѣ? Знаемъ толь-
ко, что, со временъ царя Іоанна IV, началъ примѣ-
шиваться сюда третій, Сѣверно-Русскій составъ. Не
говоря о бѣглецахъ, спасавшихся здѣсь отъ закон-
наго и незаконнаго преслѣдованія, многіе осѣдлые
люди разныхъ сословій выселялись въ Сѣверію только
страха ради, чтобъ не попасть подъ ударъ грознаго
владыки, однимъ взмахомъ опустошавшаго цѣлые го-
рода. При Борисѣ Годуновѣ эта примѣсь продолжала
увеличиваться. А когда изданъ достопамятный указъ
о закрѣпощеніи свободныхъ крестьянъ и слугъ за
владѣльцами земли и помѣщики, какъ уже сказано,
начали прибирать къ своимъ рукамъ, вмѣстѣ съ про-
столюдинами, людей благородныхъ и всѣхъ, кто нра-
вился имъ художествомъ, рукодѣліемъ, ратнымъ ис-
кусствомъ, или дородствомъ, — въ землѣ Сѣверской
появились многіе поселенцы, по-тогдашнему, обра-
зованные, или по крайней мѣрѣ бывалые, рѣшитель-

ные, отважные, словомъ — годные для поддержанія наступавшей борьбы, которой Самозванцы служили только знаменемъ, — борьбы между внутреннею Русью и украйнами, между боярами, дѣтьми боярскими, сословіемъ чиновнымъ и горожанами съ одной и между окозаченною нищею и безземельною чернью съ другой стороны.

Земское устройство пустыннаго Литовскаго погранічья сходствовало въ главныхъ чертахъ съ поземельнымъ устройствомъ внутренней Руси. Здѣсь были государевы *села;* были *вотчинныя* земли, или *волости* боярскія, епископскія, монастырскія и церковныя; были *помѣстныя земли,* жалованныя въ пожизненное владѣніе служилымъ людямъ; но болѣе всего было земель *черныхъ*, принадлежавшихъ собственно казнѣ, а еще больше — *ничьихъ* земель. Въ этомъ распредѣленіи недвижимыхъ имѣній въ Сѣверіи, напрасно, однакожъ, стали бы мы искать точныхъ постановленій для общинъ и отдѣльныхъ лицъ, ими владѣвшихъ. Однѣ слободы были ни что иное, какъ сборъ вольницы, присвоившей себѣ названіе черныхъ государевыхъ мужиковъ, но незнавшей никакой зависимости отъ казны. Жители другихъ городовъ называли себя бѣлопашцами и не представляли сборщикамъ податей другихъ доказательствъ своей свободы, кро-

мѣ неприступной дерзости и открытой силы. Многіе початки и погосты были просто притоны разбойниковъ, державшихся здѣсь въ-явь, на зло земскимъ властямъ, какъ осы въ гнѣздѣ. Ихъ усиливали и защищали эти бездомные и одинокіе бурлаки-козаки, которые, не числясь ни по какимъ записямъ, слонялись изъ угла въ уголъ, нигдѣ неприписанные, никому неизвѣстные ни по имени, ни по званію. (Въ то время и во внутренней Россіи дьяки съ товарищами и писцами, ѣздя по селеніямъ, записывали каждый дворъ съ именемъ только хозяина, не имѣя никакого дѣла къ его домочадцамъ, подсосѣдникамъ и захребетникамъ). Цари указывали украинскимъ воеводамъ ловить и вѣшать воровъ и разбойниковъ; воеводы очень усердно доносили царямъ о своей дѣятельности; въ самомъ же дѣлѣ, гроза ихъ имѣла значеніе только на бумагѣ, на дѣлѣ же они не рѣдко сами трусили тѣхъ, кого преслѣдовали. Эти сановники, или, лучше сказать, намѣстники ихъ и дьяки (потому что сами воеводы большею частью жили въ Москвѣ, составляя царскій дворъ и думу), сидя въ укрѣпленныхъ замкахъ, разсѣянныхъ на большихъ разстояніяхъ по украйнѣ, смотрѣли по неволѣ сквозь пальцы на скопища необузданной, нищей и дикой вольницы, а иногда старались съ ними даже ладить, какъ-будто

съ законными общинами. Губные станы и губные старосты, столь важные внутри государства, здѣсь были очень рѣдки и играли довольно смиренную ролю. Они расправлялись за воровство и буйство съ безоружными только крестьянами; но, если сыщики приводили въ губной станъ звѣровиднаго бобыля, на котораго свистъ, того и жди, налетятъ товарищи, — старосты просто трусили и давали ему, ненарокомъ, средство къ побѣгу. При всемъ томъ, во взаимныхъ отношеніяхъ составовъ Сѣверскаго народонаселенія былъ какой-то ладъ; людность Сѣверіи хранилась отъ крайнихъ бѣдъ, отъ разсѣянія и гибели, равновѣсіемъ разнородныхъ массъ; религія, обычаи и вещественная сила воеводъ, общинъ, каждой законной и незаконной артели и даже каждой отдѣльной личности поддерживали здѣсь нѣкоторый порядокъ. Но все это держалось вмѣстѣ такъ шатко и ненадежно, что готово было взволноваться при первомъ потрясеніи государства и грозило ему страшными бѣдствіями.

При такомъ состояніи страны, немудрено было Самозванцу имѣть успѣхъ въ ниспроверженіи здѣсь власти правительства. Между тѣмъ какъ Годуновъ разсчитывалъ, какъ бы овладѣть опаснымъ бродягою безъ

шуму, посредствомъ подкуповъ (3) и дружескихъ сношеній съ лукавымъ союзникомъ, Сигизмундомъ III, соучастники Лжедимитрія разсылали, изъ пограничнаго Литовскаго города Остра (4), подметныя письма въ Сѣверію и тайно копили сборища козаковъ вокругъ царскихъ крѣпостей. Еще Самозванецъ не дошелъ до рубежа, какъ жители крайняго къ Литвѣ Русскаго города, Моравска, привели къ нему въ станъ (18 октября 1604 года) связанныхъ воеводъ своихъ. Въ слѣдующіе два дня, ополченіе Самозванца увеличивалось, по дорогѣ къ Моравску, толпами народа, нетерпѣливо ожидавшаго его прихода. Эхо лѣсовъ повторяло восторженные клики: »Да здравствуетъ Московскій царь Димитрій Іоанновичъ!« и Самозванецъ, при всякомъ новомъ успѣхѣ, съ умиленіемъ благодарилъ Бога за возвращеніе ему отцовскаго достоянія. Онъ не притворялся: онъ больше всѣхъ былъ убѣжденъ въ спра-

---

(3) Въ *Сказ. о Гр. Отрепьевѣ*, 10: »Послани быша отъ царя Бориса многіе дары ко князю Костянтину Костянтиновичу« (Острожскому). Тамъ же, стр. 11: »Пріидоша съ Москвы послы и принесоша много златыхъ къ королю, яко да выдастъ сего еретика Борису царю.«

(4) Главные изъ этихъ соучастниковъ были Остерскій староста Ратомскій и два монаха, вѣроятно, Мисаилъ и Леонидъ. Нѣмцевичъ, кн. VI, 248.

ведливости своихъ притязаній и принималъ изъявленіе вѣрноподданства съ видомъ спокойнымъ и величавымъ, какъ подобающую себѣ дань.

Оставя въ Острѣ свой гарнизонъ и милостиво простивъ воеводамъ вѣрность къ похитителю престола, Борису, новый царь пошелъ къ Чернигову. Здѣсь также все было заблаговременно приготовлено къ сдачѣ города. Воеводы и стрѣльцы гарнизонные для того только оказали нѣкоторое сопротивленіе посадскимъ жителямъ и козакамъ Самозванца, чтобы, въ случаѣ его неудачи, оправдаться передъ царемъ безсиліемъ. 26 октября, Черниговъ призналъ государемъ Димитрія. Триста стрѣльцовъ съ своими воеводами увеличили его войско, а найденная въ крѣпости казна доставила ему средства подкрѣпить усердіе его приверженцевъ.

Можетъ быть, такъ же поступилъ бы и Новгородъ Сѣверскій, но туда, во время, подоспѣли свѣжіе защитники (5) изъ Москвы подъ начальствомъ князя

---

(5) Борисъ подозрѣвалъ, видно, воеводъ Сѣверскихъ въ сношеніяхъ съ приверженцами Отрепьева: онъ именно къ тѣмъ изъ нихъ прислалъ новыхъ товарищей, которые потомъ оказались измѣнниками: въ Черниговъ, въ добавокъ къ князю Татеву и князю Шаховскому, Басма-

Никиты Трубецкого и окольничаго Петра Ѳедоровича Басманова. Послѣдній отличался особеннымъ усердіемъ къ царю Борису, которому обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, наперекоръ мѣстничеству. Дѣйствуя, какъ главный начальникъ крѣпости, онъ употребилъ, къ ея защитѣ, самыя энергическія мѣры: велѣлъ стрѣльцамъ сжечь городской посадъ и забралъ въ замокъ, волею и неволею, всѣхъ годныхъ къ военному дѣлу жителей. Между тѣмъ Самозванецъ шелъ отъ Чернигова, не встрѣчая сопротивленія ни на переправахъ черезъ рѣки Свиницу и Сновъ, ни въ деревняхъ и селахъ. Вездѣ имя Димитрія было для жителей знакомъ къ сверженію прежнихъ властей и къ безнаказанному своевольству. Ополченіе его увеличивалось, подобно катящейся впередъ снѣжной глыбѣ, такъ что, вступивъ въ Россію менѣе нежели съ 4,000 воиновъ, онъ у Новгорода Сѣверскаго имѣлъ подъ своими знаменами уже 15,000.

Какъ, однакожъ, ни велико было превосходство этой силы противъ 600 стрѣльцовъ, пришедшихъ туда

нова и князя Никиту Трубецкого (узнавъ, что Черниговъ во власти самозванца, они засѣли въ Новгородѣ Сѣверскомъ), а въ Путивль, въ прибавку къ Рубцу Мосальскому, Михайла Михайловича Кривого-Салтыкова.

съ Басмановымъ, да нѣсколькихъ сотенъ стараго гарнизона и посадскихъ людей, но одинъ взглядъ на крѣпость Новгородъ-Сѣверскую могъ убѣдить всякаго, что взять ее приступомъ трудно. Крѣпость эта расположена была на высокой горѣ, надъ самой Десною. Глубокія пропасти, образованныя природою, отдѣляли ее отъ другихъ возвышенностей гористаго рѣчного берега и, безъ всякихъ окоповъ и валовъ, служили ей надежною защитою. Басмановъ дѣятельно сторожилъ всѣ входы и не допускалъ никому изъ посадскихъ людей сноситься съ приверженцами противной стороны. Переметчики, обыкновенно прешествовавшіе походу Отрепьева, возвращались оттуда безъ всякихъ извѣстій, или попадались въ руки воеводскихъ стрѣльцовъ.

Опасаясь засадъ, Отрепьевъ остановился за нѣсколько верстъ отъ Новагорода Сѣверскаго при Соленомъ озерѣ, у вершинъ обширныхъ лѣсистыхъ *яругъ* (6), обходящихъ издали весь городъ, и, для

---

(6) Мѣстное названіе природныхъ глубокихъ и широкихъ рвовъ или ущельевъ, которыми изрѣзаны возвышенные берега Десны у Новагорода Сѣверскаго. Мѣсто стана Самозванцева означено мною по Коницкому (*Исторія Руссовъ*, 43), который, хоть и баснословитъ въ описаніи Новгородъ-

обозрѣнія мѣстности, отрядилъ двѣсти козаковъ подъ начальствомъ Бучинскаго. Подъѣхавъ на пушечный выстрѣлъ къ крѣпости, Бучинскій замѣтилъ, что она, какъ нельзя лучше, приготовлена къ оборонѣ. Деревяныя стѣны ея расположены были на высотахъ, недоступныхъ для поджога. Рѣка, протекающая подъ ея выстрѣлами, доставляла осажденнымъ неистощимый запасъ воды и была лучшимъ путемъ для подвоза съ луговой стороны съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ стѣнъ по вершинамъ горъ, кромѣ насыпей и частоколовъ въ ущельяхъ, разрѣзывающихъ занимаемыя крѣпостью возвышенія, надъ крутыми скатами приготовлено было множество колодъ, которыя, въ случаѣ приступа, могли бы передавить осаждающихъ.

Въ крѣпости тотчасъ замѣтили отрядъ Бучинскаго; начали стрѣлять и бросать вверхъ шапки на

Сѣверской осады, но вѣрно описываетъ мѣстность, почему и можно полагать, что у него были подъ рукою какія-нибудь изчезнувшія для насъ записки. — Паэрле, 8: »Димитрій, подступивъ къ ней на 4 мили, выслалъ впередъ« и пр. Далѣе, стр. 8: »Царевичъ не рѣшился идти впередъ и двое сутокъ простоялъ на одномъ мѣстѣ.« — Въ Дневн. Лжедимитріи записано: »$^{11}/_{21}$ (ноября) подъ Новгородкомъ; $^{12}/_{22}$ — $^{13}/_{23}$ тамъ же; $^{14}/_{24}$ *подъ замкомъ* пальба.« Всему этому указаніе Конискаго не противорѣчитъ.

переговоры. Бучинскій подъѣхалъ къ укрѣпленіямъ съ одинадцатью человѣками. На высотѣ показался Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ въ рукѣ. На вопросъ его: что вамъ здѣсь нужно? Бучинскій сказалъ: »Я присланъ моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, Димитріемъ Іоанновичемъ. Онъ объявляетъ вамъ чрезъ меня, слугу сво́его, что, если вы, подобно жителямъ Моравска и Чернигова, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному государю, то будете помилованы; если же нѣтъ, то знайте, что всѣхъ васъ предастъ онъ смерти, мужей и женъ, старыхъ и малыхъ.« — »Государь нашъ, Борисъ, теперь въ Москвѣ«, отвѣчалъ на это Басма̀новъ. »*Онъ* повелитель всей Россіи! а тотъ, о комъ ты говоришь, есть измѣнникъ и негодяй. Скоро онъ будетъ на колу со всѣми своими клевретами! Убирайся скорѣе туда, откуда пришелъ, если хочешь остаться живъ!« И вслѣдъ за этими словами раздался съ крѣпости грохотъ пальбы.

Получивъ отъ Бучинскаго извѣстіе о такомъ грозномъ пріемѣ мирнаго предложенія, Отрепьевъ призадумался. Два дня употребилъ онъ на развѣдыванье, нельзя ли пріискать средствъ къ овладѣнію крѣпостью посредствомъ своихъ приверженцевъ, находящихся въ составѣ гарнизона. Но неусыпная дѣятельность Басманова и вѣрность пришедшей съ нимъ дружины

заставили остальныхъ притаиться съ ихъ замыслами. Подсылки изъ стана въ крѣпость не имѣли ни какого успѣха: соблазнителей ловили на всѣхъ пунктахъ, или отгоняли прочь выстрѣлами.

На третій день Отрепьевъ велѣлъ подвезти къ укрѣпленіямъ пушки, взятыя въ Черниговѣ, и открыть пальбу. Въ слѣдующіе два дня и потомъ всю ночь, громъ пушекъ съ обѣихъ сторонъ не умолкалъ. Но все было напрасно. Попытки взять крѣпость приступомъ, или открыть въ нее дорогу тайнымъ подкопомъ и взрывомъ, оканчивались потерею людей. Выстрѣлявъ съ досады, въ теченіе послѣдней ночи, весь порохъ, Поляки, въ уныніи, начали совѣщаться, что дѣлать. Шляхта досадовала, что до сихъ поръ не сбылись надежды ея на богатую добычу, а сопротивленіе Новгородъ-Сѣверской крѣпости заставило ее думать, что въ глубинѣ Россіи отпоръ будетъ еще сильнѣе. На разсвѣтѣ ихъ шумныя ватаги начали уже сѣдлать лошадей, чтобъ выступить въ обратный путь, какъ прискакали въ лагерь гонцы съ извѣстіемъ, что главный городъ Сѣверской области, Путивль, покорился добровольно и воеводъ его ведутъ уже къ царевичу. Это важное событіе возвратило Полякамъ прежнюю твердость.

Дѣйствительно, 19 ноября, привели Путивльскаго

воеводу, окольничаго Михайла Кривого-Салтыкова. Его предалъ товарищъ его на воеводствѣ, князь Василій Рубецъ-Мосальскій. Узнавъ расположеніе стрѣльцовъ къ измѣнѣ, онъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Сутуповымъ, поспѣшилъ объявить себя за царевича Димитрія и этимъ пріобрѣлъ особенную его благосклонность. Черезъ три дня, въ теченіе которыхъ приходили въ лагеръ извѣстія о перехватываньи приверженцами царевича Борисовыхъ стрѣльцовъ и вѣрныхъ еще городовыхъ козаковъ, пріѣхали Рыльчане съ увѣдомленіемъ, что городъ ихъ покорился царевичу Димитрію, а вслѣдъ за ними явились посланцы изъ Комарницкой волости и привели своихъ воеводъ. Тогда и въ самой Новгородъ-Сѣверской крѣпости зашевелились измѣнники: не смотря на всю грозу Басманова, восемьдесять человѣкъ перебѣжало къ мнимому Димитрію. Декабря 1 получено извѣстіе о сдачѣ Курска; еще черезъ день — о поддачѣ крѣпкаго города Кромъ; а потомъ сдались со стороны Татарскихъ степей, Борисовъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, Воронежъ, Ливны и Елецъ. Тамъ чернецъ Леонидъ, называя себя Отрепьевымъ, уничтожалъ вѣру въ обнародованную Годуновымъ исторію Чудовскаго діакона Отрепьева, а особый отрядъ войска, посланный Самозванцемъ въ ту сторону по Крымской до-

рогѣ, еще до вступленія въ Русскія области, поддерживалъ силою подготовленную Леонидомъ измѣну.

Принимая городъ за городомъ въ свое подданство, Отрепьевъ велѣлъ свозить со всѣхъ крѣпостей къ Новгородъ-Сѣверску тяжелую артиллерію. Съ одной стороны, ему не хотѣлось оставить въ тылу непокоренную крѣпость, съ другой — отчаянное сопротивленіе Басманова раздражило его гордый и нетерпѣливый духъ. Онъ рѣшился взять крѣпость во что бы ни стало; велѣлъ насыпать противъ нее новые окопы и открылъ пальбу изъ большихъ пушекъ. Нѣсколько дней Басмановъ еще крѣпился; наконецъ велѣлъ бросать вверхъ шапки на переговоры. Когда подъѣхали Отрепьевы переговорщики, Басмановъ просилъ двухъ-недѣльнаго перемирія, въ теченіе котораго онъ надѣется получить извѣстіе о состояніи Москвы. Если Москва стоитъ не твердо, тогда онъ положитъ оружіе и предастъ себя милосердію Димитрія. Отрепьевъ имѣлъ свои причины согласиться: онъ не хотѣлъ смущать сердца новыхъ подданныхъ и Поляковъ зрѣлищемъ громоносной борьбы съ небольшою крѣпостью и надѣялся, въ тишинѣ перемирія, склонить къ добровольному подданству Русскую рать, стоявшую у Брянска, подъ начальствомъ князя Димитрія Ивановича Шуйскаго.

Этого можно было ожидать и по имени ея предводителя, и по самимъ его дѣйствіямъ. Въ то время, когда доблестный воевода Басмановъ съ горстью людей удерживалъ Отрепьева за Десною, онъ, начальствуя тремя полками, писалъ къ царю, что не можетъ выступить въ походъ безъ подмоги, и допустилъ многихъ изъ своихъ подчиненныхъ разойтись по домамъ, подъ предлогомъ собранія новыхъ запасовъ, »испроторенныхъ во время долгаго стоянія« (7). Между тѣмъ въ южныхъ украйнахъ, по чертѣ отъ запада къ востоку, на пространствѣ 600 верстъ, жители городовъ и деревень признали государемъ Димитрія. Власть Годунова имѣла дѣйствіе только въ среднихъ и сѣверныхъ областяхъ; но и тамъ шаткость умовъ до-

(7) См. *Собр. Гос. Гр.* и *Д.* II, № 78. Годуновъ, собирая подмогу Брянской рати, пишетъ къ патріарху и духовенству: »Войска наши вельми оскудѣша: овіи, прельщеніи тѣмъ воромъ, къ нему предалися; многіе козаки, забывъ къ намъ крестное цѣлованіе, намъ измѣнили, а иные отъ долгаго стоянія изнурились и испроторились, въ домы разошлись, и тако воямъ нашимъ зѣло умалившимся; многіе же люди, имѣя великія помѣстья и отчины, а службы не служатъ ни сами, ни ихъ дѣти, ни холопи, и живутъ въ домахъ, не пекущеся о гибели царства и о святой церкви.«

шла до угрожающей степени. Пытки, произведенныя въ Смоленскѣ и въ другихъ городахъ надъ людьми свѣтскими и духовными за вредные толки (8), утверждали въ народѣ сомнѣніе, ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ проявился въ живыхъ царевичъ Димитрій? иначе — какъ бы помогалъ ему Польскій король? какъ бы пошли съ нимъ въ походъ гордые Литовскіе и Польскіе паны? какъ бы покорилась ему, мало не вся, украйна Польская и Литовская? какъ бы, до сихъ поръ, не нашелся человѣкъ, который бы призналъ его въ глаза обманщикомъ? Кто взглянетъ, на него, тотчасъ на колѣни и величаетъ царскимъ именемъ. Да и самъ чернецъ Отрепьевъ показывался во многихъ мѣстахъ на Татарскомъ рубежѣ. Стало быть, тотъ, кто стоитъ подъ Сѣверскимъ Новымгородомъ, не Отрепьевъ, а Димитрій царевичъ. Такіе толки носились тайно даже между людьми твердыми въ вѣрности къ царю. Многіе дворяне и боярскія дѣти, подъ разными предлогами, оставались въ своихъ помѣстьяхъ и отчинахъ

---

(8) Тамъ же, стр. 175. Царь пишетъ выговоръ Смоленскимъ воеводамъ, зачѣмъ они совѣстятся пытать людей духовнымъ: »И вы то дѣлаете не гораздо, что такія дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у діякона некому снять скуфьи и затѣмъ его не пытали.... и вамъ бы велѣти въ томъ пытати накрѣпко и огнемъ жечь.«

нѣтчиками, не шли въ царскую рать и не высылали своихъ холопей. Годуновъ, въ грамотѣ къ духовенству (9), называетъ ихъ людьми равнодушными къ гибели царства и къ святой церкви, но гораздо вѣроятнѣе, что они находились подъ тяжкимъ сомнѣніемъ, не поднимутъ ли, въ рати Борисовой, меча на природнаго государя! (10)

Видя, со всѣхъ сторонъ, шаткость умовъ, недостатокъ усердія и готовность къ переходу на сторону страшнаго соперника, Годуновъ обратился къ помощи духовенства, на вѣрность котораго еще полагался. По его грамотѣ, патріархъ и все начальное духовенство, выслали къ Калугѣ, сколько могли набрать въ

---

(9) См. выше, примѣч. 7.

(10) Еще 17 августа, Хрущовъ, приведенный къ Отрепьеву Донцами, на распросы его, говорилъ, что, ѣдучи на Донъ, встрѣтился съ воеводами Петромъ Шереметевымъ и Михайломъ Салтыковымъ, и тѣ его »одинъ на обѣдъ, другой на ужинъ просили; и тамъ Хрущовъ, отведя (Шереметева) на сторону, упомянулъ о царевичѣ, сказавши, о чемъ ему съ Донскими козаками говорить велѣно.... Шереметевъ, пожавъ плечами, сказалъ: мы ничего не знаемъ.... однако догадываемся, что противъ иного, а не Перекопскаго Хана онъ (Борисъ) насъ отправилъ; и, если такъ, то трудно воевать противъ природнаго государя.« (*Собр. Гос. Гр.* и *Д.* II, № 81.)

своихъ владѣніяхъ, даточныхъ людей. Вмѣстѣ съ трехполковою Брянскою ратью, это новое ополченіе составило отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Главное начальство надъ войскомъ поручено князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, и войско наконецъ двинулось противъ Самозванца, на помощь осажденному въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ Басманову. Между тѣмъ духовенство въ церквахъ и на торжищахъ предало Отрепьева проклятію и повѣстило объ этомъ по всему государству. Но проклятіе Отрепьева не произвело желаннаго дѣйствія на умы народа: Отрепьевъ и Димитрій считались двумя разными лицами.

И Басмановъ, и Самозванецъ ожидали царскаго войска съ нетерпѣніемъ: одинъ, заключая перемиріе, только и разсчитывалъ на эту помощь; другой надѣялся, что войско покорится добровольно, подобно жителямъ Сѣверской украйны, и откроетъ ему безпрепятственный путь къ престолу. Наконецъ, 18 ноября, сторожевой полкъ Мстиславскаго подошелъ, съ луговой стороны, къ Деснѣ и началъ переправляться верстахъ въ десяти отъ Самозванцева стана. Отрепьевъ, господствуя на гористомъ берегу, могъ бы поставить на высотахъ пушки и сдѣлать эту переправу очень затруднительною, но онъ не желалъ ожесточать вой-

ска Борисова и, вмѣсто артиллеріи, отправилъ къ мѣсту переправы легкій отрядъ стрѣлковъ, да и то не для помѣхи, а для прикрытія людей, которые побѣгутъ къ нему изъ царской рати. Ожиданіе его, однакожъ, на этотъ разъ не исполнилось: во время переправы передалось Отрепьеву только трое боярскихъ дѣтей (11). Прочіе на крикъ: »Да здравствуетъ царевичъ Димитрій!« отвѣчали пальбою изъ ружей, и Отрепьевцы, обмѣнявшись съ ними нѣсколькими выстрѣлами, отступили.

Мстиславскій расположился станомъ на Черниговской дорогѣ, такъ что непріятель очутился между нимъ и крѣпостью. Казалось, такому многочисленному войску стоило только ударить на враговъ и, оттѣснивъ ихъ подъ крѣпостные выстрѣлы, уничтожить за одинъ разъ. Но предводимая Мстиславскимъ рать собрана была только самыми строгими мѣрами (12); она вошла въ страну, наполненную привер-

---

(11) Въ Дневн. Лжед. они названы *боярами*, но это, видно, произошло оттого, что Поляки не знали различія между боярами и боярскими дѣтьми. Бояръ въ войскѣ Мстиславскаго было не много, и всѣ они извѣстны наперечетъ (см. Арцыбашевъ. Кн. V, пр. 493).

(12) Бер̀ъ, 46: »Кто не слушался (указа о походѣ), былъ

женцами мнимаго Димитрія; въ виду предводителей, изъ нея передалось Отрепьеву трое значительныхъ людей; каждый воевода и каждая дружина смотрѣли другъ на друга съ недовѣрчивостью, подозрѣвая всюду предательскіе замыслы. Сверхъ того множество шпіоновъ, шнырявшихъ между обоихъ становъ, смущали умы людей простыхъ и начальныхъ. Вотъ почему Мстиславскій, имѣя пятьдесятъ тысячъ воиновъ противъ пятнадцати, не рѣшался на битву и ожидалъ подкрѣпленія. Между тѣмъ Отрепьевъ, въ нетерпѣніи, задиралъ его мелкими стычками. Борисова рать какъ-будто нехотя отражала наскоки Польской и Донской конницы, и въ такихъ схваткахъ прошло нѣсколько дней. Въ теченіе этого времени Отрепьевъ нашелъ, видно, средства условиться съ Димитріемъ Шуйскимъ, какъ обратить въ бѣгство Московское войско. Этимъ только объясняется дерзость, съ которою онъ началъ знаменитую Новгородъ-Сѣверскую битву. Она произошла 31 декабря 1604 года.

наказанъ: иныхъ лишали помѣстья, другихъ сажали въ тюрьму, иныхъ сѣкли плетьми, такъ что на спинѣ у нихъ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, гдѣ было бы можно уколоть иглою. Сіи строгія мѣры принудили всѣхъ идти къ войску.«

Передъ началомъ сраженія Самозванецъ произнесъ къ своимъ сподвижникамъ слѣдующую рѣчь: »Наконецъ, мои добрые, вѣрные товарищи, настало время, когда всемогущій Богъ разсудитъ меня съ Борисомъ и рѣшитъ мое дѣло... Онъ вѣдаетъ, какимъ вѣроломствомъ, какою смертоносною измѣною Борисъ овладѣлъ моею прародительскою державою! Я увѣренъ — и никто не будетъ въ томъ сомнѣваться, что одинъ Богъ хранилъ меня до сего времени. Пускай Борисъ не признаетъ Его правосудія и могущества; промыселъ Всевышняго располагаетъ всѣми дѣлами человѣческими, и ничто не совершается безъ Его воли. Итакъ, мои вѣрные товарищи, возьмемъ оружіе и мужественно, радостно ударимъ на вѣроломныхъ измѣнниковъ! Не страшитесь ихъ множества: поле битвы остается не за тѣмъ, кто сильнѣе, но кто мужественнѣе и добродѣтельнѣе. Много такихъ примѣровъ есть въ исторіи. Меня не обманетъ надежда возвратить наслѣдіе отцовъ моихъ, а васъ ожидаетъ безсмертная слава — изъ всѣхъ наградъ самая сладостная!« Потомъ, воздѣвъ руки и глядя на небо, воскликнулъ: »Боже! порази, сокруши меня громомъ небеснымъ, если обнажаю мечъ неправедно, но пощади кровь Христіянскую! Ты зришь мою невин-

ность: пособи мнѣ въ дѣлѣ правомъ! А Ты, Царица небесная, будь покровомъ мнѣ и моему воинству!«

Одушевя такою рѣчью свое войско, Отрепьевъ выслалъ впередъ небольшой отрядъ и велѣлъ завязать съ непріятелями перестрѣлку, къ которой тѣ уже привыкли; потомъ, вышедъ изъ лагеря со всѣми силами, оставилъ значительную часть ихъ въ запасѣ, а самъ, съ тремя лучшими Польскими хоругвями, бросился на правое крыло Московской рати, предводительствуемое Дмитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Взметая снѣжные вихри и поднявъ страшный крикъ, Поляки неслись впередъ, очертя голову. Русскіе дрогнули; ряды ихъ смѣшались. Шуйскій не поддержалъ бодрости своихъ воиновъ, и все правое крыло, обратя тылъ, метнулось на средину войска, опрокинуло ее и произвело страшное смятеніе. Мстиславскій употребилъ всѣ усилія остановить враговъ. Сомкнувъ вокругъ себя вѣрнѣйшую дружину, онъ бился какъ простой воинъ, получилъ пятнадцать ранъ и палъ на груду труповъ. Стрѣльцы съ трудомъ вынесли его изъ побоища. Но зато другіе сражались такъ, какъ-будто у нихъ не было рукъ. Вездѣ давали непріятелямъ тылъ и бѣжали опрометью. Очевидецъ этого дѣла говоритъ, что только неопытность въ военномъ искусствѣ капитановъ Отрепьева

спасла Московскую рать отъ совершеннаго пораженія. Если бъ другія хоругви ударили во время на лѣвое крыло, то нѣтъ сомнѣнія, что все тогда обратилось бы въ бѣгство. Но этого не было сдѣлано. Отрепьевцы, пробившись до самого воеводскаго знамени, опрокинули главную силу, гнали и сѣкли огромное сонмище серединнаго войска, смѣшаннаго съ правымъ крыломъ (13), а лѣвое, между тѣмъ, оставалось забытымъ. Черезъ часъ дѣйствіе приняло иной характеръ: Отрепьевцы устали поражать многочисленнаго непріятеля; возбужденный въ нихъ первымъ успѣхомъ пылъ началъ остывать; а тутъ Басмановъ вышелъ изъ крѣпости и ударилъ имъ въ тылъ. Самозванецъ увидѣлъ опасность своего положенія и долженъ былъ прекратить битву. Тутъ лѣвое крыло, нетронутое его нападеніемъ, могло бы взять надъ нимъ рѣшительный верхъ; но царская рать еще не опомнилась отъ перваго замѣшательства и съ радостью увидѣла от-

---

(13) »И до самого стяга и знаменія воеводскаго добишась и много безчисленно людей падоша.... и воины Борисовы побѣгоша; они же ихъ девять верстъ и больше гнаша сѣкуще: трупу жъ человѣка яко лѣсу пороніша, и яко мостъ на 9 верстъ помостиша.« (Изъ Хронографа, у Карамз. XI, пр. 272.)

ступленіе смѣлаго непріятеля. Со стороны Мстиславскаго пало 4 тысячи воиновъ; уронъ Отрепьева былъ незначительный.

Однакожъ послѣ битвы, въ обоихъ станахъ поселилось уныніе. Поляки, хоть и хвалились побѣдою и четырмя тысячами убитыхъ непріятелей, но почувствовали, что къ престолу Годунова трудно пробиться сквозь толстыя стѣны Московскаго войска. Зимнее стоянье въ лагерѣ и скудость казны Отрепьева охладили усердіе къ нему шляхты, имѣвшей въ виду только деньги и разсчитывавшей на силу имени царевича въ Россіи. Многіе явно роптали. Отрепьевъ слышалъ это съ стѣсненнымъ сердцемъ. Обстоятельства его готовы были принять гибельный оборотъ. Къ утѣшенію его, на другой день пришло четыре тысячи Запорожцевъ. Онъ встрѣтилъ ихъ на значительномъ разстояніи отъ своего стана, расточилъ имъ всевозможныя ласки и благодарилъ за исполненіе обѣщанія.

Въ Московскомъ стану, между тѣмъ, смущеніе умовъ было несравненно сильнѣе. Главный воевода, Мстиславскій, весь израненный, лежалъ безъ памяти. Прочіе, съ одной стороны, страшились гнѣва царскаго, съ другой опасались измѣны войска, такъ слабо стоявшаго въ битвѣ; а когда пришли къ Отрепьеву

на помощь Запорожцы, они такъ боялись другого нападенія, что не осмѣлились оставаться долѣе подъ Новымгородомъ Сѣверскимъ и отступили къ Стародубу. Тамъ они поджидали къ себѣ на подмогу свѣжихъ полковъ, собиравшихся у Брянска, и медленно готовились къ другому походу противъ Самозванца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Посылка Бориса къ войску. — Неудовольствія Поляковъ. — Удаленіе большей части ихъ въ отечество. — Почести Басманову. — Василій Шуйскій главный начальникъ въ войскѣ. — Дѣло при Добрыничахъ. — Большая часть Запорожцевъ оставляетъ Отрепьева. — Бѣгство его въ Путивль. — Новая помощь съ Дону. — Казнь Сѣверянъ. — Кручина отъ царя войску. — Осада Кромъ. — Подсылка въ Путивль отравителей. — Смерть Бориса Годунова. — Присяга Ѳеодору Борисовичу. — Перемѣна воеводъ. — Измѣна Басманова и всего войска. — Отрепьевъ идетъ къ столицѣ. — Измѣна Москвичей. — Сверженіе Ѳеодора съ престола. — Присяга Димитрію. — Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. — Цареубійство и его истинные виновники.

Никто изъ начальныхъ людей не дерзнулъ донести царю о неудачной битвѣ подъ Новымгородомъ Сѣверскимъ. Царь узналъ это частнымъ образомъ и отправилъ въ войско чашника Вельяминова-Зернова, съ рѣчью и съ милостивымъ словомъ. Вмѣстѣ съ нимъ послалъ онъ къ Мстиславскому для леченія ранъ медика и двухъ аптекарей. Вельяминовъ-Зерновъ говорилъ такъ, по наказу, Мстиславскому: »Государь и сынъ его жалуютъ тебя: велѣли

тебя о здоровьи спросить.« Потомъ, говоря отъ лица самого царя, продолжалъ: »Ты подвизался въ битвѣ доблестно и сдѣлалъ то, памятуючи Бога и крестное цѣлованіе, что еси пролилъ кровь свою за Бога и за пречистую Богородицу, крѣпкую нашу помощницу, и за великихъ Чудотворцевъ, и за святыя Божіи церкви, и за насъ, и за всѣхъ православныхъ Христіянъ; и когда, дастъ Богъ, службу свою повершишь и увидишь образъ Спасовъ и пречистыя Богородицы и великихъ Чудотворцевъ, и наши царскія очи, — и мы тебя, за твою прямую службу, пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ.« Это была должная дань храброму воину, хоть и плохому полководцу; но ласки, расточенныя войску, были не по заслугамъ. Оно сражалось нехотя и заслуживало гнѣва царскаго; но Годуновъ чувствовалъ непрочность всеобщей вѣрности, боялся строгостью ускорить измѣну и велѣлъ сдѣлать ему такой привѣтъ, какъ-будто оно одержало блистательную побѣду. Еще недавно могущественный и самовластный царь, онъ теперь оказался робкимъ боярином, сидящимъ на престолѣ по милости вооруженной части Русскаго населенія.

Отрепьевъ не разсудилъ за благо, въ виду непокорной Новгородъ-Сѣверской крѣпости, дожидаться

прихода царскаго войска съ свѣжими силами. Черезъ нѣсколько дней онъ переправился на луговую сторону Десны и направился въ Комарницкую волость, гдѣ на большое пространство кругомъ жители признавали его царевичемъ.

Между тѣмъ намѣреніе Поляковъ оставить его и возвратиться домой утвердилось по прибытіи Запорожцевъ. Эта демократическая вольница не могла имѣть дружескихъ сношеній съ своими союзниками, шляхтичами. Взаимная ненависть и презрѣніе обнаруживались безпрестанно въ ѣдкихъ сарказмахъ, которыми козаки, стоя своимъ *кошемъ*, или таборомъ, вблизи окоповъ Польскихъ, безпрестанно перебранивались съ задорными Ляхами. Доходило не разъ и до драки, особенно въ разъѣздахъ для фуражировки и во время похода по лѣвой сторонѣ Сѣверіи. Къ этимъ непріятностямъ присоединилась у Поляковъ память прежней обиды. Еще до Новгородъ-Сѣверской битвы, разъѣздныя дружины Отрепьева перехватили казну Борисову, которую купцы везли въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ: одну часть ея онъ отправилъ въ Литву къ Вишневецкому и Рожинскому для набора новыхъ сподвижниковъ, а другую роздалъ Сѣверскимъ козакамъ, которые были въ жалкомъ состояніи: босые, нагіе и голодные, они

имѣли только сабли при боку, ножи за поясомъ да еще кой-какое оружіе (1). Не смотря на то, что онъ поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ добрый полководецъ, шляхта, считавшая всю службу за собою, сильно на него вознегодовала, и только, въ ожиданіи будущихъ благъ, затаила свой ропотъ. Теперь же, раздраженные холодомъ, походными трудами, враждою съ Запорожцами и, видя впереди одни сраженія съ Борисовымъ войскомъ, безпрестанно подкрѣпляемымъ, Поляки начали покрикивать буйно, какъ на своихъ сеймахъ и конфедераціяхъ. На походѣ, во время роздыха въ лѣсу, произошла однажды сильная тревога въ войскѣ (2), и Отрепьевъ съ трудомъ успѣлъ уговорить Поляковъ остаться у себя въ службѣ, но не надолго. Когда, продолжая походъ, остановились недалеко отъ Путивля, надъ озеромъ, прискакалъ

---

(1) Таковы были козаки и во время Пожарскаго, подъ Москвою: »овіи убо боси, овіи же нази, токмо едино оружіе имуще въ рукахъ своихъ и мечъ при бедрѣ своей«. (Авр. Палицынъ, 277). Въ началѣ Самозванщины имъ не отъ чего было быть въ лучшемъ состояніи.

(2) Дневн. Лжед. »$^{3}/_{13}$ (января). Въ лѣсу при деревнѣ. Тревога.« Тревога эта не могла быть по случаю открытія непріятеля, потому что онъ оставленъ далеко за Десною. Видно, это была тревога внутренняя.

къ Юрію Мнишку отъ короля, гонецъ съ предписаніемъ возвратиться немедленно въ отечество. Двоедушный Сигизмундъ, дѣйствуя теперь какъ вѣрный союзникъ Московскаго царя, исполнилъ свое обѣщаніе, данное ему черезъ Огарева, и послалъ въ Сѣверію это предписаніе, можетъ быть, съ противоположнымъ тайнымъ наказомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ увѣренностью, что Мнишекъ и его шляхта не разстанутся съ Димитріемъ. Полякамъ была не новость ослушаться королевскаго приказа (3); но теперь они имѣли много причинъ показать себя вѣрными подданными. Самъ Юрій Мнишекъ разувѣрился въ легкости завоеванія престола для своей дочери, а Смоленскаго и Сѣверскаго княжествъ для себя. Онъ увѣрилъ Отрепьева, что возвратится съ новыми силами, и немедленно разъѣхался съ нимъ, взявши дорогу мимо Путивля на Пырятинъ, Яготинъ, Переяславъ и Кіевъ. Прощанье шляхты съ Самозванцемъ было не такъ дружественно: многіе разгорячились за недоплату жалованья; одинъ прямо сказалъ ему: »Ужъ быть тебѣ на висѣлицѣ!« а другіе сорвали съ него даже

---

(3) Какъ и было доказано черезъ три дня, когда 400 Польскихъ всадниковъ опять возвратились къ Самозванцу (Паэрле, 17.)

шубу. На третій день, однакожъ, четыреста Польскихъ всадниковъ, не желая лишиться чести посадить на Московскій престолъ своего товарища, возвратились къ Отрепьеву съ обѣщаніемъ вѣрно служить ему (4). Съ этими сотнями, да съ Сѣверскими, Днѣпровскими и Донскими козаками, Самозванецъ расположился въ Комарницкой волости, занялъ Чемлинскій острожокъ, вербовалъ поселянъ и пріучалъ ихъ владѣть оружіемъ.

Между тѣмъ Годуновъ вызвалъ Басманова въ Москву и, для поощренія другихъ воеводъ къ вѣрности, осыпалъ его милостями неслыханными. На-встрѣчу ему высланы знатнѣйшіе князья и бояре, съ привѣтственною рѣчью отъ имени царя. Онъ ѣхалъ по городу до самого дворца въ царскихъ саняхъ; проводжали его такъ точно, какъ государя. Во дворцѣ онъ получилъ изъ рукъ самого Бориса золотое блюдо, вѣсомъ въ 6 фунтовъ, насыпанное червонцами, сверхъ того 2 тысячи рублей, множество столоваго серебра изъ казны, помѣстье съ крестьянами и санъ думнаго боярина. Но и тутъ Годуновъ ошибся въ раз-

---

(4) Паэрле, 17. Начальники этихъ четырехъ сотень были: Остерскій староста Мих. Ратомскій и Тишкевичъ съ ротмистрами. (Карамз. XI, пр. 276.)

счетѣ. Во-первыхъ, удержавъ Басманова при себѣ, какъ вѣрнѣйшаго человѣка въ угрожавшей опасности, онъ лишилъ войско лучшаго полководца; во-вторыхъ, чрезмѣрность наградъ возбудила негодованіе въ родовитыхъ боярахъ, тѣмъ болѣе, что князь Никита Трубецкой, сидѣвшій въ осадѣ вмѣстѣ съ Басмановымъ, получилъ награду несравненно меньшую.

Еще пуще того ошибся Годуновъ нарядя князя Василія Шуйскаго главнымъ воеводою на мѣсто раненнаго Мстиславкаго. Борисъ приказалъ ему усилить главную рать запасными полками, стоявшими у Кромъ и у Брянска, и преслѣдовать Самозванца неутомимо, а самъ безпрестанно молился и давалъ обѣты путешествовать по монастырямъ. Но войско, предводимое Василіемъ Шуйскимъ, преслѣдовало Отрепьева, по замѣчанію очевидца, такъ медленно, какъбудто не имѣло охоты сражаться съ нимъ: долго блуждало безъ пользы по лѣсамъ и дубровамъ и приблизилось, наконецъ, къ непріятелю, давши ему довольно времени усилиться.

Отрепьевъ былъ тогда въ Сѣвскѣ. Узнавъ о приближеніи Борисовой рати, онъ совѣтовался съ начальниками своихъ дружинъ, что дѣлать. Рѣшено было идти врагамъ на-встрѣчу, потому что, если бъ они окружили крѣпость, то, при своей многочислен-

ности, имѣли бы средства взять ее приступомъ, или принудить къ сдачѣ голодомъ.

Выступивъ изъ Сѣвска, Отрепьевъ скоро узналъ отъ передового отряда козаковъ, что рать Борисова тѣснится въ деревнѣ Добрыничахъ такъ, что не можетъ двигаться въ порядкѣ. Онъ ускорилъ походъ и хотѣлъ напасть на нее ночью, въ-расплохъ. Жители взялись подвести его незамѣтно къ деревнѣ скрытными путями и зажечь ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но дозоры замѣтили поджигателей, и войско царское всю ночь держалось въ готовности къ отраженію непріятеля.

На разсвѣтѣ 21-го января 1605 года, воеводы Борисовы вывели свои полки изъ деревни на равнину и устроили ихъ къ битвѣ. У нихъ было отъ 60 до 70 тысячъ человѣкъ, у Отрепьева не болѣе 15 тысячъ. Однакожъ онъ не струсилъ: вѣра въ предопредѣленіе судьбы придавала ему духу. Произнеся, по своему обыкновенію, во всеуслышаніе молитву и засвидѣтельствовавъ предъ Богомъ и предъ людьми правоту своего дѣла (5), онъ началъ сраженіе неболь-

---

(5) Де-Ту, 135: »Димитрій находилъ, по словамъ его, сильнѣйшую опору въ своей совѣсти: обыкновенно передъ

шою стычкою. Когда загремѣли съ обѣихъ сторонъ пушки и клубы дыму затмили одну часть боевого поля, лежавшую подъ вѣтромъ, Отрепьевъ спустился съ Польскою конницею въ лощину, чтобы пройти незамѣтно подъ дымомъ и отрѣзать Русскихъ отъ деревни. Это движеніе не укрылось отъ Мстиславскаго, который, не смотря на раны, выѣхалъ въ поле. Онъ двинулъ, на-перерѣзъ Полякамъ, правое крыло, съ двумя отрядами иноземной гвардіи. Не смутясь, отъ этого препятствія, Отрепьевъ, на каромъ аргамакѣ, съ обнаженною саблею, поскакалъ впереди своихъ хоругвей на правое крыло, предводимое все-таки *Димитріемъ Шуйскимъ*, и ударилъ такъ стремительно, что, послѣ нѣкотораго сопротивленія иноземцевъ, оно обратилось въ бѣгство. Остановя преслѣдованіе, Отрепьевъ

началомъ битвы онъ молился усердно, такъ чтобы всѣ его слышали, и воздѣвъ руки, обративъ глаза къ небу, воскликцалъ: »Боже правосудный!« (и пр. какъ передъ Новгородъ-Сѣверскою битвою). Если дѣйствительно такъ было (замѣчаетъ Де-Ту) и если сей человѣкъ, зная ложь своихъ рѣчей, не боялся обманывать съ такою увѣренностію: ему надлежало быть самымъ безстыднымъ плутомъ; если же онъ, *повѣривъ молвѣ неосновательной*, дѣйствительно считалъ себя царевичемъ: нельзя не подивиться, какъ жестоко играла имъ судьба....«

евъ повернулъ вправо къ селу, на самую большую массу Русской пѣхоты, которая, не понимая, что передъ нею дѣлается, стояла неподвижно, въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпенѣніи. Увидя несущіяся на себя, подобно вихрю, Польскія хоругви, она допустила ихъ довольно близко и вдругъ грянула залпомъ изъ десяти, или двѣнадцати тысячъ ружей. Облака дыму покрыли конницу Отрепьева. Многіе пали на мѣстѣ; остальные, объятые ужасомъ, поворотили коней и спасались бѣгствомъ. Между тѣмъ Запорожскіе козаки, оставленные для поддержанія удара, вообразивъ, что дѣло кончено, понеслись на дымъ къ деревнѣ и столкнулись на-бѣгу съ Поляками. Отрепьевъ хотѣлъ сдѣлать съ ними отпоръ Московской рати, двинувшейся его преслѣдовать; но замѣшательство, произведенное въ ихъ лавахъ бѣгущими, брань и упреки со стороны шляхты и жаркая пальба отъ наступившей Русской пѣхоты — все это, присоединясь къ народной ихъ враждѣ къ шляхтѣ и неудовольствію на самого Отрепьева, пристрастнаго любителя Ляховъ, заставило ихъ отступить и спасаться бѣгствомъ, предавъ Самозванца и его Польскія хоругви на произволъ судьбы. За ними побѣжали и Донцы, шедшіе для поддержанія битвы. Конь подъ Отрепьевымъ былъ раненъ въ ногу и едва имѣлъ силы

вынести его изъ-подъ огня. Отрепьевъ здѣсь непремѣнно достался бы, живой или мертвый, въ руки преслѣдующимъ; но у него, къ счастью, въ значительномъ разстоянiи отъ боевой равнины, стоялъ за горою сильный отрядъ Сѣверскихъ пѣшихъ козаковъ и окозаченныхъ поселянъ, съ тяжелымъ снарядомъ. Этотъ отрядъ, не чая себѣ пощады отъ земляковъ, рѣшился лучше пасть въ битвѣ, нежели отдаться въ плѣнъ. Встрѣтя наступившiе полки пушечными выстрѣлами, Сѣверяне вступили потомъ въ рукопашный бой, сражались отчаянно и долго, удерживая свою позицiю; на конецъ, подавленные превосходствомъ силъ, отступили и, будучи разорваны, дрались поодиначкѣ. Немногiе достались въ плѣнъ; всѣ прочiе пали на мѣстѣ. Этотъ отпоръ, внушенный безнадежнымъ отчаяньемъ, пріостановя преслѣдователей, спасъ остальное войско Отрепьева отъ истребленiя и самого его отъ плѣна.

Окруженный немногими Поляками, Самозванецъ къ ночи прискакалъ на раненномъ конѣ въ Сѣвскъ; но, убѣжденный, что Русскiе не замедлятъ подступить къ этому городу, въ ту же ночь бѣжалъ съ остатками своей дружины далѣе, въ Рыльскъ. На другой день пришли туда и Запорожцы; но Самозванецъ назвалъ ихъ предателяли и не впустилъ въ

городъ. »Добрые молодцы« поворотили коней и отправились во-свояси, какъ ни въ чемъ не бывало. Но курени ихъ, собравшіеся изъ разсѣянія, послѣ оставлены Отрепьевымъ на службѣ. Видя потомъ, что не безопасно ему оставаться и въ Рыльскѣ, онъ перешелъ въ пограничный городъ Путивль, надежно укрѣпленный. Но Московская рать не торопилась его преслѣдовать. Тамъ были люди, нежелавшіе гибели Отрепьеву. Разсказываютъ, что даже, во время самого пораженія его войска, воеводы, вѣроятно Шуйскіе, удержали Нѣмецкія дружины отъ преслѣдованія, посылая къ нимъ гонца за гонцомъ, съ приказаніемъ прекратить безполезное кровопролитіе, потому-де, что ужъ »попался куръ во щи«. Какъ бы то ни было, но Отрепьевъ потерялъ подъ Добрыничами почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ и 13 орудій. Кромѣ плѣнныхъ, онъ оставилъ на мѣстѣ 6 тысячъ убитыми (6). Русскіе плѣнные были повѣшены среди войска, а Поляки отправлены въ Москву, вмѣстѣ съ трофеями побѣды и съ вѣстью, что Само-

---

(6) Съ противной стороны пало только 560 человѣкъ. (Петрей, у Арцыбашева кн. V, пр. 530.) Поляки, взятые въ плѣнъ, были: Тишкевичъ, нѣсколько ротмистровъ и шляхты. (Карамз. XI, пр. 287.)

званца нѣтъ на свѣтѣ. Годуновъ былъ въ церкви, когда узналъ объ этомъ. Онъ тотчасъ приказалъ пѣть молебствіе и звонить въ колокола, а вѣстника пожаловалъ окольничимъ. Плѣнниковъ, вмѣстѣ съ знаменами, трубами и барабанами Самозванца, торжественно водили по Москвѣ. Царь отправилъ Добрыничскимъ воеводамъ золотыя медали, 10 тысячъ рублей жалованья войску и писалъ, что ждетъ вѣрныхъ вѣстей о концѣ мятежа. Онъ не смѣлъ вѣрить, что грозный соперникъ болѣе не существуетъ.

Послѣ несчастливой битвы, войско Отрепьева сосредоточилось въ Кромахъ, въ Рыльскѣ и въ Путивлѣ. Считая свое дѣло проиграннымъ, онъ хотѣлъ-было удалиться въ Польшу; но Путивляне, зная, чего имъ должно ожидать изъ Москвы за измѣну, удержали его силою, обѣщая умереть за него до послѣдняго человѣка и грозя, въ случаѣ отказа, выдать его Борису, чтобъ заслужить его прощеніе. Отрепьевъ остался по неволѣ и скоро убѣдился, что отчаяваться еще нечего. Съ одной стороны, пришло къ нему въ Путивль свѣжихъ 4 тысячи Донцовъ, а съ другой, новыя письма, разосланныя имъ во всѣ стороны по Сѣверіи, привлекли къ нему новыя толпы севрюковъ и даже воиновъ изъ царской рати.

Узнавъ, что воеводы Борисовы осадили Рыльскъ,

Отрепьевъ послалъ значительный отрядъ Донцовъ и Сѣверянъ на выручку вѣрнаго ему города. Отрядъ этотъ, наткнувшись вечеромъ на сторожевой царскій полкъ, ударилъ на него стремительно, по тактикѣ Отрепьева, опрокинулъ и погналъ къ городу. Воеводы, услыхавъ отъ бѣглецовъ, что Самозванецъ идетъ съ новыми силами, и боясь бѣшеннаго его нападенія, немедленно отступили отъ города, подъ прикрытіемъ ночной темноты, и удалились въ Комарницкую волость. Тамъ они, вѣроятнно не безъ умысла, занялись, вмѣсто дѣла, казнью жителей, помогавшихъ Отрепьеву. Не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ; всѣхъ безъ разбора вѣшали за ноги на деревьяхъ и стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Эти жестокости довели приверженность Сѣверянъ къ Самозванцу до фанатизма: несчастные переносили муки, славя царевича и считая самую смерть за него торжествомъ; прочіе бѣжали къ мнимому Димитрію и требовали только оружія, чтобъ умереть въ битвѣ съ мучителями.

Между тѣмъ царь, огорченный ложнымъ слухомъ о смерти Отрепьева и бездѣйствіемъ войска, послалъ къ воеводамъ гонца съ *кручиною*, выговаривая имъ, что они, разбивъ Самозванца, до сихъ поръ не поймали его. Это сильно оскорбило бояръ: отношенія ихъ къ Годунову такъ перемѣнились съ началомъ

смутъ, что они считали и то уже заслугою, если до сихъ поръ не измѣнили бывшему своему товарищу. Возвышеніе Басманова и другихъ незнатнаго рода людей, на-перекоръ мѣстничеству, также лежало у нихъ на сердцѣ. Вѣря, или не вѣря Отрепьеву, они готовы были служить лучше храброму пришлецу, нежели старому сопернику, который возвысился надъ ними одними кознями и держится на царствѣ по-средствомъ наемщиковъ. Дворяне, боярскіе дѣти и люди даточные выслушали кручину также съ неудо-вольствіемъ: каждый сознавалъ, что сражался нехо-тя, прятался за другихъ и охотнѣе смотрѣлъ назадъ, нежели впередъ; каждый боялся царскаго гнѣва и думалъ, какъ бы перемѣнить Бориса на Димитрія (7). Всѣ эти мысли были, однакожъ, у воиновъ болѣе въ сердцѣ, нежели на языкѣ. Еще сохранялся наруж-ный видъ вѣрности. Воеводы отписали царю, что отступили въ Комарницкую волость для отдыха, не-обходимаго изнуренному войску, и получили отъ него строгое предписаніе осадить Кромы, гдѣ засѣлъ съ

---

(7) Никон. Лѣт. VIII, 63: »Бояре же и вся рать оскор-бишася, въ рати же стало мнѣніе и ужасть отъ царя Бо-риса; съ тое жъ поры многіе начаша думати, какъ бы царя Бориса избыти, а тому окаянному служити Гришкѣ.«

уцѣлѣвшими отъ битвы при Добрыничахъ Донцами атаманъ Корела.

Осада Кромъ была явнымъ доказательствомъ нерадѣнія воеводъ и всей рати. По словамъ очевидца, они занимались, во время этой осады, дѣлами, достойными одного смѣха. Довольно сказать, что восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, имѣя множество пушекъ, не могли взять земляной крѣпости съ деревяннымъ острогомъ, защищаемой шестью стами Донцовъ и немногими Кромцами. Въ командованіи войскомъ не было никакого порядка: въ одну изъ важныхъ минутъ, когда осаждающіе подъ выстрѣлами взошли на валъ, тайный приверженецъ Отрепьева, Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, самопроизвольно велѣлъ имъ отступить. Послѣ того воеводы не рѣшились на новую попытку взять крѣпость приступомъ и ожидали, чтобъ голодъ заставилъ ее сдаться. Но обложеніе устроено было такъ небрежно, что 500 козаковъ Отрепьева, среди бѣла дня, прошли въ крѣпость и провезли съ собою безъ всякаго препятствія сто возовъ съ съѣстными припасами. Цѣлыя шесть недѣль войско Борисово стояло подъ Кромами, истратило множество огнестрѣльныхъ снарядовъ и ничего не сдѣлало. Въ великій постъ, отъ сырой погоды, по-

явился въ немъ моръ; присланныя изъ Москвы лекарства, съ трудомъ, остановили истребленіе народу.

А Самозванецъ, между тѣмъ, усиливался и, видя вездѣ колебаніе вѣрности къ Борису, писалъ къ нему, чтобъ онъ добровольно отказался отъ неправедно присвоеннаго сана, избралъ любой монастырь для мирнаго окончанія жизни и пощадилъ государство отъ бѣдствій междоусобной войны. Вмѣсто отвѣта, Борисъ прибѣгнулъ, еще разъ, къ средству, оказавшемуся неудачнымъ въ Польшѣ: подослалъ въ Путивль тайныхъ отравителей. То были три монаха, которымъ поручено было передать ядъ слугамъ Отрепьева, тайно сносившимся съ Борисомъ. Монаховъ схватили, и одинъ изъ нихъ купилъ себѣ помилованіе открытіемъ ужасной тайны; два другіе преданы въ жертву разъяреннымъ Путивльцамъ.

Скоро разнеслась вѣсть, что самъ Борисъ умеръ отъ яду, приготовленнаго собственными руками. Извѣстно, что Годуновъ, съ самого вступленія Отрепьева въ Россію, не домогалъ и волочилъ ногу, разбитую параличомъ. 13 апрѣля 1605 года онъ засѣдалъ еще въ думѣ; потомъ принималъ Датскихъ пословъ. Вдругъ полилась у него кровь изъ носу и изъ ушей; онъ грянулся объ полъ, и черезъ два часа его не стало. Онъ едва имѣлъ время *поновиться*, то есть, испов-

даться, пріобщиться и постричься, передъ смертью, въ монахи, какъ было тогда въ обычаѣ.

Такъ внезапно разстался этотъ честолюбецъ съ величіемъ, котораго добивался, не щадя народныхъ и человѣческихъ правъ, и которое было для него источникомъ безчисленныхъ страданій. Предсмертныя минуты его были, можетъ быть, минутами самаго горькаго сожалѣнія о напрасныхъ усиліяхъ и тяжкихъ заботахъ въ лучшую пору жизни. Если бъ онъ умиралъ, вмѣсто Золотой Палаты, въ курной избѣ земледѣльца, тогда бы во сто кратъ ему было легче разставаться съ жизнью и съ дѣтьми: удѣломъ ихъ былъ бы потовой трудъ и мирная покорность своей участи. А теперь, на шаткой высотѣ престола, что ожидаетъ ихъ посреди бояръ, ненавистниковъ племени Годунова, и народа, обаяннаго вымышленнымъ царевичемъ? Борисъ нѣжно любилъ дѣтей своихъ, и въ особенности сына, въ которомъ видѣлъ родоначальника безконечнаго ряда царей, Годуновыхъ; воспитывалъ его съ особенною заботливостью (8), пріучалъ заранѣе къ правленію, лаская называлъ себя его слугою и рабомъ, по одному его слову мило-

---

(3) Доказательствомъ осталась извѣстная карта Россіи, начертанная царевичемъ Ѳеодоромъ.

валъ преступниковъ и исполнялъ всякую просьбу, поданную на его имя, а въ указахъ и грамотахъ писалъ: »Божіею милостію, мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Руссіи Самодержецъ, и сынъ нашъ, Царевичъ Князь Ѳеодоръ всеа Руссіи.« Такъ онъ старался внушить къ сыну любовь, которой самъ не снискалъ у народа, и утвердить за нимъ величіе, пріобрѣтенное неправдою. Все было напрасно!

Москва сильно почувствовала смерть Годунова: мертвому многое прощается, помнятъ одни его достоинства и сожалѣютъ объ утратѣ. Многіе тогда оцѣнили государственныя способности Бориса и плоды его попечительной дѣятельности. Прелесть перемѣны правленія изчезла для сердецъ, при видѣ сильнаго человѣка, павшаго, подобно всякому смертному. Столица мирно присягнула пятнадцатилѣтнему Ѳеодору. Въ присягѣ клялись »не приставать къ вору, который называется княземъ Димитріемъ Угличкимъ«, но уже не называли его Отрепьевымъ: такъ дѣйствія монаха Леонида убѣдили народъ и самое правительство, что Самозванецъ не Отрепьевъ. Къ областнымъ воеводамъ разосланы грамоты, въ которыхъ велѣно каждаго жителя приводить къ присягѣ, такъ, чтобы не осталось ни одного неприсягнувшаго

Но особенное вниманіе обращено новымъ правительствомъ на Кромской станъ: немедленно отозвали подозрительныхъ Шуйскихъ и больного Мстиславскаго въ Москву, подъ предлогомъ, что юный царь нуждается въ мудрыхъ совѣтникахъ. Главнымъ воеводою назначили туда князя Котырева-Ростовскаго, но это для того только, чтобъ не нарушать устава мѣстничества; дѣйствительную же власть надъ войскомъ вручили испытанному въ вѣрности и мужествѣ, Басманову, назначивъ его вторымъ воеводою большого полка. А чтобъ присяга сильнѣе запечатлѣлась въ душахъ воиновъ, отправили, вмѣстѣ съ воеводами, Новгородскаго митрополита, Исидора.

Ничто, однакожъ, не излечило рати отъ обуявшей ее измѣны: войско присягнуло, но, по выраженію современника, соблюдало эту присягу такъ, какъ голодная собака соблюдаетъ постъ. Басмановъ скоро убѣдился, что большая часть начальныхъ людей держитъ сторону Отрепьева, а простые ратники хранятъ видъ послушанія оттого только, что каждый боится первый объявить себя за Димитрія. Тутъ и его вѣрности представилось искушеніе, котораго не въ силахъ былъ онъ побѣдить. Ему должно было выбрать немедленно одно изъ двухъ: или защищать законныя права Ѳеодора, съ немногими прямодуш-

ными людьми и погибнуть съ ними, въ неравной борьбѣ противъ измѣнниковъ, или признать Отрепьева царевичемъ и упрочить для себя навсегда высокую ступень, на которую онъ взошелъ при Годуновѣ. Мужество его не можетъ (такъ думалъ онъ) спасти молодого царя, окруженнаго родовыми врагами; а если бъ и спасло, то неужели родственники царствующаго дома дадутъ ему первенствовать у престола? Гораздо благопріятнѣе для его еще такъ новой знатности будетъ царствованіе безроднаго удальца, снискавшаго, подобно ему, возвышеніе личною храбростью. Можетъ быть, и то приходило Басманову въ голову, что Отрепьевъ все равно воцарится и безъ его содѣйствія; но тогда государство лишится пользы, какую можетъ сдѣлать на высокомъ мѣстѣ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и добрыми намѣреніями. Какъ бы то ни было, но Басмановъ рѣшился на измѣну, низкую во всякомъ случаѣ. Согласясь съ давними врагами Годунова, князьями Іоанномъ и Васильемъ Голицыными, да съ бояриномъ Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, онъ, 7 мая, торжественно объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій Іоанновичъ. Его поддержали, приготовленные заблаговременно къ этой сценѣ, боярскіе дѣти городовъ Рязани, Тулы, Алексина и Каширы;

вслѣдъ за ними загремѣли голоса всего войска: »Да здравствуетъ Димитрій!« Остались вѣрными только главный воевода, князь Котыревъ-Ростовскій, другой князь, Телятевскій, да немногіе дворяне и дѣти боярскіе съ своими дружинами. Ужаснувшись внезапнаго оборота дѣлъ, они поспѣшили уйти въ Москву, оставя въ лагерѣ свои пожитки и казну. Съ ними ушли и иноземные воины, отличавшіеся преданностью царямъ, пока они были живы. Войско, между тѣмъ, присягнуло Димитрію, и князь Иванъ Голицынъ, съ другими сановниками, отправленъ съ вѣстью объ этомъ къ Отрепьеву, въ Путивль.

Пишутъ, что спутники Голицына, увидя новаго царя на тронѣ, узнали въ немъ тогда же Чудовскаго діакона; но имъ нужна была перемѣна правительства, и они ударили челомъ бродягѣ. Торжествующій скиталецъ принялъ ихъ милостиво и величаво, не обнаруживая ни восторга, ни благодарности. На другой день, онъ выступилъ изъ Путивля, въ сопровожденіи Польскихъ своихъ хоругвей и козаковъ Донскихъ, Днѣпровскихъ и Сѣверскихъ. Не доходя до Кромъ, онъ былъ встрѣченъ Басмановымъ и другими воеводами, принялъ ихъ, какъ можно было ожидать, очень милостиво, потомъ, въѣхавши въ Кромской лагерь, великодушно простилъ войско за измѣ-

ну, распустилъ подмосковное ополченіе по домамъ для отдыха, а прочимъ полкамъ велѣлъ идти къ столицѣ и ожидать его у Орла, гдѣ, какъ было слышно, не всѣ признавали его царевичемъ. Выступя, вслѣдъ за толпами войска, въ сопровожденіи своихъ сподвижниковъ, Поляковъ и козаковъ, Отрепьевъ подвигался впередъ медленно, чтобъ дать народу освоиться съ дивною новостью, которую разносили повсюду воины, распущенные во-свояси. Нигдѣ не встрѣчалъ онъ непокорныхъ; жители, единодушно, выражали восторгъ свой, потому что толпа любитъ возвышающихся счастливцевъ и охладѣваетъ къ нимъ только тогда, когда они, достигнувъ своей цѣли, перестаютъ давать новую пищу ея удивленію. Въ самомъ Орлѣ число непокорныхъ было незначительно, ибо въ свѣтѣ мало людей, способныхъ стоять за истину въ виду неминуемой гибели. Обличителей Самозванца тотчасъ перехватали и разослали по темницамъ.

Стоя лагеремъ подъ Орломъ, надъ рѣкой Плавою, Отрепьевъ посылалъ къ Москвичамъ грамоту за грамотою, требуя покорности законному царю, какимъ онъ почиталъ себя. Но посланные не возвращались изъ столицы. Въ Москвѣ было еще много людей, вѣрныхъ присягѣ; гонцовъ Отрепьева ловили и сажали въ темницы. Это, однакожъ, мало помогло правитель-

ству. Въ самомъ его составѣ таились могущественные враги его. Князь Василій Шуйскій, пользовавшійся, какъ мы уже знаемъ, довѣренностью Московскихъ купцовъ, нелюбившихъ Годунова, нашелъ средства увѣрить ихъ, что въ Угличѣ убитъ священническій сынъ, а теперь явился Димитрій истинный (9). Получивъ отъ нихъ обѣщаніе поддержать мнимаго царевича, онъ далъ тайно знать объ этомъ Самозванцу. Отрепьевъ написалъ къ Москвичамъ новую грамоту и отправилъ съ нею Плещеева и Гаврила Пушкина, уже не въ самую столицу, а въ Красное село (10), въ которомъ жили тогда купцы и богатые ремесленники. Красносельцы, выслушавъ грамоту, огласили воздухъ восклицаніями: »Да здравствуетъ царь Димитрій

(9) Шаумъ, *Trag. Dem.-Moscov.* 11: »Простой народъ, неумѣвшій самъ съ собою посовѣтоваться, приступилъ къ... Василью Ивановичу Шуйскому, умолялъ его не утаить правды, точно ли онъ похоронилъ Димитрія, законнаго сына Іоанна Васильевича, яко бы въ Угличѣ убитаго. Тогда Шуйскій.... показалъ, что Димитрій спасся отъ поисковъ Бориса, а вмѣсто его убитъ сынъ одного священника и погребенъ по великокняжески, и что теперь явился настоящій Димитрій.« (См. также Петрея, котораго сочиненіемъ, какъ видно, Шаумъ руководствовался).

(10) Теперь оно составляетъ одну изъ частей Москвы.

Іоанновичь!« и повели Плещеева и Пушкина въ самую столицу.

Узнавъ объ этомъ, правительство послало отрядъ войска схватить клевретовъ Самозванца, но, видно, Красносельцы заблаговременно припасли себѣ оружіе, или, еще вѣроятнѣе, отрядъ былъ выбранъ по волѣ Шуйскаго. Заслышавъ издали буйные клики мятежниковъ, онъ, въ истинномъ, или притворномъ ужасѣ, прибѣжалъ обратно. Толпа, между тѣмъ, увеличивалась безпрестанно; къ ней пристава́ли воины, боявшіеся за свою оплошность смерти, пристава́ли жильцы Московскіе и праздныя ватаги нищихъ, размноженныхъ въ столицѣ самимъ же Годуновымъ и готовыхъ возводить на царство ежедневно новаго царя, хоть бы для того только, чтобъ поживиться разсыпаемыми, во время торжества, деньгами и всенароднымъ угощеніемъ. Когда толпа достигла лобнаго мѣста, гдѣ съ возвышенія обыкновенно обнародывались важныя государственныя событія, и когда прочтена была во всеуслышаніе грамота мнимаго Димитрія, — ни одинъ голосъ не раздался противъ него. Всѣ восклицали хоромъ: »Да здравствуетъ Димитрій! Мы были во тмѣ кромѣшной; красное солнце наше восходитъ!«.

Напрасно патріархъ Іовъ посылалъ бояръ унять буйныя возгласы черни и вразумить ее въ истину:

бояре, одни отъ страха, другіе изъ лукавства, говорили какъ не своимъ языкомъ и распорядились такъ, что даже ворота въ Кремль не были заперты. Толпа ворвалась во дворецъ, овладѣла царемъ, матерью, сестрою его и заперла ихъ въ прежнемъ Борисовомъ домѣ подъ крѣпкою стражею. Родственниковъ царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, также схватили и, раздѣвъ донага, отправили въ навозныхъ телегахъ въ загородныя темницы. Нищая чернь, обрадовавшись безначалію, разломала домы несчастныхъ узниковъ, а холопи ихъ и крѣпостные крестьяне разграбили господскія помѣстья.

Тутъ снова выступаетъ на сцену гордый и мстительный воспитанникъ правленія Іоанна IV, Богданъ Бѣльскій, возвращенный, можетъ быть, по совѣту Шуйскихъ, изъ ссылки послѣ смерти Бориса Годунова. Называясь воспитателемъ новаго царя, онъ властвовалъ теперь надъ умами черни и направилъ ея злобу и жадность на домы Нѣмецкихъ врачей, которыхъ ненавидѣлъ смертельно за выщипанную Шотландцемъ Габріелемъ бороду. Толпы черни бросились на беззащитные домы Нѣмцевъ, опустошили погреба ихъ и разграбили все, что нашли въ домахъ, гдѣ, кромѣ ихъ собственности, хранились пожитки постороннихъ лю-

дей, вывезенные, для безопасности, въ это смутное время изъ помѣстьевъ.

Народъ, присягнувъ на имя царя Димитрія Іоанновича, отправилъ къ нему съ повинною князя Телятевскаго, который бѣжалъ изъ-подъ Кромъ, князя Ивана Михайловича Воротынскаго и другихъ депутатовъ. Депутаты нашли его уже въ Тулѣ, и новый царь, окруженный буйною толпою чванливой шляхты и грубыхъ козаковъ, показался имъ счастливымъ атаманомъ разбойниковъ. На первыхъ порахъ, все въ его Тульскомъ дворцѣ представляло видъ разграбленнаго каравана. Туда Донцы пригнали ему въ даръ табунъ степныхъ коней своихъ, Астраханцы прислали Турецкія ткани и Персидскіе ковры, иноземные купцы, торговавшіе въ Россіи, тюки съ дорогими сукнами и бархатомъ, Москвичи — серебрянную посуду, богатыя одежды и драгоцѣнности. Царь позвалъ къ рукѣ сперва Донцовъ, а потомъ уже представителей столицы. Когда они приблизились къ престолу, окруженному смуглыми и надменными лицами соратниковъ счастливаго удальца, онъ встрѣтилъ ихъ грозною рѣчью за долгое сопротивленіе законному царю. Присутствовавшіе при аудіенціи козаки, бывшіе холопи и крестьяне, съ своей стороны, подкрѣпили его выговоръ самою грубою бранью. Димитрію, по-видимому, нравилось такое униженіе вы-

сокаго сана депутатовъ Москвы: онъ мстилъ боярамъ за униженіе, которое претерпѣлъ, добиваясь престола, и допустилъ козаковъ до такого неистовства, что они едва не убили до смерти князя Телятевскаго за бывшее усердіе его къ Годунову.

Это было время гнусныхъ злодѣйствъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ государственный переворотъ, совершаемый по разсчету эгоистовъ. Мало было для бояръ лишить царя престола. Они знали самозванство Димитрія лучше кого бы то ни было, знали, что существуютъ безчисленные уличители невольнаго обманщика, предвидѣли, даже, можетъ быть, обдумывали уже его паденіе и боялись, чтобъ тогда сынъ царя Бориса не былъ возведенъ народомъ снова на поколебанный престолъ. Итакъ смерть Ѳеодора была для нихъ необходима. Что касается до Димитрія, который воображалъ себя сыномъ Іоанна Грознаго, то не такого былъ онъ характера, чтобы бояться совмѣстничества своего подданнаго, какимъ онъ почиталъ Ѳеодора Годунова. Еще до прибытія въ Тулу Московскихъ депутатовъ, онъ отправилъ Голицына, Рубца-Мосальскаго и дьяка Сутупова для приведенія въ порядокъ взволнованной бунтомъ столицы, а Басманова съ войскомъ для поддержанія ихъ распоряженій силою; но ничто не доказываетъ, чтобъ эти сановники

имѣли отъ него порученіе истребить Годуновыхъ (11). Если бъ это было такъ, то они постарались бы немедленно исполнить волю новаго царя. Напротивъ, Голицынъ и другіе прожили въ Москвѣ болѣе недѣли, лишили Іова патріаршаго сана и съ безчестіемъ заточили въ Старицкій монастырь, родственниковъ царя Бориса разослали по тюрьмамъ и нѣкоторыхъ тайно удавили; но низверженнаго царя еще не рѣшались коснуться; наконецъ, видно, такъ же какъ и объ Угличскомъ царевичѣ, »совѣтомъ начальнѣйшихъ людей«, положено было умертвить Ѳеодора и его мать, оставить въ живыхъ только Ксенію, на имя которой не было присяги. Для совершенія цареубійства, всегда ужаснаго для ума мыслящаго, Голицынъ и Рубецъ-Мосальскій выбрали двухъ чиновниковъ, Молчанова и Шерефединова, да трехъ стрѣльцовъ, закоренѣлыхъ въ злодѣяніяхъ, и вошли съ ними въ домъ, гдѣ беззащитныя си-

---

(11) Сказано въ Розрядной книгѣ (у Карамз. XI, пр. 342), что Лжедимитрій »велѣлъ цареву Борисову жену и сына ея убить«; но кто и когда писалъ эту книгу? Неужели боярамъ и дьякамъ надо было написать въ ней свою исповѣдь? Тоже потверждено и въ Никон. Лѣт. VIII, 68; но смѣлъ ли лѣтописецъ, если бъ и зналъ истину, изобличить бояръ въ цареубійствѣ? Гораздо безопаснѣе было сложить вину на мертваго Отрепьева.

роты, у груди матери, ожидали вѣроятной смерти. Несчастныхъ развели по разнымъ комнатамъ. Царицу Марію задушили немедленно, но шестнадцатилѣтній Ѳеодоръ, одаренный силою не по возрасту, долго боролся съ четырмя убійцами; наконецъ одинъ изъ нихъ лишилъ его жизни самымъ отвратительнымъ образомъ. Если бъ это убійство было произведено по приказу Димитрія, не нужно было бы таить ее передъ народомъ: царь, небоявшійся предать публичному поруганію представителей столицы, уже ли побоялся бы казнить похитителей престола? Бояре могли бы прямо объявить, что измѣнники казнены по указу государеву, и никто бы не назвалъ воли царской беззаконною. Но дѣло въ томъ, что нужно было увѣрить сперва народъ, а потомъ и самого царя, что Годуновы, съ отчаянья, приняли ядъ. Итакъ выставлены были на общее позорище тѣла замученныхъ: народъ видѣлъ на нихъ явные знаки удавленія, толковалъ объ этомъ то и другое, да боярамъ мало было до этого дѣла: они однимъ ударомъ извлекли для себя двѣ выгоды — обезопасили себя на будущее время и внушили народу первое невыгодное для Самозванца впечатлѣніе. Димитрій, между тѣмъ, ничего еще не зналъ: убійство совершено было 10 іюня, а онъ 11-го писалъ грамоты къ областнымъ начальникамъ о своемъ воцареніи и

въ условіяхъ присяги заставлялъ обѣщать *не сноситься съ измѣнниками, Ѳедькою, Борисовымъ сыномъ, Годуновымъ и его матерью.* Усердіе раболѣпныхъ бояръ къ новому властителю и ненависть къ старому не пощадили даже праха того, передъ кѣмъ, еще такъ недавно, они изгибались: вырыли тѣло Бориса изъ царской могилы, положили въ деревяный гробъ и погребли, запросто, вмѣстѣ съ женой и сыномъ, при убогомъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, на Устрѣтенской улицѣ.

Грустно подумать, что въ это время беззаконія, какъ-будто не было доблестныхъ людей въ Россіи: такъ все благородное было подавлено большинствомъ кромѣшниковъ и страхомъ безполезной гибели.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Первыя распоряженія новаго царя. — Басмановъ и родовитые бояре. — Вступленіе Димитрія въ Москву. — Образованіе совѣта. — Милости опальнымъ Борисова времени. — Пощада Годуновыхъ. — Новый патріархъ. — Царица Марѳа. — Вѣнчаніе. — Правительственная дѣятельность Димитрія. — Отпускъ иноземной дружины. — Отступленія отъ Русскихъ обычаевъ. — Образъ жизни Димитрія. — Внушенія бояръ народу. — Неудовольствія. — Василій Шуйскій. — Новыя обличенія. — Иноземные тѣлохранители.

Не выѣзжая еще изъ Тулы, Димитрій началъ державствовать, и первая грамота, разосланная по государству, была о прекращеніи мятежей, которые тогда кипѣли повсюду, въ низшихъ сословіяхъ, противъ помѣщиковъ и законныхъ властей. Новый царь накрѣпко приказывалъ, »чтобъ не было въ людяхъ шатости, убійства и грабежу«, а кто на кого имѣетъ неудовольствіе, то писалъ бы къ нему. Такъ, возвысясь на пре-

столъ посредствомъ вражды черни къ высшимъ сословіямъ, Димитрій не хотѣлъ, однакожъ, терпѣть ея самоуправства. Въ то же время онъ заботился уже и о государственномъ богатствѣ. Зная, что все въ Россіи, такъ сказать, сдвинулось съ своего мѣста, онъ опасался, чтобъ черныя и другія земли не уклонились отъ податей, а казначеи не утаили старыхъ суммъ, подъ шумъ и треволненіе государства, и потому строго повелѣвалъ не выпускать изъ казны денегъ, беречь ихъ крѣпко и собирать подати безъ всякой отсрочки и послабленія. Посреди суматохи первыхъ дней, когда толпы за толпами приходили въ Тулу изъ окрестныхъ городовъ и селъ видѣть сына Іоанна Грознаго, когда вельможи пріѣзжали изъ Москвы бить ему челомъ и, одинъ передъ другимъ, выказаться съ вѣрноподданостью, когда гонцы скакали съ грамотами и наказами во всѣ концы Россіи и обратно, Димитрій не упустилъ также изъ виду и политико-торговыхъ интересовъ своего царства. Узнавъ, что посолъ Англійскаго короля Іакова, Ѳома Смитъ, и агентъ по торговлѣ, Джонъ Меррикъ, возвращаются на Архангельскъ въ отечество, онъ велѣлъ возвратить ихъ, взять у нихъ грамоты Борисовы и обѣщать, своимъ именемъ, заключеніе дружественнаго союза съ королемъ Іако-

вомъ и новыя торговыя выгоды въ Россіи для Англійскихъ купцовъ.

Устроивъ дѣла, нетерпѣвшія отлагательства, новый царь двинулся, наконецъ, къ Москвѣ, но не спѣшилъ вступать въ нее. Басмановъ, вошедшій, послѣ Кромской измѣны, въ кругъ сановныхъ крамольниковъ, не могъ не замѣтить, что Димитрій былъ для нихъ только орудіе къ низверженію Годуновыхъ и что въ душахъ ихъ кроется замыселъ погубить его при первой возможности. Для родовитыхъ бояръ и князей это было выгодно: однимъ тогда очистилось бы право на престолъ, другимъ представились бы новыя средства къ возвышенію; но для Басманова низверженіе Самозванца не представляло никакой пользы, и потому онъ рѣшился быть вѣрнымъ новому царю и защищать его отъ зависти аристократовъ. По его-то донесеніямъ, Отрепьевъ не вступилъ прямо въ столицу и простоялъ у села Коломенскаго, на лугахъ Москвы-рѣки, два дня (1), пока получилъ отъ него вѣрныя извѣстія, что

---

(1) Карамзинъ говоритъ (т. XI, стр. 122), что Самозванецъ расположился станомъ, на лугахъ Москвы-рѣки, 16 іюня, но этого числа нѣтъ въ источникахъ, на которые онъ ссылается въ примѣчаніи 356. По Карамзину, Отрепьевъ простоялъ четыре дня передъ Москвою, а Беръ именно говоритъ, на 59 стр.: »Здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ.«

явной измѣны нигдѣ не замѣтно. Туда явились къ нему Московскіе граждане съ хлѣбомъ-солью и дарами, а потомъ вельможи и власти (2) съ царскою утварью изъ Кремлевской казны, явились также и начальники Нѣмецкой дружины съ просьбою не гнѣваться на нихъ за дѣло подъ Добрыничами, гдѣ они сперва дали ему сильный отпоръ, а потомъ безпощадно разили его войска на побѣгѣ. Вмѣсто гнѣва, новый царь принялъ ихъ чрезвычайно ласково, хвалилъ ихъ мужество и вѣрность къ прежнему царю, надѣялся и себѣ отъ нихъ того жъ усердія и сказалъ, что вѣритъ имъ больше, нежели своимъ Русскимъ. Потомъ спросилъ: »Кто былъ знаменоносцемъ въ Добрынской битвѣ?« и когда этотъ выступилъ впередъ, Димитрій, потрепавъ его по щекѣ и по груди, сказалъ: »Сохрани насъ, Боже, отъ зла!«

Наконецъ, 20 іюня, Димитрій вступилъ въ Москву. Лѣтній день сіялъ во всей красѣ. Столица представляла зрѣлище шумной радости; улицы, заборы, кровли домовъ, башни и колокольни покрыты были народомъ, какъ роями пчелъ; яркіе цвѣта праздничныхъ одеждъ

(2) Подъ именемъ властей, въ современныхъ писаніяхъ, разумѣются архіереи и знатнѣйшіе архимандриты. См. Арцыбашева, кн. V, пр. 579.

дѣлали видъ этотъ великолѣпнымъ. И вездѣ раздавалось имя Димитрія, который ѣхалъ медленно, на бѣломъ конѣ, въ царской одеждѣ, въ драгоцѣнномъ ожерельѣ. Вокругъ него — 60 бояръ и князей, передъ нимъ — стройныя дружины Поляковъ, въ полномъ вооруженіи, съ трубами и литаврами, за нимъ — рядыиностранцевъ, козаковъ и стрѣльцовъ. Вездѣ Москвичи падали передъ нимъ ницъ и восклицали: »Здравствуй, отецъ нашъ! государь и великій князь Всероссійскій! даруй тебѣ, Боже, многія лѣта! да осѣнитъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя въ семъ мірѣ! Ты наше солнце красное!« Димитрій, ознакомясь съ обычаями Польскаго дворянства, не любилъ Восточныхъ поклоненій, хоть и радовался выраженію любви народной. Онъ отвѣчалъ на привѣты привѣтами и велѣлъ вставать простертымъ на землѣ подданнымъ, и молиться за него Богу. Но, не смотря на видимый восторгъ Москвы, впереди всего поѣзда ѣхалъ отрядъ хорошо вооруженныхъ трубачей и литаврщиковъ для развѣдыванья, не таится ли гдѣ измѣна. Гонцы скакали, изъ улицы въ улицу и возвращались къ царю съ успокоительными донесеніями. Случилось, однакожъ, нѣчто непріятное: когда Димитрій взъѣхалъ на площадь черезъ живой мостъ и Москворѣцкія ворота, вдругъ поднялся такой

страшный вихрь, что всадники и кони чуть не попадали. Пыль взвилась столбомъ и на нѣсколько минутъ всѣхъ ослѣпила. Москвичи ужаснулись и, творя крестныя знаменія, говорили другъ другу: »Господи, спаси насъ! быть бѣдѣ и несчастію!«

На лобномъ мѣстѣ ожидало царя духовенство съ крестами и хоругвьями. Поѣздъ остановился. Димитрій сошелъ съ коня и подошелъ ко крестамъ. Здѣсь Благовѣщенскій протопопъ, Терентій, произнесъ къ нему рѣчь, униженно моля о пощадѣ народа, который былъ во тмѣ и теперь только увидѣлъ свѣтъ, уподобляя царя Богу и прося не слушать людей, подвигающихъ его на гнѣвъ »неподобными« слухами. Потомъ пѣли молебствіе; и въ то время, какъ Русскіе, въ благоговѣйномъ молчаніи, внимали церковному клиру, Поляки продолжали играть въ трубы и въ бубны. Димитрій не унялъ ихъ, по разсѣянности ли, среди новой для него роли, по вольнодумству ли и пристрастію къ иноземнымъ обычаямъ, но только это обстоятельство, на которое горько жалуются набожные лѣтописцы, зачлось ему, въ умахъ народа, на черный день его. Еще сильнѣе оскорблено было православное чувство Русское, когда, вслѣдъ за царемъ, вошли въ Успенскій и Архангельскій соборъ »поганые католики и Люторы«, не знаменуясь крестомъ, не покланяясь

образамъ, на все глядя безъ благоговѣнія, съ гордымъ и насмѣшливымъ видомъ. Народъ, однакожъ, тронутъ былъ искреннымъ чувствомъ, съ какимъ Димитрій палъ на гробъ своего мнимаго отца, Іоанна Грознаго, плакалъ и вспоминалъ свое сиротство и гоненія.

Изъ храмовъ новый царь отправился во дворецъ, гдѣ нѣкогда, стоя въ толпѣ дворянъ боярскихъ, завидовалъ блеску и величію Годунова и простодушно отгадывалъ, гдѣ скитается царевичъ Димитрій. Теперь онъ, чудной игрой обстоятельствъ, самъ очутился на сценѣ, прежде доступной только удивленію его, но былъ ли оттого счастливѣе, неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, на пиру краснорѣчіе его лилось потокомъ. Этимъ даромъ онъ былъ похожъ на мнимаго отца своего, любившаго витійствовать и на духовныхъ соборахъ, и въ верховной думѣ, и въ перепискѣ съ своимъ безпощаднымъ судьею, Курбскимъ. Много было у новаго царя предметовъ для застольной бесѣды. Онъ говорилъ о недавнихъ своихъ сраженіяхъ, описывалъ ихъ съ увлекательною живостью, приводилъ для сравненія примѣры изъ исторіи разныхъ народовъ, вспоминалъ приключенія скитальческой своей жизни; но осторожно избѣгалъ намековъ на свое монашество. При всей вѣрѣ въ царственное свое про-

исхожденіе, онъ зналъ, что для Русскихъ тяжело было бы видѣть на престолѣ растригу, хоть бы и сына царскаго. Постриженіе въ монахи уничтожало у нихъ право царствовать. Эта осторожность была необходима, потому что, во время шествія, многіе узнали въ царѣ Чудовскаго монаха.

По окончаніи шествія, сочтено за нужное выслать къ народу на лобное мѣсто Богдана Бѣльскаго съ окончательнымъ увѣреніемъ, что царь — истинный сынъ Іоанна Грознаго. Засвидѣтельствовавъ это, какъ человѣкъ, которому былъ порученъ надзоръ за младенцемъ Димитріемъ и который потому болѣе всякаго другого могъ узнать истину, Бѣльскій славилъ Бога за спасеніе царя и убѣждалъ Москвичей быть вѣрными сыну Іоанна Васильевича; потомъ снялъ съ груди крестъ, съ изображеніемъ Чудотворца Николая, поцѣловалъ его и воскликнулъ: »Храните и чтите своего государя!« Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ: »Богъ да сохранитъ царя и погубитъ всѣхъ враговъ его!«

Новый царь немедленно приступилъ къ устройству двора своего, подражая въ названіяхъ сановниковъ обычаямъ двора Польскаго: появились въ Россіи великій дворецкій, великій оружничій, великій мечникъ, надворный подскарбій и прочая. Совѣтъ его составили

четыре разряда сановниковъ: сановники духовные, бояре, окольничіе и думные дворяне. Въ размѣщеніи вельможъ по степенямъ Димитрій придерживался родовой знатности, однакожъ возвелъ дьяковъ Василія Щелкалова и Аѳонасія Власьева въ санъ окольничихъ, недоступный прежде для людей канцелярскихъ. Тутъ кстати упомянуть, что Василій Щелкаловъ, сдѣланный, по смерти брата своего Андрея (около 1595 года), печатникомъ, впалъ при Борисѣ въ немилость и удаленъ отъ дѣлъ. На немъ лежало тяжкое подозрѣніе Годунова въ содѣйствіи Отрепьеву, и самъ Отрепьевъ подтвердилъ справедливость темныхъ догадокъ его, когда называлъ, за границею, дьяковъ Щелкаловыхъ въ числѣ тайныхъ своихъ покровителей. Теперь онъ возвратилъ его изъ опалы и пожаловалъ саномъ, выше котораго не въ состояніи былъ ничего дать ему.

Политика, а можетъ быть, и иныя побужденія заставили его оказать милости и всѣмъ другимъ опальнымъ Борисова времени. Возвращены изъ ссылки и оставшіеся въ живыхъ Романовы. Монахъ Филаретъ, возведенный, еще по приказанію Годунова, въ архимандриты, сдѣланъ теперь Ростовскимъ митрополитомъ; сынъ его Михаилъ, будущій царь, поселился съ матерью въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Ко-

стромы, а братъ, Иванъ Никитичь Романовъ, получилъ мѣсто въ царскомъ совѣтѣ. Призваны ко двору и царь Касимовскій, Симеонъ: сыну Іоанна Грознаго не страшны были права его на престолъ, какъ боярину Годунову. Что касается до мнимыхъ родственниковъ новаго царя, Нагихъ, то не только живые, Михайло и Григорій Ѳедоровичи, Михайло и Аѳанасій Александровичи, извлечены изъ темницъ и получили мѣста въ царскомъ совѣтѣ, но и мертвымъ воздана почесть: тѣла ихъ перевезли изъ дальнихъ пустынь въ Москву и погребли съ почетомъ, рядомъ съ предковскими гробами. Даже Годуновы пощажены отъ опалы; имъ роздали воеводскія мѣста въ Сибири и въ другихъ отдаленныхъ областяхъ: царь велъ себя великодушно, не унижаясь до преслѣдованія падшихъ. Новое доказательство, что умерщвленіе Ѳеодора и его матери было не его дѣло.

На четвертый день по пріѣздѣ въ Москву, Димитрій поставилъ новаго патріарха, на мѣсто сверженнаго Іова. Ему нужно было покорное орудіе въ замышляемыхъ имъ преобразованіяхъ, а онъ зналъ, что Русскіе святители строго держатся преданій старины, противясь всѣми зависящими отъ нихъ средствами каждому нововведенію, и потому избралъ въ патріархи Всероссійскіе Грека, Игнатія. Этотъ архіерей,

спасаясь отъ гоненія Турковъ, бѣжалъ изъ отечества въ Римъ и жилъ тамъ нѣсколько времени; потомъ, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, пріѣхалъ въ Россію, умѣлъ понравиться Годунову и поставленъ, въ 1603 году, Рязанскимъ архіепископомъ. Игнатій встрѣтилъ Димитрія въ Тулѣ, какъ сына Іоанна Грознаго. Димитрій замѣтилъ въ немъ свободу мыслей, касательно уставовъ Церкви, и поспѣшилъ возвести его въ санъ патріарха, торопясь освятить свою власть царскимъ вѣнчаніемъ.

Къ этому важному дѣлу нельзя, однакожъ, было приступить безъ послѣдняго и самаго главнаго доказательства, что царь есть сынъ Іоанна Грознаго. Еще жива была царица Марѳа, мать Угличскаго Димитрія. Послѣ безполезнаго допроса, сдѣланнаго ей Годуновымъ, она жила въ пятистахъ верстахъ отъ Москвы, въ Выксинскомъ монастырѣ. Какъ добрый сынъ, Димитрій немедленно вызвалъ бы ее въ столицу и возвратилъ бы ей царскія почести; но это было опасно для его совѣтниковъ, которые знали о его самозванствѣ и боялись погибнуть, вмѣстѣ съ нимъ, если бы Марѳа отреклась отъ него всенародно. Страшая, можетъ быть, самого царя ея щекотливостью касательно монашескаго обѣта, уничтожающаго право престолонаслѣдія, они удерживали его цѣлый мѣсяцъ отъ вызова

ее въ столицу и употребили это время на тайныя сношенія съ опасною монахинею, которой предоставлено было на выборъ — или притворство и царскія почести, или истина и насильственная смерть. Къ Мареѣ, во все это время, не допускали никакихъ людей, которые могли бы подкрѣплять ея твердость и вредить убѣжденіямъ совѣтниковъ Димитрія (3); а когда, наконецъ, она согласилась дѣйствовать за-одно съ начальными людьми, посланъ былъ за нею одинъ изъ Шуйскихъ, именно князь Михаилъ Васильевичь, прозванный Скопинымъ: ни на кого другого придворные крамольники не смѣли положиться въ дѣлѣ, требующемъ величайшей осторожности и ловкости.

Іюля 18, Мареа приблизилась къ Москвѣ. Димитрій встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. Народъ нетерпѣливо ожидалъ свиданія царя съ матерью: тутъ долж-

---

(3) По смерти Лжедимитрія, Мареа, по волѣ царя Василія Шуйскаго, говоритъ въ грамотахъ: »И онъ, вѣдая свое воровство, по насъ не посылалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобы къ намъ никто не приходилъ, и съ нами бъ объ немъ никто не разговаривалъ.... и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ.« *(Собр. Гос. Гр.* и *Д.* II, № 146.)

но было разсѣяться и послѣднѣе сомнѣніе, что онъ — истинный сынъ Грознаго. И надо отдать справедливость смышлености бояръ: они, употребя предварительно всѣ мѣры предосторожности, въ эту важную минуту не побоялись допустить свиданіе въ-явь предъ всѣми зрителями (4). Увѣренный въ своей царствен-

---

(4) Маржеретъ, 87: »Онъ встрѣтилъ ее за версту отъ города; поговоривъ съ сыномъ около четверти часа, въ присутствіи всѣхъ вельможъ и гражданъ, она сѣла въ колесницу«, и пр. — Беръ, 61: »Увидѣвъ другъ друга, они обнялись, изъявляя радость неописанную. Старая царица весьма искусно представляла нѣжную мать, хотя на душѣ у нея было совсѣмъ другое.... Димитрій пѣшкомъ провожалъ ея карету.« — Паэрле, 34: »Царь встрѣтилъ ее пышно, со многими князьями, воеводами и боярами, почти на полчаса пути отъ города: тамъ онъ слѣзъ съ коня. Мать и сынъ увидѣли другъ друга съ такою радостью, что не только они, но и многіе изъ присутствовавшихъ при свиданіи ихъ, плакали отъ умиленія. Димитрій проводилъ ее до дворца.« Изъ этихъ выписокъ видно, что ни Беръ, ни Маржеретъ, которые могли быть свидѣтелями этого свиданія, ни Паэрле, любящій описывать всѣ принадлежности церемоній, не упоминаютъ о шатрѣ, въ которомъ, по словамъ грамоты Шуйскаго, отъ лица Маѳы *(Собр. Гос. Гр. и Д.* II, № 146) и записки объ отвѣтахъ Польскихъ пословъ (Карамз. XI, пр. 383), будто бы Отрепьевъ видѣлся наединѣ съ Маѳою и »претилъ ей смертнымъ убивствомъ, чтобъ его не обличати.« Слишкомъ былъ бы онъ простъ,

ности, Димитрій, едва завидѣлъ мнимую мать свою, соскочилъ съ коня, прошелъ нѣсколько шаговъ пѣшкомъ и со слезами бросился къ ней на шею. Марѳа, прижимая его къ груди своей, также плакала, можетъ быть отъ притворства, а можетъ быть и отъ горькой мысли, что сынъ ея въ могилѣ, а его царство досталось темному бродягѣ! Какъ бы то ни было, свиданіе мнимаго царевича съ матерью, послѣ столькихъ приключеній, страшныхъ и таинственныхъ, растрогало зрителей до слезъ, и многіе готовы были присягнуть, что онъ истинный сынъ царицы Марѳы. Послѣ короткаго разговора, состоявшаго изъ радостныхъ восклицаній и нѣжныхъ ласокъ, царица сѣла въ карету, а Димитрій пошелъ подлѣ нея пѣшкомъ, съ открытою головою; бояре также не садились на коней и провожали царицу-мать, съ открытыми головами, до самаго дворца. Но тамъ жила она лишь нѣсколько дней, пока отдѣлали для нея комнаты въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Такъ и для царской матери непреложенъ былъ иноческій обѣтъ, отчуждающій человѣка отъ блеска и величія мірского. Понят-

---

если бъ, зная обманъ свой, выбралъ такое время и мѣсто для прещенія!

но, почему Димитрій долженъ былъ скрывать свое монашество и увѣрять народъ, что воспитывался въ Бѣлоруссіи (5). Помѣстивъ мнимую мать свою въ монастырѣ, Димитрій все-таки не могъ ввѣриться ея скромности, касательно этого обстоятельства, и по совѣту бояръ, имѣвшихъ опасенія гораздо важнѣйшія, окружилъ ее преданными себѣ людьми, которые берегли накрѣпко, чтобъ никто изъ постороннихъ не разговаривалъ съ царицею о ея сынѣ безъ свидѣтелей (6). Самъ онъ посѣщалъ ее каждый день и оказывалъ ей самую нѣжную почтительность. Наконецъ, іюля 21, совершилось и послѣднее утвержденіе Димитрія на пре-

---

(5) Беръ, 49: »Димитрій объявилъ подробно (въ разосланныхъ изъ Путивля по Россіи грамотахъ), сколько ему было лѣтъ, когда хотѣли его умертвить, кто замышлялъ на жизнь его, кто былъ его спасителемъ, крестнымъ отцомъ, какъ воспитывали его въ Бѣлоруссіи, какъ помогали ему Польскіе вельможи и какимъ образомъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ пріѣзжалъ съ Польскимъ посломъ, великимъ канцлеромъ Сапѣгою, въ Москву, гдѣ видѣлъ на прародительскомъ престолѣ злодѣя своего, Бориса.«

(6) *Собр. Гос. Гр.* и *Д.* II, № 146: »Посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ потому жъ своихъ совѣтниковъ и остерегати того велѣлъ на-крѣпко, чтобъ его воровство было не явно.«

столѣ: онъ былъ вѣнчанъ на царство патріархомъ Игнатіемъ, въ Успенскомъ соборѣ. Димитрій принялъ корону, скипетръ и державу съ величавымъ спокойствіемъ, какъ законное свое достояніе; даже пышность обрядовъ при вѣнчаніи была имъ уменьшена, только дорогу отъ дворца до церкви устлали по красному сукну Персидскою парчою да, по выходѣ изъ собора, разсыпали народу небольшія золотыя монеты, вычеканенныя на память этого торжества.

Съ самого вступленія своего въ Москву, онъ дѣятельно занимался дѣлами правленія. Постоянно, въ каждую среду и субботу, принималъ самъ на красномъ крыльцѣ челобитныя; ежедневно присутствовалъ въ совѣтѣ; въ облегченіе бѣдняковъ, изнуряемыхъ долговременными тяжбами, побуждалъ приказы рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ, а для прекращенія дороговизны, какъ Русскимъ, такъ и иноземцамъ, далъ свободу торговли и промышленности. Онъ былъ милосердъ до слабости и щедръ до расточительности. Во время скитальческой жизни, глядя на страданія народа отъ подозрительности Борисовой и отъ кабальныхъ притѣсненій, онъ далъ обѣтъ Богу, когда сдѣлается царемъ, не проливать Христіянской крови. Теперь онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что есть два средства удержать подданныхъ въ повиновеніи:

одно — держать ихъ въ грозѣ и страхѣ, а другое — привлекать ихъ щедрыми наградами, и что онъ избралъ послѣднее. На этомъ основаніи, онъ потвердилъ духовенству старыя льготныя грамоты и далъ новыя, велѣлъ заплатить всѣ суммы, взятыя при Грозномъ у людей разнаго званія, въ видѣ государственнаго займа, и удвоилъ жалованье служилымъ людямъ. Но особенно озаботился Димитрій тѣмъ сословіемъ, на которомъ преимущественно основывается матеріальная сила и богатство государства. Кратковременность его царствованія не позволила ему распутать узлы, затянутые Борисомъ, однакожъ начало было сдѣлано. Во-первыхъ, ограничено было право высшихъ сословій брать служилыя кабалы, такъ, чтобы бѣднякъ, тѣснимый нуждою, не могъ закабалить себя разомъ отцу и сыну, дядѣ и племяннику, старшему и меньшему брату вмѣстѣ, но только одному изъ родственниковъ (7).

---

(7) *Акты Истор.* II, № 63: »Приговорили бояре: которые дѣти боярскіе и приказные люди учнутъ имати на людей кабалы, а въ кабалахъ напишутъ: занялъ у него да у сына его денги и кабалу имъ на себя даетъ, — и тѣхъ кабалъ, отцу съ сыномъ, писати и въ книги записывати не велѣти, а велѣти писати кабалы порознь, отцу опроченная кабала, а сыну опроченная кабала, и сыну съ отцомъ, и брату съ братомъ, и дядѣ съ племянникомъ, на

Во-вторыхъ, освобождены были отъ преслѣдованій помѣщичьихъ крестьяне, перебѣжавшіе во время голода къ другимъ землевладѣльцамъ для прокормленія, а холопи, закрѣпощенные насильно, получили право возвращать свою вольность. Но возстановить по-прежнему Юрьевъ день было невозможно: начались бы новыя замѣшательства, безпорядки и безконечныя расправы между слабымъ и сильнымъ, какъ было при Борисѣ; а новому царю нуженъ былъ повсемѣстный миръ, для утвержденія на престолѣ. Притомъ же онъ замышлялъ войну противъ Турковъ и нуждался въ ратномъ сословіи: если бъ разрѣшить крестьянамъ вольный переходъ изъ помѣстья въ помѣстье, вся земледѣльческая часть народонаселенія пришла бы въ движеніе, и тогда наборъ даточныхъ людей былъ бы очень затруднителенъ: многіе землевладѣльцы могли бы не явиться въ войско подъ предлогомъ опустѣнія помѣстій, покинутыхъ крестьянами. Волею и неволею,

---

людей кабалъ писати и въ книги записывати не велѣти. А которые люди, отецъ съ сыномъ, или братъ съ братомъ, на которыхъ людей, по служилымъ кабаламъ, учнутъ холопьства искати, — и тѣмъ истцомъ, по тѣмъ кабаламъ, отказывати; а тѣхъ людей, на кого они кабалы положатъ, освободити отъ нихъ на волю.«

Димитрій долженъ былъ отложить уничтоженіе Борисова закона до преобразованія военныхъ силъ государства.

Итакъ въ дѣлахъ правленія все шло съ обновленною силою. Сознавая свои заслуги, видя вездѣ довольныя лица, слыша умиленныя благодаренія народа, Димитрій пересталъ опасаться тайныхъ недоброжелателей и отпустилъ Нѣмцевъ и Поляковъ, помогавшихъ ему въ завоеваніи престола. Каждый изъ нихъ получилъ за весь походъ щедрое жалованье; но всѣ остались очень недовольны. Этотъ сбродъ разгульныхъ удальцовъ смотрѣлъ на царя, какъ на атамана, который долженъ подѣлиться своею добычею съ храбрыми товарищами. Они думали, что достигли наконецъ блаженной жизни, какой только можетъ желать гуляка на землѣ. Неистощимая полнота кармановъ, безпрерывныя пирушки и почести за великіе подвиги, подъ знаменами Димитрія — вотъ что представляла имъ будущность; вмѣсто того, ихъ увольняютъ отъ службы, какъ наемниковъ, кончившихъ свое дѣло. Забіяки не хотѣли вѣрить такой, какъ они называли, неблагодарности, взяли жалованье и продолжали жить въ Москвѣ; держали по десяти слугъ, одѣтыхъ въ дорогое платье, — денежныя игры и пиры, съ приправою чванства доблестными дѣлами на поляхъ битвъ,

поглощали незамѣтно ихъ праздное время. Допировавшись, наконецъ, до пустыхъ кармановъ, они приступили къ царю съ просьбою пополнить ихъ. Но у царя были заботы благороднѣйшія; онъ холодно отказалъ своимъ соратникамъ-гулякамъ, и они, собравъ остатки нажитого въ службѣ имущества, уѣхали восвояси, проклиная неблагодарнаго счастливца (8).

Дѣйствуя, такимъ образомъ, въ духѣ царя истинно Русскаго, ненуждающагося, среди своего народа, въ

---

(8) *Legende de la vie et de la mort de Demetrius:* »При немъ было нѣсколько тѣлохранителей изъ Нѣмецкихъ алебардщиковъ, которыхъ онъ привелъ съ собой изъ Польши.... они были немедленно отпущены, равно какъ и всѣ воины иноземные.« — Бучинскій писалъ къ Димитрію изъ Польши объ этихъ гулякахъ слѣдующее: »А обѣщалъ ты (Лжедимитрій) имъ (Полякамъ), какъ придешь на Москву, на-завтрее того дати имъ по колку тысячъ золотыхъ, и ты, де, имъ того не далъ, а далъ толко по колку сорока соболей, да по колку сотъ золотыхъ.... И язъ противу того сказалъ.... что имъ все поплачено: гусаромъ, которые служили три четверти году, дано по сороку золотыхъ на одинъ конь; а которые служили одинадцать недѣль, или болши, Пятигорцы, и тѣмъ дано за пять четвертеі году, по тридцати по семи золотыхъ.... давано имъ корму много і они не могли его переѣсти, ажъ то продавали. І виделъ то язъ самъ і слышелъ, что взяли иные паны за кормъ по тысяче золотыхъ....«

иноземной стражѣ, Димитрій былъ не намѣренъ, однако, соблюдать въ точности родные обычаи, отъ которыхъ отвыкъ, во время пребыванія своего въ чужеземномъ обществѣ: такъ, напримѣръ, ввелъ за столомъ музыку и пѣніе, не умывалъ рукъ послѣ обѣда; вставши изъ-за стола, не ложился спать, противъ обычая прежнихъ царей, и въ то время, когда вся Москва улегалась въ постели, какъ ночью, онъ, самъ-другъ съ кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ, выходилъ изъ дворца, осматривалъ казну и посѣщалъ аптеки и лавки Нѣмецкихъ мастеровъ, которые, подобно ему, въ это время не спали. Эти уединенныя прогулки вовсе не были похожи на царственное поведеніе, къ которому Москвичи издавна привыкли. Прежніе цари не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою князей и бояръ, которые вели ихъ подъ руки, или, лучше сказать, переносили; въ церковь отправлялись въ громадной, раззолоченной колымагѣ, а если ѣздили верхомъ, то взбирались на сѣдло, ступивши сперва на скамейку, которую два боярина подставляли имъ подъ ноги, между тѣмъ какъ другіе держали коня и подавали поводья. Димитрій для своихъ разъѣздовъ выбиралъ самыхъ горячихъ жеребцовъ; слѣдуя наѣздническимъ урокамъ, полученнымъ на Запорожьи, едва бралъ въ руку поводъ,

уже былъ на сѣдлѣ, веселился бѣшеными скачками своего коня, и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ и ловкости. Въ охотѣ онъ не оставался праздным зрителемъ; пылкая его натура вездѣ требовала жаркой дѣятельности. Онъ завелъ себѣ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли Англійскихъ договъ; съ ними гонялся по полямъ и лѣсамъ, презирая усталость и опасности; а однажды, не смотря на возраженія своихъ совѣтниковъ, велѣлъ спустить съ цѣпи, въ селѣ Тайнинскомъ, огромнаго медвѣдя и вышелъ противъ него самъ, держа въ рукѣ рогатину. Тогда сердца у однихъ затрепетали отъ надежды, что неловкій ударъ положитъ, можетъ быть, конецъ ненавистному господству отважнаго пройдохи, а у другихъ отъ опасенія, чтобы излишняя самонадѣянность не прекратила жизни государя благотворительнаго и дѣятельнаго. Но Димитрій обладалъ силою рѣдкою и хорошо владѣлъ оружіемъ: свирѣпый звѣрь палъ подъ его ударомъ, среди восклицаній восторга и удивленія зрителей. Въ конскихъ рыстаніяхъ и примѣрныхъ сраженіяхъ онъ былъ всегда среди дѣйствующихъ, самъ пробовалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ съ необыкновенною мѣткостью, самъ училъ воиновъ наѣздничеству и фехтованью, велѣлъ строить, штурмо-

вать и защищать крѣпости, бросался въ свалку и смѣялся, когда, въ замѣшательствѣ, его сшибали съ ногъ и давили. Однимъ словомъ, говоритъ современникъ иностранецъ, его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки — все доказывало, что онъ былъ герой, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій. Но тогдашніе Русскіе, и особливо простолюдины, не въ состояніи были цѣнить горячей дѣятельности молодого царя, — его навыка къ воинскимъ трудамъ и забавамъ, его опытности въ ратномъ искусствѣ. Всѣ эти свойства для нихъ казались странностями, несовмѣстными съ достоинствомъ особы государя.

А завистникамъ царя того и хотѣлось. Не говоря о Шуйскихъ, этихъ благодѣтеляхъ Димитрія, никогда непитавшихъ любви къ своему питомцу, онъ опротивѣлъ и другимъ придворнымъ, какъ человѣкъ, несогласный съ ними ни въ образѣ мыслей, ни въ привычкахъ, ни во вкусѣ къ удовольствіямъ. Особенно досадно имъ было, что Димитрій приблизилъ къ себѣ нѣкоторыхъ Поляковъ и двухъ изъ нихъ, братьевъ Бучинскихъ, избралъ даже въ тайные свои секретари. Тяжело запали также имъ въ душу и его насмѣшки надъ ихъ необразованностью. Отличая иноземцевъ за ихъ познанія, Димитрій безъ церемоніи говаривалъ

сановитымъ боярамъ, что они ничего не видали, ничему не учились, и обѣщалъ посылать ихъ въ чужія земли, гдѣ бы они могли хоть сколько-нибудь образовать себя. Разжигаемые завистью и оскорбленнымъ самолюбіемъ, придворные начали дружно работать надъ разрушеніемъ благоденствія царя, возведеннаго на престолъ ими самими. Они внушали тайно народу, что человѣкъ съ такими скомороховскими, Ляшскими ухватками и обычаями не можетъ быть сыномъ великаго государя Іоанна Васильевича; разсказывали, что онъ ѣстъ Богопротивную телятину, вовсе не моется въ банѣ, держится тайно Латинской ереси, да и всѣхъ Русскихъ хочетъ обесурменить; что въ казнѣ недочету уже болѣе семи милліоновъ рублей; что все это онъ роздалъ своимъ пѣвчимъ, которые у него вмѣсто поповъ, да Полякамъ и Нѣмцамъ, а потомъ наверстаетъ новыми поборами съ простонародья; что и жениться онъ думаетъ не на православной, а на безбожной Латинкѣ и Луторкѣ, за которою и послалъ уже дьяка Власьева. По всему выходитъ, говорили бояре, что онъ не царскаго племени, а, видно, впрямь беззаконный растрига Отрепьевъ.

Эти внушенія не остались безъ дѣйствія. Къ нимъ присоединилось неблагопріятное для царя впечатлѣніе, произведенное на народъ буйными Поляками, ко-

торые, какъ уже сказано, долго не выѣзжали изъ Москвы и позволяли себѣ съ горожанами всякія наглости, вообразивъ, что оказанная царю услуга даетъ имъ на то право. Теперь представилось народу въ ужасающемъ видѣ и то, что царь далъ Іезуитамъ обширный домъ въ самомъ Кремлѣ и позволилъ служить Латинскую обѣдню; тайные враги его истолковали это началомъ введенія въ Россію Римской вѣры, намѣсто православія, хотя, какъ мы увидимъ послѣ, Димитрій былъ очень далекъ отъ исполненія своего обѣщанія папѣ, вынужденнаго обстоятельствами. Многіе ревностные сыны Церкви горько тужили о предстоящей, какъ они думали, гибели родной вѣры и не скрывали своихъ сѣтованій даже предъ соратниками царскими, Донскими, Днѣпровскими и Сѣверскими козаками, изъ которыхъ многіе оставлены Димитріемъ на службѣ въ Москвѣ и, подобно Полякамъ, обходились презрительно и нагло съ горожанами. Козаки не думали разувѣрять ихъ въ подозрѣніяхъ касательно уничтоженія предковѣчнаго православія; напротивъ, еще подсмѣивались надъ благочестивыми сѣтованіями Москвичей и называли ихъ Жидами. »Что вамъ до этого за дѣло?« говорили они. »Когда царю угодно, чтобы у васъ было Латинство, творите царскую волю, да и все тутъ. Пу-

скай царь дѣлаетъ, что ему полюбится, а вы, Жиды, чего тужите?« (9)

Волненіе умовъ часъ отъ часу усиливалось. Одинъ монахъ рѣшился всенародно объявить, что знаетъ Димитрія съ дѣтства, подъ именемъ Отрепьева, что даже училъ его грамотѣ и жилъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ монастырѣ. Монаха схватили и, если вѣрить лѣтописцу, тайно умертвили въ темницѣ. Но возмущеніе этимъ не кончилось. Торговые люди, давніе приверженцы Шуйскихъ, сильно шумѣли и, можетъ быть, рѣшились бы на какое-нибудь отчаянное дѣло, если бъ не предупредила ихъ бдительность Басманова. Его полиція слѣдила за клевретами боярскими, и скоро онъ узналъ, что главою возмутителей народныхъ былъ князь Василій Іоанновичь Шуйскій. Шуйскаго съ братьями *взяли въ крѣпость за пристава* (10). Улики были явны: Шуйскій повинился. Но Димитрій такъ убѣжденъ былъ въ своей царственности, что не хотѣлъ изречь ему

---

(9) Авр. Палицынъ, 28: »Враги же, его возведшіи козаки, веселяхуся о погибели Христіянской, и плачущимъ въ бѣдахъ и всѣмъ скорбящимъ прещаху и Жиды нарицаху ихъ, глаголюще: яко царю угодно, тако и творите, вы же, Жидове, вскую о томъ сѣтуете?«

(10) Т. е. посадили подъ стражу.

собственнаго приговора и отдалъ своего обличителя на судъ народа. Созванъ былъ соборъ изъ людей всѣхъ чиновъ и званій, представлявшій собою государство, которое признало Димитрія истиннымъ сыномъ Грознаго. Это былъ моментъ, въ который Русскіе могли бы загладить совершенное надъ Борисовымъ домомъ цареубійство всенароднымъ сознаніемъ своего заблужденія; но — или смѣлость поступка Димитріева въ этомъ дѣлѣ обезоружила многихъ его недоброжелателей, или представители сословій опасались другъ друга, только соборъ единодушно призналъ Шуйскаго лжецомъ и преступникомъ, достойнымъ смертной казни. Такимъ образомъ вся земля Русская, уже не въ волненіи мятежа, не въ страхѣ отъ иноземнаго покровительства Димитрію, но въ покоѣ и посреди собственной семьи народной, подтвердила ему снова наслѣдственное право царствовать. Димитрій торжествовалъ и, въ избыткѣ великодушія, хотѣлъ показать Россіи, что не боится никакихъ зложелателей и желаетъ властвовать милостью, а не грозою. Когда Шуйскаго вывели на лобное мѣсто и уже палачъ взялъ въ руки топоръ, чтобъ снять ему съ плечъ буйную голову, — появился изъ Кремля гонецъ и крича. »Стой!« показывалъ царскую грамоту. Въ грамотѣ было сказано, что царь, по просьбѣ своей матери и близкихъ особъ, да-

руетъ преступнику жизнь. Шуйскихъ лишили только имущества и разослали въ Галицкіе пригороды; но епце съ дороги возвратили, отдали имущество и прежнія мѣста при дворѣ. Такимъ великодушіемъ, внушеннымъ, вѣроятно, благодарною памятью о прошломъ, Димитрій думалъ покорить себѣ на-вѣки строптивыя души старыхъ крамольниковъ; но юношеское чувство жестоко обмануло его, и нѣкоторые изъ придворныхъ тогда же предсказали, что Василій Шуйскій не оставитъ его въ покоѣ.

Не подѣйствовала также эта неумѣстная милость Димитрія и на другихъ его обличителей. Въ Галичѣ ещe живы были мать, дядя и братья его. Подущаемые монахами, которые больше всего боялись введенія новой вѣры, они, въ религіозной ревности, забывали опасность и гласно объявили, кто былъ мнимый сынъ Іоанна Грознаго. Дядю сослали въ Сибирь, прочихъ заключили. Въ самой Москвѣ нашлись люди, рѣшившіеся лучше пострадать смертію, нежели быть служителями Антихриста, какъ называли они Димитрія. Явная улика Галичанъ, необыкновенное возвышеніе Димитрія изъ бѣднаго монаха до самодержца Всероссійскаго, не-православные его обычаи, любовь къ иноземцамъ, покровительство Іезуитамъ и даже — пустое по себѣ, но важное въ глазахъ невѣжества об-

стоятельство — мѣдный трехглавый церберъ, поставленный имъ на Москвѣ-рѣкѣ, противъ его палатъ, устрашавшій народъ бряцаніемъ челюстей и прозванный адомъ (11), все это вмѣстѣ заставило думать многихъ горячихъ поборниковъ вѣры, что царь есть истинное изчадіе ада, посланное на гибель святой Руси и Христіянства. И вотъ двое отважныхъ людей, дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Ѳедоръ Калачникъ, среди Москвы торжественно провозгласили, что царь — обманщикъ и орудіе сатаны. Ихъ схватили и подвергли пыткѣ, но ни въ мукахъ истязаній, ни даже въ послѣдній часъ, когда вели ихъ на казнь, они не перестали громко обличать Димитрія и пророчествовать

---

(11) Карамз. XI, пр. 402: »Сотвори себѣ (Лжедимитрій) въ сей жизни на потѣху, а въ будущій вѣкъ знаменіе превѣчнаго своего домовища, его же въ Россійстѣмъ царствѣ ни въ иныхъ, кромѣ подземнаго, никто не видѣ: адъ превеликъ зѣло, имѣющь у себя три главы, и содѣла обоюду челюстей его отъ мѣди бряцаніе веліе; егда же разверзетъ челюсти своя, и изовнутрь его яко пламя« (то есть, подобіе, а не самое пламя) »предстоящимъ ту является.... зубы же ему имѣющу осклабленны и ногти, яко готовы на ухапленіе, и изо ушію яко же пламени распалившусь; и поставиі его онъ, проклятый, прямо себѣ на Москвѣ-рѣкѣ, себѣ на обличеніе, дабы ему изъ превысочайшихъ обиталищъ своихъ зрѣти нань повсегда«, и проч.

гибель отъ него всѣмъ Христіянамъ. Ихъ слѣпая ревность къ вѣрѣ производила, однакожъ, мало вліянія на народъ, довольный вообще правленіемъ дѣятельнаго, правосуднаго и щедраго царя. На ихъ возгласы толпа холодно отвѣчала: »По дѣломъ погибаете!« и признавала справедливость царскаго суда.

Видя такъ много недоброжелателей, старающихся поссорить его съ народомъ, Димитрій пересталъ довѣряться Русскимъ стрѣльцамъ и учредилъ себѣ почетную стражу изъ трехъ сотъ Нѣмцевъ, подъ начальствомъ трехъ капитановъ. Старшимъ изъ нихъ считался капитанъ первой сотни, Французъ Яковъ Маржеретъ, хорошо образованный человѣкъ, оставившій намъ драгоцѣнное описаніе современной Россіи. Капитаномъ второй сотни былъ Ливонецъ Кнутсенъ, а третьей — Шотландецъ Альбертъ Вандеманъ. Первая сотня имѣла ружья и, сверхъ того, бердыши съ золотымъ царскимъ гербомъ; древки бердышей, обтянутые краснымъ бархатомъ, были усѣяны серебряными позолоченьими гвоздями, увиты серебряной проволокою и украшены серебряными и золотыми кистями. Воины этой сотни получали такое жалованье, что могли, большею частью, носить бархатные плащи, обшитые золотымъ позументомъ и вообще одѣваться очень богато. Вторая сотня имѣла аллебарды съ цар-

скимъ гербомъ, по обѣимъ сторонамъ, и носила кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными шнурками, а рукава у кафтановъ были изъ красной камки. Третья сотня не отличалась оружіемъ отъ второй, но на исподнемъ платьи и на кафтанахъ носила зеленую бархатную обшивку, а рукава изъ зеленой камки. Каждый воинъ получалъ, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей годового жалованья и гордился своимъ званіемъ передъ дворянами. Эта гвардія раздѣлялась на двѣ половины, поочередно охранявшія царя днемъ и ночью. И какъ прежде Москвичи чудились безпечности и простотѣ обычаевъ царя, который часто выходилъ изъ дворца такъ, что придворные должны были отыскивать его у художниковъ и аптекарей, такъ теперь ужасались, когда, въ быстрыхъ его разъѣздахъ, вокругъ него гремѣла толпа всадниковъ, вооруженныхъ блистающими алебардами ([12]). Еще досаднѣе сдѣлалось Москвичамъ,

---

([12]) **Авр. Палицынъ, 26: »И въ хожденіи и исхожденіи царскаго дому и по граду всегда со многимъ воинствомъ ѣздя же, спереди же и созади его во бронѣхъ текуще съ протазаны и алебарды, и со инѣми многими оружіи; единъ же онъ токмо посреди ихъ, вельможи же и бояре далече отъ него бяху; и бѣ страшно видѣти множество оружій блестящихся.«**

когда Димитрій, часто опрометчивый въ своихъ распоряженіяхъ, принудилъ Арбатскихъ и Чертольскихъ священниковъ уступить гвардейцамъ ихъ домы, находящіеся вблизи дворца, для того, чтобъ, въ случаѣ надобности, имѣть подъ рукою вѣрныхъ тѣлохранителей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сношенія съ Польшею, Римомъ и другими иноземными государствами. — Обрученіе съ Мариною Мнишекъ. — Тайныя сношенія бояръ съ королемъ. — Медлительность Мнишка. — Ксенія. — Приготовленія къ войнѣ съ Турками. — Маневры. — Казнь стрѣльцовъ и дьяка Осипова. — Гибель многихъ людей за толки о самозванствѣ царя. — Самозванецъ Петръ. — Татищевъ. — Путешествіе Мнишка. — Представленія Мнишка въ Золотой Палатѣ. — Пиры. — Въѣздъ Марины въ Москву.

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ сила боролась съ силою, мысли Димитрія растекались по иноземнымъ государствамъ, изъ которыхъ Польша, Римъ и Турція особенно его заботили. Съ Польшею связывала его любовь къ дочери Сендомирскаго Воеводы, Маринѣ Мнишекъ, съ которой желалъ онъ раздѣлить престолъ свой; расположенность Римскаго папы нужна была ему для соединенія Христіянскихъ державъ къ войнѣ противъ Турціи, торжествомъ надъ которою онъ надѣялся возвысить свое имя въ мірѣ и уподобиться, въ

глазахъ народа, своему мнимому отцу, завоевателю Казани и Сибири. Съ своей стороны, Польша и Римъ влеклись къ Московскому царю интересами сильными. Польскій король надѣялся, что Димитрій, изъ благодарности къ нему за покровительство, въ бѣдственное время его жизни, долженъ согласиться на всѣ требованія Рѣчи Посполитой, а папа въ женитьбѣ царя на дочери ревностнаго католика видѣлъ вѣрный залогъ введенія въ Россіи Римскаго исповѣданія. И тотъ, и другой, однакожъ, ошиблись. Димитрій перемѣнилъ теперь съ королемъ тонъ, объявилъ своимъ боярамъ, что не уступитъ Литвѣ ни одной пяди земли, и на требованія королевскихъ пословъ — отдать Польшѣ Сѣверскую землю, заключить съ Польшею вѣчный союзъ, позволить Іезуитамъ и прочему католическому духовенству свободу Богослуженія во всемъ Московскомъ государствѣ, и помочь Сигизмунду возвратить Шведскій престолъ — отвѣчалъ: »Земли Сѣверской не отдамъ, а дамъ за нее денежную сумму; союза съ Польшею отъ души желаю; церквей Латинскихъ и Іезуитовъ не хочу; возвратить Швецію помогу деньгами.« Димитрій не отрекся рѣшительно отъ своихъ обѣщаній потому только, что отъ короля зависѣло отпустить и не отпустить въ Москву панну Марину, дочь Юрія Мнишекъ. Съ папою велъ онъ переговоры о пред

полагаемой, войнѣ съ Турками, мѣнялся привѣтственными грамотами и подарками, но не сказалъ ни слова ни въ оффиціальныхъ письмахъ, ни въ тайныхъ посольскихъ наказахъ о введеніи въ Россіи католичества. Не смотря на равнодушіе свое къ православію, онъ понималъ, что перемѣна вѣры въ государствѣ есть дѣло невозможное и нелѣпое. Папа надѣялся, что панна Марина будетъ, какъ онъ выражался въ письмахъ своихъ, первымъ апостоломъ католическимъ въ Москвѣ, и всѣми средствами торопилъ Юрія Мнишка и короля къ ускоренію ея замужества (1), а Димитрій, между тѣмъ, требовалъ черезъ посла своего въ Краковѣ, чтобъ сама она наружно выполняла уставъ Церкви Греческой: такъ ясно понималъ онъ выгоду не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ съ Русскими искон-

ными понятіями и такъ охладѣлъ, со времени возвращенія на родину, къ вѣрѣ католической. За то и самъ онъ достигъ своей цѣли — образовать противъ Турковъ союзъ изъ Польской республики и Имперскихъ княжествъ. Поляки уклонялись отъ этаго тягостнаго предпріятія народною враждою между ними и Нѣмца-

(1) По его желанію, Польскій дворъ уполномочилъ патера Савицкаго обвѣнчать Димитрія съ Мариною въ великій постъ. Тамъ же, № 63.

ми; король, безъ содѣйствія пановъ, не смѣлъ нападать на сильную тогда Турецкую имперію и условливался воевать съ одними Татарами; но это было для того только, чтобъ не сдѣлать прямого отказа. Димитрій долженъ былъ ограничиться собственными силами да помощью непримиримаго врага Турковъ, Персидскаго шаха Аббаса, съ которымъ велъ дружескія сношенія.

Пока тянулись эти переговоры, 12 ноября произошло въ Краковѣ, въ присутствіи самого короля, обрученіе панны Марины съ Московскимъ царемъ, котораго лицо въ этомъ обрядѣ представлялъ его надворный подскарбій (прежде дьякъ) Аѳанасій Власьевъ. Этотъ уполномоченный сановникъ не могъ, или не хотѣлъ, принаровиться къ обычаямъ иноземнымъ и поступалъ, въ кругу Поляковъ, какъ на Руси. Такъ, во время молитвеннаго колѣнопреклоненія, онъ стоя слушалъ пѣніе непонятнаго для него Латинскаго псалма. На обычный при обрученіи вопросъ кардинала: »Не давалъ ли Димитрій обѣщанія другой невѣстѣ?« онъ простодушно отвѣчалъ: »А мнѣ какъ знать? о томъ ничего мнѣ не наказано!« а когда потребовали отъ него точнаго отвѣта, онъ сказалъ: »Если бъ обѣщалъ другой невѣстѣ, то и не слалъ бы меня сюда.« Далѣе, отказался надѣть на палецъ, въ качествѣ представи-

теля жениха, обручальный перстень, а принялъ его въ дорогую матерію для доставленія царю. Отказался, также, взять царскую невѣсту просто за руку, а обертывалъ прежде свою руку въ чистый платокъ и всячески старался, чтобъ одежда его не коснулась платья панны Марины. Потомъ, на пиру, изъ уваженія къ царской невѣстѣ и къ королю, не хотѣлъ сѣсть за столъ и, на приглашенія королевскія, отвѣчалъ, что не годится ѣсть холопу вмѣстѣ съ монархами, довольно ему и смотрѣть на нихъ; а послѣ обѣда отказался танцовать съ обрученною, говоря, что недостоинъ дотронуться до царицы. За то, когда она стала на колѣни передъ королемъ, чтобъ благодарить его за всѣ милости, Власьевъ гордо выразилъ негодованіе на униженіе, въ ея лицѣ, достоинства своего государя.

Узнавъ объ обрученіи, Димитрій послалъ съ благодарностью къ королю и Юрію Мнишку Ивана Безобразова и торопилъ нареченнаго тестя скорѣйшимъ выѣздомъ въ Москву. Но, сверхъ его чаянія, выѣздъ этотъ замедлился цѣлыми мѣсяцами. Дѣло въ томъ, что Безобразовъ былъ усердный клевретъ враждебныхъ Димитрію бояръ и тайно передалъ королю поотъ на него князей Шуйскихъ и Голицыныхъ за содѣйствіе распутному, злобному и легкомысленному бродягѣ въ достиженіи Московскаго престола. Бояре,

не надѣясь поднять на Самозванца большинство простолюдиновъ, вообще преданныхъ царю, старались поднять на него бурю извнѣ и, подъ шумъ войны, опрокинуть престолъ ненавистнаго своего воспитанника. Для этого они хитро задѣли самую чувствительную струну Сигизмунда: Безобразовъ сообщилъ ему намѣреніе ихъ свергнуть Димитрія съ престола и возвести на него королевича Владислава. Король отвѣчалъ, съ лицемѣрною скромностью, что онъ не увлекается честолюбіемъ и сына своего научаетъ той же умѣренности, предоставляя все волѣ Божіей, но тутъ же объявилъ, что не станетъ препятствовать боярамъ въ ихъ предпріятіи. Сигизмундъ давно понялъ свою ошибку касательно Димитрія; горьки ему были упреки вельможъ, что онъ потерялъ случай выторговать у покойнаго Бориса всевозможныя уступки въ пользу республики, и онъ радъ былъ поправить теперь свою ошибку, содѣйствуя боярамъ. Онъ сообщилъ Московскія вѣсти Юрію Мнишку, и это-то обстоятельство было причиною медлительности его выѣзда въ Москву. Мнишекъ сталъ внимательнѣе прислушиваться къ неблагопріятной молвѣ о Димитріи, котораго уже не въ одной Россіи, но и въ Литвѣ и Польшѣ многіе называли бѣглымъ монахомъ и пророчили скорое его паденіе. Эту молву пронесли тамъ, большею частью, Поляки, воз-

вратившіеся съ обманутыми надеждами изъ службы при Московскомъ царѣ. Новые слухи, приходившіе отъ поры до поры въ Краковъ, подтверждали ее. Юрій Мнишекъ медлилъ, подъ разными предлогами: то говорилъ, что не имѣетъ денегъ на уплату долговъ и на подъемъ въ дальнюю дорогу; то поставлялъ важнымъ препятствіемъ къ выѣзду носящіеся въ Польшѣ слухи, что царь живетъ въ предосудительныхъ связяхъ съ дочерью покойнаго царя Бориса (2). Димитрій въ ожиданіи невѣсты, дѣйствительно взялъ къ себѣ Ксенію и этимъ поступкомъ доказалъ испорченность нравовъ, общую ему съ тогдашнимъ вѣкомъ. Любовь къ блистательной Полькѣ была, однакожъ, такъ въ немъ сильна, что, получивъ намекъ отъ нареченнаго тестя, онъ немедленно удалилъ отъ себя несчастную Ксенію въ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ она и была пострижена, подъ именемъ Ольги. Что касается до денегъ, то Димитрій не щадилъ для тестя и для невѣсты ничего и посылалъ въ Самборъ суммы за суммами. Не смотря, однакожъ, на все это, Юрій Мнишекъ медлилъ и ожи-

---

(2) *Собр. Гос. Гр.* и *Д.* II, 243: »И поелику (писалъ Мнишекъ) извѣстная царевна, Борисова дочь, близко васъ находится, то благоволите В. Ц. В., впявъ совѣту благоразумныхъ съ сей стороны людей, отъ себя ее отдалить.«

далъ страшной вѣсти о гибели Самозванца, а вмѣстѣ съ нимъ и о гибели собственныхъ блистательныхъ надеждъ. Между тѣмъ Аѳонасій Власьевъ, посланный въ Слонимъ съ многочисленною свитою и лошадьми, для встрѣчи и провожанія царской невѣсты въ Москву, томился скукою безконечнаго ожиданія, издерживался и боялся гнѣва Димитріева за медленность порученныхъ его заботамъ гостей. О Димитріи и говорить нечего: онъ дошелъ до высшей степени нетерпѣнія и посылалъ къ Мнишку письмо за письмомъ, то съ сердитыми упреками за медленность, то съ покорными мольбами не мучить его долѣе. Наконецъ Сендомирскій воевода, видя, что Москва повинуется по-прежнему Димитрію, пересталъ придавать важность слухамъ о страшномъ заговорѣ противъ него бояръ, духовенства и торговыхъ людей, и двинулся въ дорогу въ сопровожденіи многочисленныхъ родныхъ, пріятелей и слугъ. Однакожъ еще колебался между стремленіемъ къ величію и страхомъ гибели, хотѣлъ-было даже воротиться назадъ, подъ предлогомъ огорченія за грубую настойчивость царскихъ пословъ, и растянулъ дорогу такъ, что, выѣхавъ въ началѣ января 1606 года, едва въ апрѣлѣ достигъ Русской границы.

Между тѣмъ Димитрій готовился къ походу на Азовъ, слилъ множество большихъ пушекъ и мортиръ, и еще

зимою отправилъ ихъ въ Елецъ, а рати велѣлъ готовиться къ великому походу и по веснѣ выступить въ южную украйну, однимъ по Дону на стругахъ, а другимъ степными сакмами къ Ельцу. Мечтая о геройскихъ подвигахъ въ войнѣ съ Татарами и Турками, Димитрій дѣлалъ зимою примѣрные осады ледяныхъ крѣпостей. Онъ думалъ этимъ способомъ ознакомить своихъ воеводъ съ осаднымъ искусствомъ; но вражда ихъ къ Нѣмецкой царской дружинѣ нашла тутъ новый источникъ обидъ и неудовольствій. Однажды онъ велѣлъ обвести ледянымъ валомъ Вяземскую обитель, въ 30 верстахъ отъ Москвы, и поручилъ защищать эту крѣпость князьямъ и боярамъ съ дружиною стрѣльцовъ, а самъ пошелъ на приступъ съ Нѣмцами. Тѣмъ и другимъ, вмѣсто оружія, служили снѣжные комья. Нѣмцы воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ отомстить боярямъ за ихъ вражду и, вмѣстѣ съ снѣгомъ, принялись метать каменья. Ничего не замѣчая, пылкій предводитель съ жаромъ продолжалъ приступъ и первый ворвался въ крѣпость. Побѣдители и побѣжденные сѣли вмѣстѣ за столы и стали пировать. Радостный царь, вознося кубокъ, говорилъ: »Дай Богъ взять намъ такъ и Азовъ!« и велѣлъ готовиться къ новой потѣхѣ. Но тутъ кто-то изъ приближенныхъ шепнулъ ему, что онъ играетъ въ опас-

ную игру, что бояре злятся на Нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ каменьями, что у Нѣмцевъ нѣтъ никакого оружія, а у всѣхъ бояръ припасено по острому ножу, такъ не вышло бы худой шутки. Царь одумался и немедленно возвратился въ столицу.

Москва продолжала волноваться разными опасеніями: то проносился въ народѣ слухъ, что царь, подъ видомъ ратной потѣхи, хочетъ съ своими Нѣмцами перебить всѣхъ бояръ; то говорили, что онъ велѣлъ составить описи монастырскимъ имуществамъ, съ тѣмъ, чтобъ ограбить древнія святыни на жалованье войску, для войны съ Турками. Бояре и монахи нашли средство возбудить даже въ стрѣльцахъ ненависть къ Димитрію. Стрѣльцамъ было досадно, что не изъ нихъ набрана царская гвардія. »Царь насъ не любитъ и не вѣритъ намъ«, говорили они. »Чего жъ намъ ждать, когда пріѣдетъ изъ Польши невѣста и привезетъ съ собой Поляковъ? Сколько тогда накопится иноземной сволочи!« Отъ оскорбленнаго самолюбія и зависти запылало съ большимъ жаромъ и оскорбленное религіозное чувство. Стрѣльцамъ, какъ и всѣмъ Москвичамъ, было досадно, что за Димитріемъ въ самую церковь слѣдовали его тѣлохранители, »безбожные Латины и Луторы«. Презирая Русскій народъ, эти иноземцы естественно не почитали его святыни: гремѣли ору-

жіемъ во время Богослуженія, облокачивались на гробницы, опирались о раки съ мощами. Стрѣльцы, просто, заговорили, что царь разоряетъ вѣру православную, и нѣкоторые стали замышлять, какъ бы освободиться отъ него и отъ ненавистныхъ его хранителей. Къ счастью для Димитрія, одинъ изъ заговорщиковъ измѣнилъ товарищамъ и сказалъ объ ихъ замыслахъ Басманову, а Басмановъ царю. Димитрій и въ этомъ случаѣ поступилъ по-прежнему: отдалъ виновниковъ на судъ товарищей. Тогда стрѣльцы доказали ему, что, не смотря на множество тайныхъ враговъ, есть у него люди, преданные ему всею душою. Стрѣлецкій голова, Григорій Микулинъ, грубо, но сильно выразилъ свою вѣрность: »Позволь мнѣ, государь«, сказалъ онъ, »я у тѣхъ твоихъ, государевыхъ, измѣнниковъ не только что головы поскусаю, но и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю!« и выразительно мигнулъ своей дружинѣ. Стрѣльцы бросились на преступниковъ и въ минуту изсѣкли ихъ въ мелкія части.

Скоро Димитрій снова почувствовалъ грозное состояніе умовъ нѣкоторой части Московскаго народонаселенія. Дьякъ Тимоѳей Осиповъ, убѣжденный несомнѣнно въ его самозванствѣ, рѣшился обличить его всенародно, не щадя жизни; говѣлъ нѣсколько дней дома, пріобщился святыхъ Таинъ и, явясь во дворцѣ

предъ царя, окруженнаго боярами, сказалъ ему: »Ты воистину Гришка Отрепьевъ, рострига, а не непобѣдимый цесарь, ни царевъ сынъ, Димитрій, но рабъ грѣха и еретикъ!« На этотъ разъ пылкость характера не позволила Димитрію оказать равнодушнаго презрѣнія къ безумному, какъ онъ могъ думать, обличителю: онъ приказалъ тотчасъ казнить его. Поступокъ Осипова одушевилъ многихъ другихъ дерзновенною ревностью къ истинѣ и ненарушимости вѣры. На улицахъ, въ домахъ и въ особенности въ монастыряхъ проносилось безпрестанно слово *растрига*, служа однимъ къ выраженію безсильной злобы, а другимъ—средствомъ къ доказательству своего усердія передъ царскими приверженцами. Взаимная вражда партій сдѣлала и изъ Димитріева правленія то же, что было при Борисѣ. Какъ въ то время господа не смѣли поднимать глазъ на своихъ холопей, безнаказанныхъ доносчиковъ (3), такъ и теперь многіе почетные и зажиточные люди смирялись передъ наглостью низкой черни и козаковъ, тужили отъ нихъ тайно и старались удовлетворять

---

(3) Авр. Палицынъ, 9: »Рабомъ же на господіи толико попусти (Борисъ) клеветати, яко и зрѣти не смѣюще на холопей своихъ.«

ихъ требованіямъ, чтобъ не подвергнуться доносамъ. Чѣмъ опаснѣе становилось положеніе государя, тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали его недостойные угодники: предвидя съ его гибелью собственныя бѣдствія, они опереживали его приказанія и, во имя царя, совершали много тайныхъ истязаній и казней. Пишутъ, что въ это время многіе безвѣстно погибали, и не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, по монастырямъ и городскимъ домамъ, разнаго званія люди были схватываемы и заточаемы въ невѣдомыя пустыни и подземелья, а многимъ рыбная утроба сдѣлалась вѣчнымъ гробомъ. (4)

Между тѣмъ на границахъ еще разъ отозвалась болѣзнь, которою сильно былъ зараженъ тогда составъ государства: толпа козаковъ, это накопленіе вредныхъ соковъ въ разстроенномъ организмѣ Московскаго царства, не вся подвинулась на возвращеніе престола мни-

---

(4) Тамъ же, 27: »Отъ злыхъ же враговъ, козаковъ и холопей, вси умніи токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще. Аще бо на кого нанесутъ, яко ростригою нарицаетъ, и той человѣкъ безвѣстно погибаетъ, и во всѣхъ градахъ Россійскихъ, и въ честныхъ монастыряхъ и мірстіи, и иноци мнози погибоша, овіи заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утроба вѣчный гробъ бысть.«

мому Димитрію. Отдаленная масса ея, сторожившая, подъ именемъ Терскихъ козаковъ, южныя при-Кавказскія границы, осталась внѣ движенія, произведеннаго его появленіемъ. Узнавъ поздо о счастливыхъ походахъ Донской ватаги и о чести, какую гонимый прежде Донъ снискалъ у новаго царя, они завидовали такой благодати и готовы были подражать своимъ сосѣдямъ. Тогда бояре, подмѣчавшіе всѣ обстоятельства, могущія вредить Димитрію, увидѣли въ Терскихъ козакахъ новое орудіе для своихъ козней. Они рѣшились употребить противъ Димитрія то же средство, какое употребили противъ Годунова, и передали козакамъ выдумку, что дочь царя Ѳеодора, умершая въ младенчествѣ, была подкидышъ, что Годуновъ, опасаясь наслѣдника престола, подмѣнилъ будто бы этою дѣвочкою ребенка мужескаго пола, тотчасъ по рожденіи его на свѣтъ, и хотѣлъ истребить его, но что ребенокъ былъ спасенъ боярами, окрещенъ подъ именемъ Петра и скитается теперь въ толпѣ козаковъ, страшась также Димитрія, какъ прежде страшился Годунова. Вѣсть эта была на руку козакамъ: они отыскали отчаяннаго молодца, именемъ Илью Муромца, назвали его царевичемъ Петромъ и, въ числѣ 4 тысячъ, отправились мимо Астрахани, вверхъ по Волгѣ, для возвращенія царевичу престола: дерзость, объ-

яснимая только тайными ободреніями бояръ, которые накопили уже сильную партію недовольныхъ, готовыхъ возстать на Димитрія при первой возможности. Димитрій зналъ по опыту, какъ легко Русскіе простолюдины хватаются за имя »истиннаго, прирожденнаго царя«, и, вмѣсто отпора, послалъ къ мнимому сыну Ѳеодора приглашеніе мирно пожаловать въ Москву и раздѣлить съ нимъ царскую власть. Не извѣстно, какъ бы онъ съ нимъ управился въ Москвѣ, если бъ дожилъ до его прибытія, но козаки смѣло пошли впередъ съ своимъ царевичемъ.

Такъ, забѣгая со всѣхъ сторонъ, бояре отвлекали вниманіе царя отъ своего заговора и ждали только прибытія его невѣсты, чтобъ, подъ шумъ свадьбы, взорвать искусно и терпѣливо приготовленный подкопъ. Гибель Димитрія до того у нихъ была разсчитана, что они не боялись даже его опалы и дерзко осуждали его домашнія привычки и обычаи. Однажды, въ концѣ великаго поста, подали за царскимъ столомъ жаренную телятину. Князь Василій Шуйскій сказалъ царю, что Русскіе не ѣдятъ въ постъ мяса. Димитрій началъ доказывать ему, что въ этомъ грѣха еще немного. Тогда думный дворянинъ Татищевъ грубо вмѣшался въ споръ и наговорилъ царю такихъ колкостей, что тотъ выгналъ его изъ-за стола и только, по

просьбѣ Басманова, пощадилъ отъ заточенія (3). Басмановъ старался миротворствомъ утишить вражду между приверженцами Димитрія и тайными его врагами: не зналъ, что спасаетъ отъ опалы будущаго убійцу своего!...

При такихъ-то обстоятельствахъ Юрій Мнишекъ, все еще томимый смутнымъ ожиданіемъ бѣды, подвигался медленно съ своею дочерью къ Москвѣ, и въѣздъ ихъ въ Русскую столицу, великолѣпный въ возможной степени, и ихъ пиры и торжества, гдѣ расточенъ былъ радостнымъ царемъ всевозможный блескъ пышныхъ церемоній, своей трагической противоположностью съ невидимыми опасностями тяжело волнуютъ душу того, кто знаетъ, какъ все это кончилось.

Чтобъ дать понятіе, до какой степени Димитрій разсыпалъ царскія сокровища, не зная, въ обаяніи любви, какъ украсить, почтить и возвеличить свою невѣсту, исчислимъ одни подарки, представленные Мариѣ въ Краковѣ, послѣ обрученія, Аѳанасіемъ Власьевымъ. Отъ имени царской матери поднесенъ ей тог-

---

(3) Маржеретъ, 90: »Въ день пасхи Татищевъ получилъ прощеніе.... хотя всѣ догадывались.... что Татищевъ задумалъ какое-то коварное дѣло, ибо никогда прежде онъ такъ не поступалъ, какъ дней за 15 до своей опалы.«

да образъ Св. Троицы въ золотой ризѣ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, а отъ имени самого царя золотой корабль, осыпанный также каменьями, гіазинтовая чарка, большіе часы въ футлярѣ съ трубачами и барабанщиками, перстень съ большимъ алмазомъ, драгоцѣнная запона, большая птица съ алмазами и рубинами, бокалъ червонаго золота съ дорогими каменьями, серебряный вызолоченный сосудъ превосходной работы, крылатый звѣрь, оправленный золотомъ и дорогими каменьями, драгоцѣнное изображеніе богини Діаны, сидящей на золотомъ оленѣ, серебряный пеликанъ, достающій для дѣтей собственное сердце, павлинъ съ золотыми искрами, нѣсколько жемчужинъ величиною въ мускатный орѣхъ, множество нитокъ жемчугу обыкновеннаго, вѣсомъ вообще, если вѣрить, болѣе трехъ пудъ, и цѣлыя кипы парчи и бархату. Кромѣ того, вручены были соотвѣтственно богатые дары самому Юрію Мнишку, женѣ, матери и сыну его. Но, не смотря на всѣ прежде присланныя суммы денегъ и эти безпримѣрные подарки, такова была расточительность, или безстыдство Сендомирскаго воеводы, что, понуждаемый царемъ къ скорѣйшему выѣзду въ Москву, онъ еще отговаривался невозможностью уплатить долги, сдѣланные въ Краковѣ,

во время обручальнаго торжества, и вымогалъ отъ Димитрія новыя и новыя суммы денегъ и подарки. (6)

Зато набранный имъ поѣздъ изъ родственниковъ, дворянъ и слугъ соотвѣтствовалъ знаменитости свадьбы. Тутъ, кромѣ сына и братьевъ Юрія Мнишка, съ ихъ женами и родственниками, были паны Стадницкіе, Вишневецкіе, Любомирскіе, Тарло и множество другихъ. Всѣ они ѣхали въ сопровожденіи своихъ *дру-*

(6) Такъ, 3 января (н. с.), царь прислалъ снова въ Краковъ воеводѣ 300,000, а сыну его 50,000 злотыхъ. (Изъ подлиннаго письма Лжедимитрія, напечатаннаго въ *Собр. Гос. Гр. и Д.* II, 227, видно, что онъ послалъ черезъ Бучинскаго только 200,000 злотыхъ; но, или онъ, опасаясь бояръ, уменьшалъ передъ ними огромность даровъ, или Поляки изъ тщеславія записывали въ дневникѣ болѣе). При этихъ деньгахъ отданы воеводѣ: 1) узорочье съ изображеніемъ на одной сторонѣ *Іисуса*, а на другой *Маріи*, въ брилліантахъ, которыхъ было на обѣихъ сторонахъ 96; 2) цѣпь червонаго золота, осыпанная 136 брилліантами; 3) четки изъ жемчужинъ величиною въ большой горохъ; 4) браслеты изъ алмазовъ, переплетенныхъ жемчугомъ; 5) золотой ларчикъ съ жемчугомъ; 6) три слитка золота цѣною въ 15 тысячъ злотыхъ; 7) два большія золотыя блюда и 12 малыхъ; 8) гіацинтовая солонка, оправленная золотомъ; 9) гіацинтовый бокалъ съ крышкою, оправленный золотомъ; 10) золотой рукомойникъ и тазъ съ изящными барельефами, и 11) перстень съ тремя алмазами. (*Дневн. Мар. Мниш.* II.)

жинъ, *дворянъ* и *слугъ*, такъ что всего поѣзду набралось болѣе двухъ тысячь человѣкъ. Ихъ безчисленные экипажи, гардеробы, походныя кухни, ряды повозокъ съ винными бочками, верховыя лошади и проч. давали свадебному поѣзду видъ войска, идущаго въ непріятельскую землю. И въ самомъ дѣлѣ, не одна пышность панская заставила Юрія Мнишка и его вельможныхъ гостей ѣхать въ Москву съ такою многочисленною свитою. Старые враги Русскихъ, они не довѣряли ихъ правиламъ гостепріимства, которое долженствовало бы, во всякомъ случаѣ, обезпечивать жизнь, свободу и имущество иноземцевъ. Всѣ гости были вооружены съ ногъ до головы, и не было повозки, въ которой не было бы у нихъ припасено менѣе пяти ружей.

Они въѣхали въ Россію со стороны Смоленска. Еще за этимъ городомъ ожидали ихъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ, болѣе тысячи царскихъ людей, для встрѣчи и провожанія царицы. Во главѣ этого конвоя были мнимый дядя Димитрія, Михайло Нагой, и князь Василій Мосальскій. Они представили Маринѣ, въ подарокъ отъ царя, 54 бѣлыя лошади съ бархатными шорами и три зимнія кареты, обитыя внутри соболями. Карета, назначенная собственно для Марины, была необыкновенной величины и запрягалась двѣнадцатью лошадьми, внутри́ и по бокамъ обита алою парчею, широки-

ми литыми изъ серебра бляхами вмѣсто бахрамы, а верхъ и окна были подшиты превосходными соболями; сзади кареты прикрѣпленъ былъ большой орелъ, весь изъ сребра съ позолотою. Возницы и вершники при этихъ саняхъ были всѣ въ парчевыхъ платьяхъ и черныхъ лисьихъ шапкахъ. Въ такомъ великолѣпіи въѣхала будущая супруга царя въ Смоленскъ, гдѣ жители и духовенство встрѣтили ее со всевозможными знаками почитанія. Аѳанасій Власьевъ, неразлучный доселѣ спутникъ свадебныхъ гостей, ускакалъ изъ Смоленска впередъ, съ донесеніемъ царю о въѣздѣ въ его предѣлы невѣсты, и встрѣтилъ ее снова на дорогѣ, съ драгоцѣнными подарками (7). По просьбѣ Димитрія, Юрій Мнишекъ съ сыномъ и княземъ Вишневецкимъ поспѣшили въ Москву для предварительныхъ условій касательно свадебныхъ обрядовъ и церемоній, а Марина продолжала подвигаться медленно къ мѣсту своего торжества и бѣдствій, о которыхъ еще на границѣ сказало ей вѣщее сердце.

---

(7) То были: алмазная корона, брилліантовая повязка на шляпу, алмазная запона, 4 снурка крупнаго восточнаго жемчугу, нѣсколько десятковъ нитокъ мелкаго жемчугу и двое золотыхъ часовъ: одни въ баранѣ, а другіе въ верблюдѣ (*Дневн. Марины, Мнишекъ*, 19).

Апрѣля 24, Юрій Мнишекъ и его спутники приблизились къ столицѣ и получили въ подарокъ отъ царя по дорогому коню. Узда, стремена и прочія принадлежности сбруи на конѣ, назначенномъ для воеводы, были изъ чистаго золота и вѣсили 10 тысячь червонцевъ. Не буду описывать сдѣланныхъ царскому тестю встрѣчъ отъ Басманова и другихъ бояръ, вмѣстѣ съ войскомъ и народомъ. Перейдемъ къ пріемной церемоніи, которая происходила на другой день и въ которой Поляки были поражены невиданнымъ великолѣпіемъ царскаго престола. Къ этому-то времени готовилъ Димитрій произведенія своихъ художниковъ, стоившія ему огромныхъ суммъ и составлявшія предметъ его прогулокъ, въ послѣобѣденную пору дня. Онъ желалъ предстать взорамъ невѣсты и ея соотечественниковъ въ величіи, невозможномъ для короля Польскаго.

Юрія Мнишка и его спутниковъ провожалъ большой отрядъ стрѣльцовъ отъ квартиры до большихъ сѣней Золотой Палаты, наполненныхъ боярами, пышно одѣтыми. Изъ сѣней ввели ихъ въ пріемную залу. Царь сидѣлъ на тронѣ въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, въ алмазномъ и рубиновомъ ожерельѣ, на которомъ висѣлъ смарагдовый крестъ; на головѣ императорская корона, а въ рукѣ драгоцѣнный скипетръ.

Весь тронъ былъ изъ чистаго золота, вышиною въ три локтя, подъ балдахиномъ изъ четырехъ щитовъ, расположенныхъ крестообразно; надъ щитами круглый шаръ, а на шарѣ съ распущенными крыльями двуглавый орелъ. Подъ балдахиномъ также золотое распятіе съ огромнымъ Восточнымъ топазомъ, а надъ самымъ тропомъ образъ Богоматери, осыпанный драгоцѣнными каменьями. Отъ щитовъ надъ колоннами висѣли двѣ кисти изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ числѣ которыхъ находился топазъ величиною болѣе грецкаго орѣха. Колонны утверждались на двухъ лежащихъ серебряныхъ львахъ, величиною съ волка; два другіе льва лежали у заднихъ угловъ престола. По сторонамъ стояли на высокихъ серебряныхъ ножкахъ два грифа, изъ которыхъ одинъ держалъ государственное яблоко, а другой обнаженный мечъ. Къ трону вели три ступени, покрытыя золотою парчою. У самихъ ступеней, по обѣимъ сторонамъ, стояло передъ царемъ по два рында въ бѣлыхъ парчевыхъ кафтанахъ, подбитыхъ и обложенныхъ горностаями, съ золотыми цѣпями, висящими крестообразно на груди, и въ бѣлыхъ сапогахъ. Каждый изъ нихъ держалъ на плечѣ небольшую широкую сѣкиру, съ украшенною золотомъ и драгоцѣнными каменьями рукояткою. По лѣвую руку царя стоялъ Димитрій Шуй-

скій, въ темной, каштановаго цвѣта бархатной и парчевой одеждѣ, подбитой соболями. Обѣими руками держалъ онъ обнаженный мечъ съ золотымъ крестомъ. За нимъ стоялъ стряпчій съ царскимъ платкомъ въ рукахъ. А по правую сторону трона сидѣлъ въ черныхъ бархатныхъ креслахъ патріархъ. Ряса на немъ была изъ чернаго бархату, по краямъ обшита, на ладонь-шириною, жемчугомъ и дорогими каменьями. Передъ нимъ держали на золотомъ блюдѣ крестъ и въ серебрянномъ сосудѣ святую воду. Ниже патріарха сидѣли митрополиты и архіереи, а за ними — сенаторы и дворяне, изъ которыхъ одни стояли, а другіе сидѣли. На лѣвой сторонѣ также сенаторы и дворяне. Поляки, пришедшіе съ Димитріемъ изъ Польши, стояли отдѣльною группою. Помостъ всей залы и скамьи были покрыты Персидскими коврами.

Вступя въ этотъ чертогъ, Юрій Мнишекъ, по видимому, былъ поражонъ величіемъ, въ которомъ увидѣлъ будущаго зятя своего. Остановясь посреди залы, онъ нѣсколько времени смотрѣлъ на все молча, потомъ поклонился и произнесъ рѣчь, въ которой всего замѣчательнѣе начало: »Видя«, говорилъ онъ, »своими глазами ваше императорское величество на этомъ тронѣ, я не знаю, не болѣе ли я долженъ удивляться, нежели радоваться. Могу ли, безъ удивленія, смотрѣть

на того, кто уже нѣсколько лѣтъ считался мертвымъ, а теперь окруженъ такимъ величіемъ, — кто хотя наслаждался жизнію, но для многихъ умеръ и отжилъ для свѣта?... Такъ, прежняя жизнь ваша, въ сравненіи съ настоящею, была не жизнь, а смерть: судьба назначила вамъ обширнѣйшее царство, а вы скитались странникомъ въ земляхъ чуждыхъ! О счастье! какъ ты не постоянно! какъ ты играешъ смертными!« Далѣе, онъ поздравилъ царя съ возвращеніемъ престола, выставилъ его доблести, благодарилъ за честь, оказанную своему дому, но, какъ истинный Полякъ, не считалъ этой чести чрезвычайною. »Я не столь самонадѣятеленъ и смѣлъ«, говорилъ онъ, »чтобъ быть равнодушнымъ къ такому счастію, — я внѣ себя отъ восторга; однакожъ, если размыслю, какъ воспитана дочь моя, съ какимъ стараніемъ отъ самой колыбели внушали ей всѣ добродѣтели, свойственныя ея состоянію, — эта мысль ободряетъ меня, и я смѣло могу именовать васъ своимъ зятемъ. Не буду уже говорить о томъ, что дочь моя родилась въ государствѣ свободномъ, что отецъ ея занимаетъ не послѣднее мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ и что въ нашей странѣ каждый дворянинъ можетъ достигнуть высшей степени достоинства и почестей.«

Слушая эту рѣчь, Димитрій, видно, самъ исполнил-

ся трогательной мысли о чудномъ промыслѣ Божіемъ, проведшемъ его такими необыкновенными путями къ царскому величію: онъ нѣсколько разъ утиралъ платкомъ глаза. На привѣтствіе воеводы отвѣчалъ за царя Аѳанасій Власьевъ, и потомъ Юрій Мнишекъ, сынъ его, князь Вишневецкій и Польскіе дворяне цѣловали руку Димитрія. Царь пригласилъ всѣхъ ихъ къ столу, но сперва весь дворъ отправился къ обѣднѣ, и оттуда возвратились въ новый дворецъ Димитрія.

Авторъ Дневника Марины Мнишекъ такъ описываетъ происходившее въ немъ пиршество: »Дворецъ Димитрія деревяный, но красивый и даже великолѣпный. Дверные замки въ немъ вызолочены червоннымъ золотомъ; печки зеленыя, а нѣкоторыя обведены серебряными рѣшетками. Предъ столовою, въ сѣняхъ, стояло множество золотой и серебряной посуды, между прочимъ, семь бочекъ серебряныхъ съ вызолоченными обручами, величиною въ сельдяные бочонки. Вся столовая посуда золотая; множество было серебра, рукомойниковъ, тазовъ и прочаго. Столовая обита Персидскою голубою тканью; занавѣсы у оконъ и дверей парчевые; тронъ покрывала черная ткань, вышитая золотыми узорами. Царь сѣлъ за отдѣльный столъ, серебряный съ позолотою, накры-

тый скатертью, вышитою золотомъ. По лѣвую руку его, за другимъ столомъ, сидѣлъ воевода съ своими пріятелями, а подлѣ него, за третьимъ столомъ, противъ царскаго, помѣстили насъ, слугъ, попарно съ Русскими, которые насъ потчивали. Тарелокъ намъ не подали: дали ихъ только четыремъ панамъ, да и то, сказалъ Димитрій, онъ сдѣлалъ это противъ обычая. По правую руку царя сидѣли сенаторы, коихъ по-Русски называютъ думными боярами. Воды не подавали. Изъ огромнаго, вышиною въ человѣка, серебрянаго съ позолотою сосуда вода лилась кранами въ три таза: но никто не мылъ рукъ. Вся комната, до самого потолка, была наполнена столовою посудою, по большей части золотою и серебряною. Она представляла львовъ, драконовъ, единороговъ, оленей, грифовъ, ящерицъ, лошадей и тому подобное. Когда усѣлись за столы, принесли кушанье разнаго сорта, рыбное: это случилось въ пятницу. Сначала уставили блюдами одного сорта весь столъ вдоль, такъ что одно блюдо было отъ другого не далѣе трехъ четвертей аршина. Снявъ первое блюдо, ставили такимъ же образомъ другое, потомъ третье и т. д. Хлѣба на столѣ не было; но когда сѣли за него, царь разослалъ каждому по большому ломтю бѣлаго хлѣба, изъ коего мы сдѣлали себѣ тарелки. Обѣдъ продолжался нѣсколько ча-

совъ. Подавали весьма много вкуснаго пирожнаго, разнымъ способомъ приготовленнаго. Наконецъ дошло до напитковъ. Сначала выпилъ царь, сперва за здоровье воеводы, потомъ за здоровье родственниковъ его; намъ же, изъ царской милости, пожаловано по чаркѣ вина. Послѣ того поставили на столъ, въ золотыхъ сосудахъ, множество меда, подслащеннаго пива и другихъ напитковъ, чего кто хотѣлъ. Прислуживаютъ за царскими столами просто, безъ поклоновъ; даже стольники не снимаютъ шапокъ и только слегка наклоняютъ голову. Послѣ обѣда закусокъ не было; только принесли небольшое блюдо съ сливами, которыя царь своеручно раздавалъ стольникамъ, въ знакъ своего благоволенія къ ихъ службѣ. Таковъ обычай царей Московскихъ!«

Въ слѣдующіе пять дней шли также пиры и забавы. Между тѣмъ панна Марина окончила свое торжественное шествіе къ Русской столицѣ и остановилась за 14 верстъ отъ нея, на лугахъ Москвы-рѣки, гдѣ, на подобіе города, разбиты были для нея драгоцѣнные шатры. Тамъ, наканунѣ, Димитрій забавлялся охотою съ нареченнымъ тестемъ своимъ, убилъ собственною рукою огромнаго медвѣдя, обѣдалъ подъ этими шатрами и оставилъ невѣстѣ, въ устахъ усердныхъ слугъ, ужасающую и чарующую женское сердце исто-

рію опаснаго своего подвига (8). Проведя дня два въ отдыхѣ и принявъ дары отъ Московскихъ купцовъ и мѣщанъ, Марина двинулась далѣе. Впереди ѣхали тысячи боярскихъ дѣтей, провожавшихъ ее отъ самой границы, съ луками и стрѣлами; за ними 200 Польскихъ гусаръ Сендомирскаго воеводы, съ бѣлыми и красными значками на пикахъ; далѣе знатнѣйшіе дворяне, также сынъ, зять и братъ воеводы, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, на красивыхъ коняхъ Турецкихъ, которыхъ сбруя была украшена золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. Воевода ѣхалъ подлѣ кареты своей дочери на превосходномъ аргамакѣ, въ багряно-парчовомъ кафтанѣ, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; шпоры и стремена были изъ литого золота, съ бирюзовыми накладками. Невѣста сидѣла въ каретѣ, обитой зеленою парчою; кучеръ былъ въ зеленомъ шолковомъ кафтанѣ; ее везли 8 бѣлыхъ Турец-

---

(8) *Дневн. Марины Мнишекъ*, 28: »Царь ѣздилъ съ паномъ воеводою на охоту. Въ числѣ разныхъ звѣрей, выпустили медвѣдя: когда никто изъ пановъ не отваживался вступить съ нимъ въ бой, вышелъ самъ царь и, однимъ ударомъ рогатины убивъ медвѣдя, саблею отсѣкъ ему голову, при радостныхъ восклицаніяхъ Москвитянъ. Ударъ рогатиною былъ такъ силенъ, что рукоятка оной разлетѣлась въ дребезги.«

*

кихъ коней, выкрашенныхъ, отъ копытъ до половины тѣла, красною краскою; сбруя на нихъ красная, бархатная, съ серебряными вызолоченными застежками. За невѣстою въ четырехъ каретахъ ѣхали ея женщины въ богатыхъ нарядахъ, а по сторонамъ шли 300 гайдуковъ, очень красиво одѣтыхъ въ голубыя суконныя платья, съ длинными бѣлыми перьями на шапкахъ-Венгеркахъ.

На ружейный выстрѣлъ отъ Москвы, приготовлено было для нея два великолѣпныхъ шатра, съ разостланными передъ входомъ коврами. Марина остановилась и вступила въ одинъ изъ шатровъ, а въ другой вошелъ отецъ ея; обоихъ окружали приближенныя особы. Опустясь на богатыя кресла, стоявшія посрединѣ, Марина выслушала привѣтственную рѣчь отъ князя Мстиславскаго и бояръ, которые, низко кланяясь, изъявляли ей свое вѣрноподданство. Воеводѣ въ другомъ шатрѣ сдѣлано также торжественное привѣтствіе. Отецъ и дочь получили отъ царя новые подарки. Воеводѣ подаренъ былъ конь въ богатѣйшемъ уборѣ, оцѣненный Поляками во сто тысячь злотыхъ, а паннѣ Маринѣ — двѣнадцать верховыхъ коней въ богатыхъ чепракахъ и сѣдлахъ, подъ дорогими покрывалами изъ рысьихъ и барсовыхъ мѣховъ, съ золотыми удилами, съ серебряными стременами; каждаго

коня велъ особый конюхъ въ великолѣпной одеждѣ. Кромѣ того, прислана ей отъ царя вызолоченная карета, обитая внутри краснымъ бархатомъ, съ парчовыми, унизанными жемчугомъ подушками, и запряженная десятью Ногайскими лошадьми въ раззолоченной сбруѣ изъ краснаго бархату. Лошади были всѣ бѣлыя съ черными пятнами, какъ львы и леопарды, и такъ похожи одна на другую, что трудно было различить. Едва Марина поднялась съ креселъ, нѣсколько знатнѣйшихъ особъ взяли ее на руки и посадили въ новую карету. Шествіе двинулось далѣе, между двухъ рядовъ стрѣльцовъ пѣшихъ, одѣтыхъ въ красные кафтаны съ красною перевязью на груди, вооруженныхъ красноложими ружьями, и конныхъ, одѣтыхъ также, но съ луками и стрѣлами на одной и съ привязанными къ сѣдламъ ружьями на другой сторонѣ. Вмѣстѣ съ стрѣльцами стояло 200 Польскихъ гусаръ съ литаврами и трубами, которыхъ у Москвичей не было вовсе. Всѣ Московскіе колокола загудѣли разомъ и не умолкали до конца шествія. Впереди кареты царской невѣсты шло 300 гайдуковъ, играя на флейтахъ и гремя въ барабаны; потомъ ѣхали, по 10 въ рядъ, царскіе гвардейцы; за ними вели двѣнадцать верховыхъ лошадей, подаренныхъ Маринѣ. Потомъ ѣхали на коняхъ Русскіе дворяне и боярскіе дѣти, а

за ними Польскіе паны и самъ воевода, сопровождаемый одѣтымъ по-Турецки Арапомъ. Вслѣдъ за ними медленно подвигалась впередъ карета царской невѣсты; лошадей вели конюхи подъ уздцы. Карету окружали Польскіе гайдуки, и знатнѣйшіе Русскіе сановники. При ней шли шесть лакеевъ, одѣтыхъ въ зеленые бархатные кафтаны съ золотыми позументами и въ алые плащи; по обѣимъ сторонамъ ея — вторая и третья сотни Нѣмецкихъ аллебардщиковъ. За каретою и вельможами — сотня козаковъ; за ними четыре конюха вели двухъ богато убранныхъ верховыхъ лошадей, принадлежащихъ царской невѣстѣ; потомъ везли собственную ея карету, запряженную восьмю конями сѣрыми въ яблокахъ, съ красными хвостами и гривами. Далѣе, въ каретѣ шестеркою ѣхала ея гофмейстерина, пани Казановская; за нею слѣдовали еще 13 каретъ, въ которыхъ сидѣли Польки изъ невѣстиной свиты; а позади ихъ всадники, прибывшіе съ Мариною изъ Польши, въ панцыряхъ и въ полномъ вооруженіи, съ трубами и флейтами. Русская конница съ своими набатами заключала шествіе; а потомъ уже тянулся Польскій обозъ съ поклажею и припасами. Всѣ Московскіе колокола гудѣли безъ-умолку; всѣ барабаны грохотали; всѣ трубы ревѣли; о тактѣ и гармоніи никто не думалъ: Московская музыка тогдашняя, по словамъ

иностранцевъ, похожа была больше на собачій лай, нежели на музыку; производя несносный шумъ, она заглушала Польскіе флейты, но и сама терялась въ говорѣ безчисленнаго множества народу, въ стукѣ экипажей, въ топотѣ и ржаньи лошадей. Картина въѣзда Марины имѣла характеръ Восточныхъ церемоній: пышность, блескъ, яркость красокъ и оглушительная дисгармонія музыкальныхъ инструментовъ.

Общая дивовижа была, однакожъ, возмущена внезапною бурею, которая поднялась во время шествія между Никитскою и Кремлевскими воротами. Москвичи вспомнили въѣздъ Димитрія и назвали это новымъ предзнаменованіемъ ужасныхъ бѣдствій. Умы были настроены къ ожиданію смутъ уже однимъ необычайнымъ множествомъ свадебныхъ гостей. Всѣ Поляки были вооружены съ головы до ногъ, смотрѣли на Москвичей гордо, обходились съ ними не какъ гости съ хозяевами, но какъ повелители со слугами. Димитрій отвелъ панамъ въ городѣ лучшіе дома боярскіе, купеческіе, монастырскіе, и они заняли свои квартиры съ такою наглостью, какъ-будто взяли Москву приступомъ (9). Хозяева съ стѣсненнымъ сердцемъ по-

---

(9) *Сказ. о Гр. Отрепьевѣ*, 21: »И бысть мятежъ великой и крикъ, и вопль многъ, и изъ дворовъ добрыхъ

корствовали царскимъ гостямъ и съ ужасомъ разглашали вездѣ, что гости вынимаютъ изъ повозокъ по пяти и по шести ружей. Тогда-то стали жалѣть о Борисѣ, какъ о царѣ благочестивомъ и мудромъ, и вездѣ пошелъ говоръ, что Поляки съ Нѣмцами намѣрены перебить всѣхъ горожанъ.

людей мятаху и выбиваху насильно, на дворѣхъ же имаху всякіе запасы, и грабляху до конца, и насиліе бысть великое всѣмъ добрымъ людямъ.«

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Заговоръ Шуйскаго. — Польскіе послы. — Сопротивленіе браку со стороны духовенства. — Новыя причины къ неудовольствіямъ народа. — Свадьба и коронація Марины. — Столкновеніе національностей. — Наглость Поляковъ. — Дѣйствія заговорщиковъ. — Дерзкія рѣчи на площади. — Доносы. — Явные признаки мятежа. — Безпечность Димитрія. — Ночь съ 16 на 17 мая. — Мятежъ. — Смерть Басманова. — Безсильный гнѣвъ, отчаяніе, бѣгство Димитрія. — Марина пощажена. — Стрѣльцы сражаются за царя. — Рѣчь Шуйскаго. — Убійство Димитрія. — Поруганіе тѣла Димитріева. — Избіеніе Поляковъ. — Бояре утишаютъ мятежъ. — Судьба Марины. — Избраніе Шуйскаго въ цари. — Разсказы о Димитріевомъ тѣлѣ. — Сожженіе его останковъ. — Слухи о его спасеніи.

Шуйскій, между тѣмъ, не дремалъ съ своимъ замысломъ: въ общей суматохѣ ему было безопаснѣе вести переговоры съ избранными ненавистниками Димитрія и иноземцевъ. Онъ созвалъ въ свой домъ многихъ бояръ, купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и объявилъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности, что самъ Димитрій

Полякъ и предалъ столицу въ руки своихъ земляковъ, что бояре признали его царевичемъ только для сверженія Бориса, но горько ошиблись въ надеждѣ на перемѣну къ лучшему, что, для спасенія вѣры и отечества, остается теперь одна рѣшительная мѣра — истребить его внезапно вмѣстѣ съ его любимцами. »Я снова«, говорилъ онъ, »готовъ на все за вѣру православную; помогите только вы мнѣ съ усердіемъ и неизмѣнною вѣрностью. Пускай каждый сотникъ объявитъ подчиненнымъ, что царь самозванецъ и замышляетъ злое съ своими Поляками; пускай условятся съ горожанами, какъ отклонить бѣду. Стоитъ только назначить ночь, чтобъ избить ихъ сонныхъ, вмѣстѣ съ обманщикомъ.« Заговорщики поклялись хранить тайну и начали работать въ толпахъ народа, подбирая себѣ соучастниковъ. Но большинство было на сторонѣ царя; ненавидѣли только иноземцевъ и желали имъ гибели. Поэтому рѣшено было, въ кругу отъявленныхъ заговорщиковъ, по первому набату броситься во дворецъ и кричать: »Поляки губятъ царя!« тутъ окружить Димитрія, подъ предлогомъ защиты, и предать смерти; потомъ ворваться въ Польскія жилища, означенныя заблаговременно Русскими буквами, и истребить всѣхъ, кромѣ Нѣмцевъ, которые всегда служили Россіи вѣрно.

Такой обширный кругъ заговорщиковъ не могъ утаиться; кое-что было узнано. Но Димитрій, подъ вліяніемъ оживлявшей его радости, былъ еще самонадѣяннѣе прежняго: онъ полагался и на большинство своихъ приверженцевъ въ простонародьи, и на помощь стрѣльцовъ и иноземцевъ. Поздо узналъ онъ, что безоружное простонародье безсильно противъ ратныхъ людей и что Поляки, размѣщенные по городу отдѣльными толпами, не въ состояніи помочь ему.

За часъ до въѣзда Марины, прибыли въ Москву послы короля Сигизмунда, Олесницкій и Гонсѣвскій, изъ которыхъ послѣдній былъ въ Москвѣ въ то время, когда происходило въ Краковѣ обрученіе, и спорилъ уже разъ съ Димитріемъ за царскій титулъ. Король, воспользовавшись оказаннымъ ему недавно покровительствомъ, хотѣлъ поставить его ниже себя и въ поздравительной грамотѣ называлъ его просто великимъ княземъ. А Димитрій, съ своей стороны, желая возвысить честь Русскаго престола въ глазахъ народа, перетолковалъ слово *царь* Римскимъ титуломъ *цезарь* и прибавилъ къ нему *непобѣдимый*. Польскіе паны рады и король вознегодовали на такое высокомѣріе, однакожъ, сознавая важность союза съ Димитріемъ, рѣшились не разрывать съ нимъ связей за пустые титулы и отправили Олесницкаго и Гон-

сѣвскаго присутствовать у него на свадьбѣ вмѣсто короля. 3 мая было торжественное ихъ представленіе, и какъ грамота королевская была опять не только безъ императорскаго, но и безъ царскаго титула, то Димитрій не принялъ ее и, на жалобы пословъ, отвѣчалъ: »Необыкновенное и неслыханное дѣло, чтобъ монархи, возсѣдая на тронѣ, спорили съ послами; но король Польскій, опуская наши титулы, принуждаетъ насъ къ сему. Отъ пословъ нашихъ и отъ старосты Велижскаго, бывшаго здѣсь недавно и подобно вамъ спорившаго о нашихъ титулахъ, королю Польскому уже извѣстно, что мы не только князь, не только господарь, не только царь, но также императоръ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Самъ Богъ даровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ его *не одними словами, подобно другимъ,* но самымъ дѣломъ, по всей справедливости, когда ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе монархи, ни самые цесари Римскіе не имѣли на оный болѣе насъ права и преимущества. Мы не можемъ довольствоваться титуломъ княжескимъ, господарскимъ; ибо не только князья и господари, но, Божію милостію, и короли состоятъ подъ скипетромъ нашимъ и намъ служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полночныхъ: никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ. Къ тому же всѣ государи признаютъ насъ

императоромъ; одинъ король Польскій на сіе не соглашается.«

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, посолъ Олесницкій, сказавъ, что онъ Полякъ, человѣкъ народа вольнаго, и потому привыкъ говорить свободно; рѣзко упрекалъ Димитрія въ несправедливомъ присвоеніи императорскаго титула и въ неблагодарности за покровительство, оказанное ему Польскимъ королемъ. Димитрій не оскорблялся, отложилъ доказательства правъ своихъ до особеннаго засѣданія думныхъ бояръ и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не какъ посла, но какъ стараго пріятеля. Но гордый панъ отказался отъ чести поцѣловать царскую руку и настоялъ, чтобъ его приняли, какъ посла. Потомъ, когда Димитрій спросилъ о здоровьи Сигизмунда сидя, онъ напомнилъ ему непріличіе такого поведенія, и царь долженъ былъ привстать съ престола и снять корону.

Свадьба не могла совершиться немедленно, потому что встрѣтилось затрудненіе со стороны духовенства: Казанскій митрополитъ Гермогенъ и Коломенскій епископъ Іоасафъ объявили, что Марину должно сперва крестить, и тогда только она можетъ быть обвѣнчана съ »Христіянскимъ государемъ«. При содѣйствіи патріарха Игнатія, Гермогена заточили въ дальній монастырь, а Іоасафа оставили еще, до нѣкотораго

времени, въ Москвѣ. Рѣшено было вѣнчать Марину безъ перемѣны вѣры.

Пока происходили эти событія и дѣлались приготовленія къ свадьбѣ, невѣста царская жила въ монастырѣ у мнимой матери Димитрія. Монастырская пища не нравилась изнѣженной Полькѣ, и женихъ прислалъ къ ней поваровъ ея отца, велѣвъ отдать имъ ключи отъ погребовъ и кладовыхъ (1). Москвичи съ ужасомъ узнали, что монастырскія кухни оскверняются

---

(1) *Дневн. Марины Мнишекъ*, 43. Далѣе: »Камерфрейлинамъ также приказано было прислуживать царицѣ. Онѣ весьма грустили, опасаясь вѣчной неволи, — царь обѣщалъ каждой свободу возвратиться въ отечество.... $^{13}/_{3}$ мая Димитрій подарилъ царицѣ шкатулку съ дорогими вещами, цѣною, какъ сказывали, въ 500,000 рублей, дозволивъ ей дарить изъ оной, что кому пожелаетъ. Воеводѣ же далъ 100,000 злотыхъ, велѣвъ отослать ихъ въ Польшу на уплату долговъ. Но прежде, чѣмъ успѣли увезти сію сумму, мы нѣсколько облегчили ее. Сверхъ того, воевода получилъ отъ царя въ подарокъ сани обитые пестрымъ бархатомъ; покрывало на нихъ красное, по угламъ вышитое жемчугомъ; коверъ и одѣяло подбиты соболями; крылья и оглобли увиты бархатомъ, а по мѣстамъ серебромъ; у хомута развѣшено сорокъ соболей; лошадь запряжена бѣлая; козлы серебромъ окованы; капоръ унизанъ жемчугомъ. — Царица много вещей изъ своей шкатулки раздарила родственникамъ.«

мясною пищею, что будущая царица по середамъ и пятницамъ ѣстъ скоромное и во всемъ ведетъ себя, какъ »некрещенная Латинка«. Соблазнъ еще увеличился, когда Димитрій, навѣщая невѣсту вмѣстѣ съ ея родственниками и друзьями, сталъ привозить съ собою музыку и легкомысленно предаваться въ обители молитвъ свѣтскимъ удовольствіямъ. Слова Шуйскаго, что Димитрій Полякъ, болѣе и болѣе переходили въ народное убѣжденіе. Все тогда стало истолковываться еретичествомъ и желаніемъ уничтожить въ Россіи православіе. Такъ переѣздъ Марины передъ свадьбою въ царскій дворецъ, во второмъ часу ночи, при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ показался народу дѣломъ, угоднымъ мрачному духу тьмы. Желаніе Марины вѣнчаться въ Польскомъ костюмѣ также возбудило негодованіе Москвичей, и бояре, дѣйствовавшіе уже смѣло, настояли, чтобъ на царицѣ былъ уборъ Русскій. Димитрій съ досадою уступилъ имъ, сказавъ, что одинъ день ничего не значитъ, и позволилъ одѣть невѣсту въ *тяжкій* нарядъ до того богатый, что за золотомъ, за жемчугомъ и драгоцѣнными камнями почти совсѣмъ не видно было ни матеріи на платьи изъ краснаго бархату съ широкими рукавами, ни сафьяну на сапогахъ съ высокими кованными каблуками. Но всего больше возбудило негодованія въ народѣ пре-

небреженіе Димитрія къ церковнымъ уставамъ, выказанное избраніемъ дня для свадьбы: свадьба была совершена 9 мая, съ четверга на пятницу, на Николинъ день. Теперь-то Димитрій расточилъ весь блескъ великолѣпія, который уменьшилъ во время своей коронаціи. Вездѣ разостланы были красные бархаты, золотая парча, вездѣ наряды не только бояръ, дворянъ, но и простыхъ горожанъ сіяли шолкомъ, сребромъ и золотомъ. Царь хотѣлъ изумить гостей роскошью; но и гости, съ своей стороны, не думали уступить Москвичамъ: бархатъ и шолкъ расточались не только на пышные ихъ кунтуши, не только на чепраки и попоны гордыхъ коней панскихъ, но и на одежду простыхъ слугъ.

Обрядъ вѣнчанья соединенъ былъ съ другимъ, небывалымъ дотолѣ въ Россіи, обрядомъ: Марина была коронована. При этомъ католикамъ показалось неучтивствомъ, что для нихъ не приготовили сѣдалищъ, и королевскіе послы громко потребовали себѣ креселъ. Царь сказалъ имъ черезъ Власьева, что въ Русскихъ церквахъ не сидятъ и самъ онъ сидитъ только по случаю коронаціи. Но вельможные паны не успокоились отъ этого отвѣта и, отойдя въ сторону, сѣли на чемъ могли, къ великому соблазну православныхъ.

Въ запискахъ иноземцевъ характеристически рас-

казано, какъ царь обходился въ церкви съ своими вельможами: »Не излишнимъ будетъ упомянуть, какимъ образомъ царь, въ продолженіе этого обряда, хотѣлъ показать посламъ свое величіе: подозвавъ знатнѣйшаго сенатора, Василія Ивановича Шуйскаго, онъ велѣлъ подставить себѣ скамейку и положить на нее свои ноги; то же приказалъ сдѣлать и брату его, Димитрію Шуйскому; потомъ выслалъ ихъ обоихъ съ какимъ-то повелѣніемъ; вмѣсто ихъ, подозвалъ другихъ знатныхъ бояръ и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; выславъ и этихъ, призвалъ снова другихъ князей. Такъ онъ подзывалъ и высылалъ своихъ вельможъ нѣсколько разъ. Всѣ они должны были исполнять такія порученія, какихъ наши государи не даютъ и послѣднему дворянину.«

При выходѣ изъ церкви, осыпали царя золотыми монетами, на которыя толпа бросилась, тѣсня и толкая другъ друга. Пишутъ, что многіе дрались даже палками и что въ суматохѣ досталось довольно палочныхъ ударовъ и Полякамъ изъ посольской свиты. Приннявъ такіе подарки съ огорченіемъ, они разъѣхались по квартирамъ и не провожали царя во дворецъ.

Подходя къ палатамъ, Димитрій замѣтилъ толпу знатныхъ пановъ и приказалъ бросить въ нее нѣсколько Португальскихъ червонцевъ; но никто изъ нихъ

не поднялъ ихъ; даже, когда два червонца упали одному цану на шляпу, онъ стряхнулъ ихъ долой.

Это было столкновеніе двухъ націй, изъ которыхъ каждая, въ лицѣ своихъ представителей, старалась возвысить свое достоинство. Такъ Польскіе послы отказались присутствовать на свадебномъ пиру Димитрія оттого, что имъ не дано мѣста за однимъ столомъ съ царемъ и царицею. Объ этомъ шли у нихъ долгіе переговоры съ Власьевымъ, которому они напоминали, какъ онъ, будучи царскимъ посломъ въ Краковѣ, сидѣлъ за обѣдомъ вмѣстѣ съ королемъ. Власьевъ отвѣчалъ на это очень оригинально: »Правда, я, бывъ посланникомъ, имѣлъ мѣсто за однимъ столомъ съ королемъ вашимъ, но это случилось потому, что за тѣмъ же столомъ сидѣли послы папскій и цесарскій; слѣдовательно меня посадить за другимъ столомъ было невозможно. Нашъ цесарь не только не менѣе папы и Римскаго цесаря, но еще болѣе: у нашего преславнаго цесаря каждый попъ — папа.« Димитрій хотѣлъ показать Русскимъ, что ни союзъ, ни родство съ Поляками не могутъ заставить его низойти, хоть одною ступенью ниже, съ высоты Московскаго престола. Онъ обѣщалъ Польской республикѣ уступки другого рода, но не дозволилъ посламъ сидѣть съ собою и даже тестя своего, гордаго воеводу Сендомирскаго, застав-

лялъ стоять почтительно у царскаго стола во все время обѣда, вмѣстѣ съ знатною Полькою, Тарло.

Но этому величію предназначено было сіять еще лишь нѣсколько дней. Заговорщики дѣйствовали не въ одной Москвѣ, но склонили и Новгородцевъ, старыхъ приверженцевъ рода Шуйскихъ, дѣйствовать противъ Самозванца. Гибель Димитрія и многихъ Поляковъ была близка. Поляки приспѣшили ее собственнымъ безразсудствомъ. Ихъ набралось тогда въ Москвѣ около 4 тысячъ, и все это была, по большей части, молодежь, своевольная и жаждущая разгульныхъ удовольствій. Не разъ, возвращаясь съ веселаго пира, вооруженныя толпы Поляковъ пробѣгали ночью по Московскимъ улицамъ съ музыкой, плясками и бѣшеными восклицаніями, не спускали никому встрѣчному, рубили саблями горожанъ, вытаскивали изъ колымагъ знатныхъ Московокъ и безчестили среди улицъ, вламывались даже въ дома и на всякомъ шагу, пьяные и трезвые, выказывали презрѣніе ко всему Русскому. Царь, среди свадебныхъ праздниковъ, не могъ всего этого знать, — иначе онъ не спустилъ бы Полякамъ, какъ и прежде, когда, послѣ одной ссоры ихъ съ Русскими, онъ вытребовалъ отъ нихъ зачинщиковъ и посадилъ въ тюрьму. Теперь бояре съ умысломъ не доводили до его свѣдѣнія неистовствъ

Поляковъ; а между тѣмъ народъ все болѣе и болѣе убѣждался, что царь не истинный Димитрій и что страшная бѣда грозитъ отечеству.

Объ этомъ говорили уже вслухъ на всѣхъ рынкахъ. Нѣмецкіе аллебардщики, схвативъ одного изъ дерзкихъ говоруновъ, привели во дворецъ и донесли царю, что Москвичи затѣяли мятежъ. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, велѣлъ своей гвардіи быть безотлучно во дворцѣ и приказалъ допросить возмутителя. Но бояре увѣрили царя, что виновникъ болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ. »Не слушай, царь«, говорили они, »лихихъ наушниковъ, Нѣмцевъ. У тебя ли нѣтъ силы для усмиренія мятежа, если бъ его и затѣяли?« Знали бояре слабую сторону характера его — самонадѣянность и хвастовство неустрашимостью; знали и то, какую важность придаетъ онъ приверженности къ себѣ простонародья, на котораго судъ онъ любилъ отдавать своихъ обличителей и заговорщиковъ: ихъ увѣренія успокоили Димитрія, который безъ этого, можетъ быть, сдѣлалъ бы попытку къ разузнанію тайныхъ сѣтей, раскинутыхъ на его пагубу, и отвратилъ бы свою гибель.

Сдѣлавъ отводъ для большинства его приверженцевъ условными словами: »Поляки губятъ царя«, бо-

яре продолжали уменьшать это большинство возмутительными слухами, которые проносили въ толпахъ ихъ темные клевреты. Начальники Нѣмецкой гвардіи, три дня сряду, доносили царю на бумагѣ о таящейся въ Москвѣ измѣнѣ; но царь, въ ослѣпленіи своимъ могуществомъ, твердилъ: »Все это пустяки!« и оставлялъ безъ изслѣдованія доносы ихъ. Не образумили его и толпы народа, собиравшіяся ночью на улицахъ съ намѣреніемъ разбивать дворы, наполненные Поляками: это казалось ему національною враждою къ иноземцамъ и завистью нищей сволочи къ богатству свадебныхъ гостей. Поляки, увѣдомленные также Нѣмцами о заговорѣ, донесли о томъ царицѣ; но когда доносъ дошелъ до Димитрія, онъ смѣялся трусости пановъ и отправилъ къ посламъ Бучинскаго съ успокоеніемъ: »Я«, говорилъ онъ, »такъ хорошо взялъ въ руки свое государство, что безъ моей воли ничего быть не можетъ.« Паны, однакожъ, не успокоились, и нѣкоторые изъ нихъ учредили на своихъ дворахъ крѣпкую дневную и ночную сторожу.

За два дня до условленнаго къ мятежу времени, волненіе затихло, но это было оттого, что всѣ заговорщики готовились на рѣшительный ударъ. Еще разъ, на канунѣ, обнаружился признакъ, который, по-видимому, долженъ бы былъ встревожить всякаго; но Ди-

митрій, обреченный уже на смерть судьбою, равнодушно смотрѣлъ на сгущающіяся вокругъ него тучи. Въ Москвѣ перестали продавать Полякамъ порохъ и оружіе. Жолнеры Польскіе сказали объ этомъ Юрію Мнишку, а Мнишекъ царю; но тотъ принялъ его доносъ, какъ безпокойство трусливаго человѣка. Онъ уже освоился съ небольшими вспышками народнаго неудовольствія. Безпрестанныя доносы только раздражали его. Онъ досадовалъ, что ему не даютъ веселиться въ первые дни супружества, и велѣлъ даже наказывать иныхъ доносщиковъ. Вниманіе его, въ эти предсмертные дни, было обращено больше всего на приготовленіе великолѣпнаго конскаго ристалища, турнира и огнестрѣльной потѣхи.

Эти приготовленія дали врагамъ Димитрія новое средство внушить народу, что царь, подъ видомъ ристанія, готовится истребить знатнѣйшихъ бояръ, дворянъ, головъ, сотниковъ, стрѣльцовъ и, вмѣстѣ съ ними, простолюдиновъ, которые за нихъ вступятся.

Приспѣло, наконецъ, время, когда партія Шуйскаго начала дѣйствовать рѣшительно. Вечеромъ, съ 16 на 17 мая, въ восьмые сутки послѣ свадьбы Димитріевой, въ пятницу, бояре отдали, именемъ царскимъ, Нѣмецкой гвардіи приказъ разойтись по домамъ, такъ что во дворцѣ осталось только 30 аллебардщиковъ, и въ

ту же ночь впустили въ Москву 18 тысячь стрѣльцовъ, которые были отправлены царемъ къ Ельцу и ожидали умышленнаго вмѣстѣ съ боярами бунта въ милѣ отъ города; заняли всѣ 12 городскихъ воротъ и не пускали никого ни въ Москву, ни изъ Москвы.

Поляки, между тѣмъ, мирно спали, утомленные вечерними пирами и успокоенные тѣмъ, что истекшія сутки прошли въ совершенной тишинѣ, со стороны Москвичей. Димитрій также, наканунѣ, долго веселился и поздо легъ въ постель. Въ царскихъ покояхъ было только нѣсколько слугъ изъ Поляковъ и немного музыкантовъ. Тамъ же спалъ и вѣрный Басмановъ, на этотъ разъ такъ хитро обойденный боярами, что вовсе не воображалъ, до какой степени доведено ихъ дѣло.

Василій Шуйскій и его соучастники, бояре, дѣти боярскіе, стрѣльцы и отважнѣйшіе изъ торговыхъ людей, всего человѣкъ 200, провели ночь въ совѣщаніяхъ и въ разъѣздахъ по городу. Они таинственно окликали дома своихъ товарищей, также безъ сна ожидавшихъ набата; клали роковыя надписи на воротахъ домовъ, занимаемыхъ Поляками; осматривали стражу, разставленную у въѣздовъ въ Москву; наконецъ съѣхались на Красной площади, и, едва восходящее солнце сверкнуло по ихъ тяжелымъ латамъ, кольчугамъ,

шишакамъ, рогатинамъ и боевымъ сѣкирамъ, ударили въ колоколъ у Ильи Пророка. На этотъ сигналъ отвѣчали по всѣмъ церквамъ въ Ильинской улицѣ, потомъ въ Успенскомъ соборѣ, и черезъ минуту загудѣло по всей Москвѣ нѣсколько тысячь колоколовъ. Прежде всего прибѣжали на Красную площадь люди, составлявшіе ближайшій кругъ приверженцевъ Шуйскаго. Ихъ подкрѣпляли преступники, выпущенные изъ темницъ и наскоро вооруженные копьями, протазанами, кольями и чѣмъ ни попало. Не дожидаясь большаго многолюдства, опаснаго для предпринятаго дѣла, Шуйскій повелъ отважную толпу въ Кремль черезъ Спаскія ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ. А между тѣмъ особо изготовленныя толпы обступили квартиры Поляковъ и не позволяли никому выдти за ворота. На вопросы прибывающихъ съ каждой минутой жителей, клевреты Шуйскихъ отвѣчали: »Въ Кремль! въ Кремль! Поляки губятъ царя!« Народъ, не зная ничего о замыслѣ противъ Димитрія, неистово толпился въ Кремль, гдѣ уже густая толпа вооруженныхъ обступила бурнымъ приливомъ царскія палаты.

Димитрій, лишь только услышалъ набатъ, выслалъ Басманова узнать, что за тревога. Встрѣчные бояре отвѣчали ему, съ простодушнымъ видомъ, что и они

не знаютъ, отъ чего взволновалась Москва: видно случился гдѣ-нибудь пожаръ. Но едва успѣлъ Басмановъ передать царю этотъ отвѣтъ, какъ до слуха его долетѣли буйные вопли тысячи голосовъ. Онъ взглянулъ въ окно — весь дворъ кипѣлъ сверкающими копьями, сѣкирами, саблями. Не теряя духа, царь выслалъ Басманова въ другой разъ, а самъ спѣшилъ одѣться. Но лишь показался Басмановъ на крыльцѣ, какъ его оглушили ругательства и восклицанія: »Выдай Самозванца!« Басмановъ бросился назадъ, приказалъ стражѣ защищать входъ и въ отчаяньи прибѣжалъ къ царю съ страшнымъ извѣстіемъ. Нѣмцы увидѣли тогда, что дались съ вечера въ обманъ боярамъ, и такъ смутились, что позволили прорваться въ царскій покой одному изъ самыхъ горячихъ патріотовъ. »Ну, безвременный царь!« закричалъ онъ, »проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?« Тутъ Басмановъ схватилъ со стѣны царскій палашъ и снесъ ему голову. Димитрій, вмѣсто ужаса, вскипѣлъ гнѣвомъ, побѣжалъ въ сѣни, гдѣ стояли алебардщики, выхватилъ мечъ у Курляндскаго дворянина, Вильгельма Шварцгофа, и велѣлъ отворить дверь, какъ-будто его силы было достаточно для сраженія тысячей. »Я вамъ не Борисъ!« кричалъ онъ къ мятежникамъ, грозя мечомъ и требуя покорности. Вы-

стрѣлы, посыпавшіеся прямо въ дверь, заставили, однакожъ, его опомниться Онъ удалился во внутренніе комнаты успокоить жену, предоставя Басманову дѣлать, что можно. Басмановъ вышелъ на крыльцо и старался склонить бояръ въ пользу царя. Но изъ толпы ихъ выдвинулся Татищевъ, — тотъ самый, которому недавно вымолилъ онъ прощеніе, — и, прогремѣвъ нѣсколько ругательствъ, ударилъ Басманова длинным ножомъ въ грудь. Басмановъ повалился мертвый. Тогда бояре, ободренные смертью этого храбраго и неустрашимаго человѣка, столкнули его тѣло съ крыльца, бросились въ сѣни и требовали у гвардейцевъ выдачи Самозванца. Димитрій еще разъ явился передъ толпою съ палашомъ, надѣясь разогнать ее съ помощью тѣлохранителей; но скоро убѣдился въ совершенномъ своемъ безсиліи. Москвичи вырубили топорами нѣсколько бревенъ въ стѣнѣ, вломились въ покои и обезоружили стрѣлковъ Маржеретовыхъ; царь съ пятнадцатью аллебардщиками едва успѣлъ уйти во внутреннія комнаты. Нѣмцы заперли ихъ и стали за дверьми. Тутъ-то почувствовалъ онъ всю муку поздняго сожалѣнія о своей оплошности. Страстно любимая жена, прелесть верховной власти, великія правительственныя предпріятія, слава завоеваній и больше всего жизнь, горячая, исполненная сильныхъ душев-

ныхъ волненій, жизнь, съ которою должно теперь разстаться, — все это вмѣстѣ отозвалось въ душѣ его и повергло его въ самое горькое отчаянье. Онъ бросилъ палашъ и молча рвалъ на себѣ волосы; потомъ удалился въ другую комнату.

Между тѣмъ выстрѣлы сыпались въ дверь и заставили Нѣмцевъ отойти въ сторону. Топоры раздробили дверь; комната наполнилась грозными фигурами патріотовъ. Нѣмцы должны были отступить въ слѣдующій покой. Опять заперли двери, но знали, что это не надолго удержитъ напоръ преслѣдователей. Изукрашенные аллебарды были для нихъ плохой защитою. Видя, что и въ этомъ покоѣ дверь уступаетъ выстрѣламъ и ударамъ обуховъ, они отступили къ слѣдующей; но тамъ не было уже царя. Пробѣжавъ царицыны комнаты, онъ сказалъ ей, что всему конецъ, присовѣтовалъ, какъ спасти жизнь, и пустился далѣе изъ комнаты въ комнату. Рядъ покоевъ привелъ его, наконецъ, къ каменному дворцу; онъ выскочилъ въ окно на подмостки, устроенныя для свадебнаго праздненства, хотѣлъ спрыгнуть на другія, оступился, упалъ съ пятнадцати-саженной высоты и вывихнулъ ногу. Тогда изчезла и послѣдняя надежда на спасеніе.

Между тѣмъ преслѣдователи Самозванца, обезоруживъ, наконецъ, Нѣмцевъ, искали его по всѣмъ комна-

тамъ и достигли покоевъ Марины. Женщины съ ужасомъ прислушивались къ ихъ грознымъ голосамъ, подступавшимъ ближе и ближе. Царица, узнавъ отъ мужа объ опасности, сперва сбѣжала внизъ и спряталась, было въ подвалѣ; но скоро убѣдилась, что тамъ гибель еще вѣрнѣе, и возвратилась въ палаты. Она была неодѣта; ея не узнали и столкнули съ лѣстницы. Однакожъ она добралась до своихъ комнатъ и ожидала тамъ судьбы своей. За нею вслѣдъ нахлынулъ туда раздраженный народъ Московскій. Нѣсколько минутъ удерживалъ въ дверяхъ толпу вѣрный служитель Марины, Янъ Осмульскій, защищая входъ саблею; наконецъ палъ подъ выстрѣлами, которые ранили смертельно и одну изъ дамъ царицы. Вломившись черезъ трупъ Осмульскаго въ дверь, толпа прекратила убійства и бросилась грабить спальни. Царица еще до этого спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. Нѣкоторые, въ разгарѣ долго сдерживаемаго негодованія, забыли даже о грабежѣ и приступили къ дамамъ съ ругательствами. »Гдѣ царь и царица?« спрашивали они, и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, излили свою досаду на женщинъ. Но тутъ подоспѣли бояре и положили конецъ недостойной сценѣ. Они отвели царицу съ ея дамами въ другую комнату и старались увѣрить ее въ безопас-

ности. Всѣ вещи ихъ спрятали въ кладовыя за печатью и приставили къ покоямъ стражу, чтобъ никто не оскорблялъ женщинъ.

Въ теченіе этого времени Димитрій, разбитый паденіемъ, лежалъ и стоналъ на дворѣ запаснаго при дворцѣ магазина. Стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у Чертольскихъ воротъ услышали его стопы и скоро узнали въ немъ царя. Димитрій убѣждалъ ихъ быть вѣрными въ эту роковую годину, обѣщая имъ великія награды, и стрѣльцы рѣшились сражаться за нею до послѣдняго издыханія. Тутъ подоспѣли къ нимъ приверженцы Шуйскаго, требуя Самозванца; но стрѣльцы встрѣтили ихъ ружейною пальбою. Легко вообразить, съ какимъ чувствомъ услышалъ Димитрій ихъ выстрѣлы! Надежда еще разъ оживила душу его. Два, или три человѣка пало съ противной стороны. Толпа отхлынула назадъ.

Это была минута, грозная для Шуйскаго. Онъ убѣждалъ бояръ, купцовъ и простолюдиновъ докончить начатое дѣло. Воображая самого себя на мѣстѣ Димитрія, онъ толковалъ такъ его чувства: »Мы имѣемъ дѣло не съ такимъ человѣкомъ, который могъ бы забыть малѣйшую обиду. Только дайте ему волю — онъ запоетъ другую пѣсню: передъ своими глазами погубитъ насъ въ жесточайшихъ мукахъ! мы имѣемъ дѣло

не просто съ коварнымъ плутомъ, но съ свирѣпымъ чудовищемъ! Задушимъ, пока оно въ ямѣ! Горе намъ, горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если бестія выползетъ изъ пропасти!« Рѣчь эта возбудила новый жаръ въ тѣхъ до кого ближе касались жизнь и смерть Димитрія. Но, боясь дѣйствовать открытою силою, потому что въ такомъ случаѣ стрѣльцы, сопротивляясь упорно, нашли бы, можетъ быть, себѣ помощниковъ въ толпѣ народа, бояре придумали хитрость: »Пойдемъ«, закричали они, »въ стрѣлецкую слободу, истребимъ семейства стрѣльцовъ, коли не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика!« Хитрость удалась. Усердіе стрѣльцовъ не выдержало испытанія, и они выдали Димитрія.

Торжествующіе приверженцы Шуйскаго потащили тогда Димитрія въ новый, уже разграбленный и обезображенный дворецъ. Въ сѣняхъ онъ увидѣлъ подъ стражею нѣсколько тѣлохранителей своихъ, обезоруженныхъ и печальныхъ. Слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ одному руку, но не могъ выговорить ни слова. Его повели далѣе, въ залу, гдѣ такъ часто пировалъ онъ съ своими приближенными. Вмѣстѣ съ толпою пробрался туда и одинъ изъ плѣнныхъ тѣлохранителей, Ливонскій дворянинъ Вильгельмъ Фирстенбергъ, чтобъ узнать, что будетъ съ царемъ. Но тамъ

скоро замѣтили не — Русскаго свидѣтеля, и одинъ изъ бояръ закололъ его подлѣ самого Димитрія. »Смотри«, говорили Москвичи, »какъ усердны Нѣмецкіе псы: и теперь не покидаютъ его! побьемъ ихъ всѣхъ до послѣдняго!« Но большинство отвергло эту жестокость. Между тѣмъ беззащитнаго Димитрія кололи, щипали и терзали каждый въ свою охоту, потомъ нарядили въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. »Поглядите на царя Всероссійскаго«, говорилъ одинъ: »у меня такой царь на конюшнѣ!« — »А я бы этому царю далъ себя знать!« подхватывалъ другой. Третій, ударивъ его по щекѣ, закричалъ: »Говори, негодяй, кто ты? кто твой отецъ и откуда ты родомъ?« — »Вы всѣ знаете«, отвѣчалъ Димитрій, »что я царь вашъ, сынъ Іоанна Васильевича. Спросите мать мою — она въ монастырѣ, или выведите меня на Лобное мѣсто и дозвольте объясниться.« — »Нечего объясняться«, отвѣчалъ князь Голицынъ: »я былъ у царицы; она отрекается отъ тебя и говоритъ, что ты обманщикъ.« Въ это время народъ тѣснился во дворецъ и спрашивалъ, что говоритъ Польскій шутъ? Ему отвѣчали, что онъ винится въ самозванствѣ и что Нагіе потверждаютъ отреченіе царицы Марѳы. Тогда загремѣла тысяча голосовъ: »Бей его! руби его!« въ палаты ворвался боярскій сынъ, Григорій Валуевъ, и, сказавъ: »Что тол-

ковать съ еретикомъ? вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна!« прострѣлилъ его насквозь изъ пистолета. Другіе спѣшили насладиться удовольствіемъ, котораго такъ долго жаждали: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ, многіе вонзили ему въ животъ ножи; потомъ вытащили изуродованное тѣло въ сѣни и бросили съ крыльца на трупъ Басманова. »Ты любилъ его живого«, говорили убійцы, »не разставайся жъ и съ мертвымъ!«

Неразумная чернь, обыкновенно пристающая къ торжествующей сторонѣ (2), овладѣла бездушными останками того, кто еще такъ недавно былъ ея идоломъ, и, зацѣпя ихъ веревками за ноги, повлекла изъ Кремля на Красную площадь, мимо монастыря царицы Марѳы. То же сдѣлано было и съ вѣрнымъ его слугою, Басмановымъ. На площади тѣло Димитрія положили на короткій столъ, такъ что голова его висѣла съ одного конца, а ноги съ другого. Подъ ноги бросили ему трупъ Басманова и оставили ихъ въ такомъ положеніи для

---

(2) Авр. Палицынъ, 31 · »Уже бо окаянный еретикъ (Димитрій) въ руку всѣхъ свою объятъ и совершенно любимъ отъ всѣхъ. Въ той же день повелѣніемъ Божіимъ вси на него восташа.«

всенароднаго зрѣлища. Тутъ уже не было конца грубому остроумію мѣщанъ и мѣщанокъ. Кто-то принесъ изъ дворца безобразную маску, положилъ на животъ Димитрію и объявилъ шумному сборищу, что она найдена въ комнатахъ царскихъ наложницъ, на мѣстѣ образовъ, которые отысканы подъ кроватью. »Вотъ твой Богъ!« кричали голоса. Другіе старались преобразить его въ уличнаго музыканта: всунули въ ротъ дудку, подъ мышку положили волынку, а въ руку мѣдную деньгу и приговаривали: »Ты часто заставлялъ дудить; теперь дуди самъ въ нашу забаву!« Нѣкоторые сѣкли бездушный трупъ плетьми и восклицали: »Сгубилъ ты наше царство, разорилъ казну, дорогой пріятель Нѣмцевъ!« А Московскіе бабы осыпали, между тѣмъ, царицу всевозможными ругательствами.

Но эти сцены, какъ ни было ужасно ихъ значеніе, можно еще назвать мирными въ сравненіи съ тѣмъ, что совершала въ это время другая часть Московскихъ горожанъ, которой принадлежитъ честь низверженія Самозванца и безчестіе цареубійства. Въ оправданіе старой Москвы, заключавшей въ себѣ много людей добродѣтельныхъ, должно сказать, что большинство народонаселенія, состоящее изъ гражданъ умѣренныхъ и спокойныхъ, ничего не знало о замыслѣ Шуйска-

го. Какихъ людей Шуйскій избралъ орудіями кроваваго своего дѣла, видно уже изъ того, что, когда, во время грабежа дворцовыхъ конюшенъ, они увели 95 лошадей и нельзя было увесть послѣдней, на ту пору захромавшей, то ее убили, содрали кожу, разсѣкли на-четверо и унесли съ собою. Не въ одной столицѣ, но и въ окрестныхъ черныхъ слободахъ подготовлены были жители къ Московскому возстанію, хоть и не была объявлена прямая цѣль его. По первому набату вооруженныя сѣкирами, косами и кольями толпы поселянъ прискакали верхами и на повозкахъ, а иные прибѣжали пѣшкомъ на мѣсто убійствъ и грабежа. Условный крикъ Москвичей: »Поля́ки рѣжутъ бояръ и царя!« обратилъ ярость ихъ и жажду добычи на квартиры Польскихъ жолнеровъ. Иностранцы вовсе не ожидали такой бури, иначе они соединились бы въ крѣпкихъ квартирахъ знатнѣйшихъ Польскихъ пановъ. »Видно, Богъ хотѣлъ отнять у насъ умъ«, говорятъ они въ своихъ запискахъ, »чтобы всѣхъ насъ покарать за гордость, надменность и наглые поступки жолнеровъ изъ царицыной свиты: на пути къ Москвѣ они грабили королевскихъ подданныхъ и отвсюду слышали проклятія....« Такого-то сорту были, по большей части, люди, нахлынувшіе въ Москву съ Мнишками. Въ дорогѣ они до того нагло обходились съ Русскими

поселянами, что старшіе принуждены были, для обузданія ихъ, учредить особенныхъ судей, »которыхъ однако«, замѣчаетъ очевидецъ, »никто не слушалъ«. Теперь они получили достойную кару по дѣламъ своимъ. Но было много жертвъ невинныхъ и достойныхъ сожалѣнія. Такъ во дворцѣ и по квартирамъ, въ самомъ Кремлѣ, погибло человѣкъ до ста музыкантовъ и пѣсенниковъ, которые, по свидѣтельству Нѣмецкаго пастора, были люди благонравные и въ своемъ дѣлѣ весьма искусные. Женъ ихъ и дочерей горожане отводили въ свои дома, но не изъ состраданія.... Воевода Мнишекъ не могъ подать помощи своему зятю: ворота его квартиры завалены были снаружи колодами и всякою всячиною. Жолнеры его выстроились, однакожъ, въ боевой порядокъ и хотѣли пробиться на конях въ крѣпость, но скоро убѣдились въ невозможности этой попытки: улицы были заставлены рогатками и кипѣли буйными толпами народа. Также поступилъ и князь Вишневецкій: сѣвъ на коней съ своими людьми, онъ хотѣлъ пробиться въ крѣпость или ускользнуть въ поле: но, узнавъ о смерти царя и гибели многихъ Поляковъ, рѣшился остаться въ домѣ и спасти себя упорною защитою. Завязалась рѣзня на обоихъ дворахъ. Русскіе хотѣли вломиться въ ворота и, неумѣя владѣть оружіемъ какъ Поляки, падали въ

свалкѣ кучами; наконецъ привезли пушки и открыли пальбу, но и тутъ, въ-торопяхъ, или отъ неумѣнья, пушкарь навелъ большую пушку такъ, что вмѣсто Поляковъ прорѣзалъ въ толпѣ своихъ цѣлую улицу. Бояре, управясь съ Димитріемъ, спѣшили унимать буйство черни — орудія болѣе не нужнаго — и, отогнавъ ее не безъ труда, приставили къ воротамъ квартиръ Мнишка, Вишневецкаго, къ посольскому и къ другимъ домамъ охранительную стражу. Но, пока они подоспѣли, совершено было много кровавыхъ дѣлъ. Нѣкоторые паны, повѣривъ клятвамъ осаждающихъ, что будутъ оставлены въ покоѣ, выдали оружіе и были изрублены въ куски; другіе защищались до послѣднихъ силъ и пали въ сѣчѣ. Чернь не отваживалась нападать на многолюдныя квартиры, но гдѣ находила десятокъ, или немного болѣе Поляковъ вмѣстѣ, побивала всѣхъ безъ пощады. Чтобъ дать понятіе объ отвратительномъ характерѣ этихъ убійствъ — хотя всякое убійство отвратительно, — приведемъ расказъ очевидца, пастора Бера.

»Одинъ благородный Полякъ, пробужденный тревогою, вскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и, взявъ кошелекъ съ сотнею червонцевъ, кинулся въ погребъ и зарылся тамъ въ песокъ. Русскіе, думая, что въ погребу закопаны сокровища, нашли его. Бросивъ имъ

свой кошелекъ, онъ молилъ объ одной жизни, отдавался въ плѣнъ, увѣрялъ, что не знаетъ за собой никакой вины ни противъ царя, ни противъ народа, предлагалъ все свое имѣніе въ Москвѣ и въ Польшѣ, просилъ только отвести его во дворецъ, гдѣ онъ дастъ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Его вывели изъ погреба. На дворѣ онъ увидѣлъ своихъ людей, раздѣтыхъ до нага и изрубленныхъ. Принужденный идти по трупамъ ихъ, этотъ добрый человѣкъ погрузился въ печаль невыразимую. Съ какою горестью смотрѣлъ онъ! какъ тяжки были вздохи его! Между тѣмъ встрѣтился одинъ Москвичъ и закричалъ: »Бей этого...!« Несчастный Полякъ кланялся ему почти до земли и умолялъ ради Бога пощадить жизнь его такими словами, которыя бы смягчили самый камень; видя же непреклонность злодѣя, сталъ просить именемъ Святаго Николая и Пречистой Дѣвы Маріи. Жестокосердый Москвичъ ударилъ его саблею. Тутъ вырвался несчастный изъ рукъ проводниковъ, отскочилъ назадъ, снова поклонился и воскликнулъ: »О Москвичи! вы называетесь Христіянами: гдѣ же Христіянское ваше милосердіе? Пощадите меня ради святой вѣры вашей, »ради жены и дѣтей моихъ, покинутыхъ мною въ отечествѣ!« Все было напрасно. Убійца разсѣкъ ему плечо; кровь полилась ручьями. Отчаянный Полякъ

бросился бѣжать. Злодѣи догнали и изрубили его, онъ умеръ въ жестокихъ мукахъ; потомъ бросились на трупъ и поссорились другъ съ другомъ за рубашку убитаго. Я самъ былъ тому свидѣтелемъ.«

Это былъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ дней, какіе только помнитъ исторія. Шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ, раздавались ружейные выстрѣлы, стукъ оружія, топотъ коней, грохотъ колесъ и крики ожесточеннаго народа: »Сѣки, руби подлыхъ Ляховъ!« Наконецъ, къ 11 часамъ, бояре успѣли прекратить рѣзню. Народъ удовлетворилъ жаждѣ мщенія, упился кровью ненавистныхъ гостей своихъ и винами ихъ погребовъ. Послѣ кровавой бури настало время буйной радости. Каждый хвалился своими подвигами (3), забывая, что они куплены не дешевою цѣною въ настоящемъ, и не предчувствуя, что слѣдуетъ за ними въ будущемъ. По однимъ извѣстіямъ, Поляковъ было убито тогда 1,200

---

(3) **Авр. Палицынъ, 31, 32**: »Весь же народъ Московскій отъ радости дадеся піянству, и вмѣсто благодаренія еже къ Богу, всякъ кождо своимъ промысломъ и храбрствомъ величахуся.« — **Беръ, 91**: »Довольно было пищи и самохваламъ: »Кому устоять противъ насъ, Москвитянъ? »намъ числа нѣтъ! цѣлый свѣтъ не сладитъ! все должно »покориться намъ!«

человѣкъ, а Русскихъ 400; по другимъ, однихъ Поляковъ 2,135 человѣкъ; а иные полагаютъ 1,500 Поляковъ и 2,000 Москвичей.

На другой день бояре возвратили Марину отцу ея, но содержали ихъ вмѣстѣ съ другими Поляками подъ стражею и потомъ отправили, до рѣшенія дѣла, въ Ярославль, откуда престарѣлый честолюбецъ возвратился, черезъ два года, на родину, а дочь его, не желая разстаться съ царскимъ титломъ, закружилась въ новомъ вихрѣ народныхъ смятеній; наконецъ очутилась въ Московской тюрьмѣ и умерла тамъ самою горестною смертью.

Совершивъ свой многосложный подвигъ — уничтоживъ трехъ царей сряду, къ безчестію своему и къ бѣдствію отечества, — Шуйскій вкусилъ, наконецъ, плодъ тяжкихъ заботъ своихъ, плодъ горестный, какъ оказалось въ послѣдствіи: 19 мая собрались на Красной площади всѣхъ сословій Московскіе жители, и, едва зашла рѣчь о собраніи земской думы для избранія царя, партія Шуйскаго, не давъ пойти въ ходъ этой мысли, поспѣшила провозгласить его царемъ (4).

---

(4) Авр. Палицынъ, 34: »Малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть царемъ Шуйскій.«

Народъ остался въ недоумѣніи, что съ нимъ дѣлаютъ. Царская власть, въ которую Годуновъ облекся послѣ столькихъ всенародныхъ моленій и которая утвердилась за Димитріемъ, въ силу добровольнаго признанія его сыномъ Іоанна Грознаго, теперь была дерзостно схвачена рукою стараго крамольника и, соединясь съ его именемъ, безъ участія народа, потеряла священное свое значеніе. Большинство, вѣрное Димитрію до самого возстанія, скоро отрезвилось отъ одуряющаго чаду внутренняго переворота, и, какъ, не смотря на усилія боярской партіи, вѣра въ истину происхожденія царя далеко не у всѣхъ была поколебана, то многіе чувствовали, что сдѣлано дѣло, какъ говорится, *не чистое*. Этимъ объясняются странные слухи о Димитріевомъ тѣлѣ, ходившіе по городу. Расказывали, что по ночамъ сіялъ надъ нимъ какой-то свѣтъ, который изчезалъ, когда къ нему приближались, и вновь сіялъ, когда отходили въ сторону. А когда его отвезли за городъ и бросили въ *Божій домъ* вмѣстѣ съ другими мертвецами, ожидавшими погребенія, оно на другой день очутилось при входѣ. Надъ нимъ сидѣли два голубя, которые тотчасъ улетали, когда кто приближался, и снова садились, когда никого не было. Бояре приказали зарыть его въ землю; но на утро нашли его на другомъ кладбищѣ, далеко отъ Божьяго до-

ма. Ужасъ нашелъ на Москвичей. Одни считали по-
койника чернокнижникомъ, другіе »человѣкомъ не-
обыкновеннымъ«, котораго кровь вопіетъ къ Богу объ
отмщеніи. Чтобъ прекратить вредные толки, бояре
Шуйскаго распорядились сжечь останки Самозванца
и пепелъ развѣять по вѣтру. Но лучше было бы для
нихъ и для Россіи, если бъ они набальзамировали уби-
таго хищника престола и сохранили во свидѣтельство
дѣйствительности его смерти; гораздо безопаснѣе бы-
ло бы для нихъ даже и тогда, когда бъ они, обнару-
жа родъ и племя мнимаго Димитрія, не умертвили его
и держали въ крѣпкомъ заточеніи: ибо умы просто-
людиновъ, потерявъ всякой слѣдъ Димитрія, своро-
тили на болѣе опасную дорогу. Еще въ первый день
мятежа пронеслась вѣсть, что убитъ былъ не Дими-
трій, а простой Нѣмецъ, на него похожій. Можетъ
быть, Поляки, чтобы встревожить Шуйскаго, распу-
стили въ народѣ эту молву; но она расширялась съ
чудовищною быстротою, такъ что скоро стали рас-
казывать съ разными вѣроятными подробностями, ко-
гда, какъ и куда бѣжалъ Димитрій. Чего желаютъ,
тому вѣрятъ. Къ Шуйскому не лежала душа народа;
большинство было предано храброму, дѣятельному,
и щедрому Димитрію. О его низкомъ обманѣ никто

уже не помнилъ; этотъ обманъ не оскорблялъ ужъ болѣе народной гордости. И вотъ пошла и пошла расти въ Москвѣ и въ областяхъ старая сказка на новый ладъ, сказка, которую Шуйскій избралъ для низверженія Годунова, а судьба — для низверженія самого Шуйскаго.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе. V

ГЛАВА I.

Характеръ Ѳеодора, преемника Іоанна Грознаго. — Раздѣленіе бояръ на партіи. — Димитрій удаляется въ Угличъ. — Замыселъ Бѣльскаго и возстаніе противъ него народа. — Шуйскіе. — Возвышеніе Годунова. — Шуйскіе дѣйствуютъ противъ него посредствомъ Мстиславскихъ. — Мстиславскій падаетъ; Шуйскіе дѣйствуютъ рѣшительнѣе. — Митрополитъ Діонисій миритъ ихъ съ Годуновымъ. — Торговые люди. — Шуйскіе сломлены; Діонисій лишенъ сана и заточенъ. — Митрополитъ Іовъ 1

ГЛАВА II.

Стран.

Дѣятельность Годунова. — Учрежденіе въ Россіи патріаршества. — Шуйскіе и другіе бояре дѣйствуютъ съ Годуновымъ за-одно. — Опасенія ихъ касательно воцаренія Димитрія Угличскаго. — Убіеніе Димитрія. — Стремленіе Годунова къ престолу. — Пожаръ въ Москвѣ. — Нашествіе хана и битва подъ Москвою. — Происхожденіе крестьянъ и укрѣпленіе ихъ за помѣщиками. — Смерть Ѳеодора и постриженіе Ирины. — Интриги Годунова во время избранія его въ цари. 15

ГЛАВА III.

Борисъ еще притворствуетъ. — Крестоцѣловальная запись. — Въѣздъ въ столицу. — Ѳеодоръ и Ксенія, дѣти Борисовы. — Серпуховское ополченіе. — Устройство пограничной стражи. — Бивуаки подъ Серпуховымъ. — Ханскіе послы. — Царское вѣнчаніе. — Милости. — Отрепьевъ подъ тайнымъ покровительствомъ бояръ. — Подозрѣнія Борисовы. — Ссылка Бѣльскаго. — Доносы. — Ссылка Романовыхъ, Черкаскихъ и другихъ. — Отрепьевъ уходитъ изъ Москвы. — Заботливость Борисова о ссыльныхъ. — Душевныя страданія его. — Шуйскіе. — Шведскій принцъ Густавъ. — Датскій королевичь Іоаннъ. — Отрепьевъ странствуетъ по монастырямъ и лѣсамъ. — Молитва о царѣ, обнародованная Борисомъ. — Иностранная гвардія. — Ро-

Стран.

нотъ народа. — Отрепьевъ діакономъ въ Чудовскомъ монастырѣ 49

ГЛАВА IV.

Государственная дѣятельность Годунова. — Окончательное покореніе Кучюмовой орды. — Новые города въ Сибири. — Подчиненіе Ногаевъ. — Дѣла въ Грузіи. — Отношеніе Годунова къ Персіи, Крыму, Турціи и государствамъ Европейскимъ. — Мысль о просвѣщеніи Россіи. — Голодъ. — Моръ. — Слѣдствія голода и закрѣпощенія крестьянъ и вольныхъ слугъ. — Заселеніе Литовской украйны. — Разбои. — Самозванецъ измѣняетъ своей тайнѣ. — Бѣгство его въ Литву. — Онъ въ Кіевѣ. — Онъ на Волыни. — Учится въ Гащинской школѣ. — Отправляется на Запорожье 94

ГЛАВА V.

Происхожденіе Запорожскихъ козаковъ и исторія ихъ до Самозванца. — Описаніе ихъ страны и селитьбы. — Самозванецъ на Дону. — Происхожденіе Донскихъ козаковъ и отношенія ихъ къ Московскому Государству. — Самозванецъ вступаетъ въ службу къ князю Вишневецкому. — Бытъ Польскихъ и Литовскихъ пановъ. — Самозванецъ открываетъ мнимое свое имя. — Паны принимаютъ въ немъ участіе. — Юрій Мнишекъ сносится съ Рангони. — Самозванецъ въ Краковѣ. — Перемѣна вѣры. — Аудіенція у короля. — Панна Марина. — Сватовство. — Мѣры, принятыя Годуновымъ. —

Стран.

Знаменія. — Ополченіе Самозванца. — Походъ въ Рос-
сію 127

ГЛАВА VI.

Раздѣленіе украинскихъ городовъ. — Взглядъ на Сѣверскую область и ея населеніе. — Моравскъ и Черниговъ поддаются Отрепьеву. — Осада Новагорода Сѣверскаго. — Мужество Басманова. — Поддача Путивля и другихъ городовъ. — Монахъ Леонидъ. — Собраніе рати. — Проклятіе Отрепьева. — Мстиславскій идетъ къ Новугороду Сѣверскому. — Битва. — Запорожцы. — Отступленіе царской рати. 173

ГЛАВА VII.

Посылка Бориса къ войску. — Неудовольствія Поляковъ. — Удаленіе большей части ихъ въ отечество. — Почести Басманову. — Василій Шуйскій главный начальникъ въ войскѣ. — Дѣло при Добрыничахъ. — Большая часть Запорожцевъ оставляетъ Отрепьева. — Бѣгство его въ Путивль. — Новая помощь съ Дону. — Казнь Сѣверянъ. — Кручина отъ царя войску. — Осада Кромъ. — Подсылка въ Путивль отравителей. — Смерть Бориса Годунова. — Присяга Ѳеодору Борисовичу. — Перемѣна воеводъ. — Измѣна Басманова и всего войска. — Отрепьевъ идетъ къ столицѣ. — Измѣна Москвичей. — Сверженіе Ѳеодора съ престола. — Присяга Димитрію. — Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. — Цареубійство и его истинные виновники. 201

ГЛАВА VIII.

Стран.

Первыя распоряженія новаго царя. — Басмановъ и родовитые бояре. — Вступленіе Димитрія въ Москву. — Образованіе совѣта. — Милости опальнымъ Борисова времени. — Пощада Годуновыхъ. — Новый патріархъ. — Царица Марѳа. — Вѣнчаніе. — Правительственная дѣятельность Димитрія. — Отпускъ иноземной дружины. — Отступленія отъ Русскихъ обычаевъ. — Образъ жизни Димитрія. — Внушенія бояръ народу. — Неудовольствія. — Василій Шуйскій. — Новыя обличенія. — Иноземные тѣлохранители. 232

ГЛАВА IX.

Сношенія съ Польшею, Римомъ и другими иноземными государствами. — Обрученіе съ Мариною Мнишекъ. — Тайныя сношенія бояръ съ королемъ. — Мелительность Мнишка. — Ксенія. — Приготовленія къ войнѣ съ Турками. — Маневры. — Казнь стрѣльцовъ и дьяка Осипова. — Гибель многихъ людей за толки о самозванствѣ царя. — Самозванецъ Петръ. — Татищевъ. — Путешествіе Мнишка. — Представленія Мнишка въ Золотой Палатѣ. — Пиры. — Въѣздъ Марины въ Москву 264

ГЛАВА X.

Заговоръ Шуйскаго. — Польскіе послы. — Сопротивленіе браку со стороны духовенства. — Новыя при-

Стран.

чины къ неудовольствіямъ народа. — Свадьба и коронація Марины. — Столкновеніе національностей. — Наглость Поляковъ. — Дѣйствія заговорщиковъ. — Дерзкія рѣчи на площади. — Доносы. — Явные признаки мятежа. — Безпечность Димитрія. — Ночь съ 16 на 17 мая. — Мятежъ. — Смерть Басманова. — Безсильный гнѣвъ, отчаяніе, бѣгство Димитрія. — Марина пощажена. — Стрѣльцы сражаются за царя. — Рѣчь Шуйскаго. — Убійство Димитрія. — Поруганіе тѣла Димитріева. — Избіеніе Поляковъ. — Бояре утишаютъ мятежъ. — Судьба Марины. — Избраніе Шуйскаго въ цари. — Разсказы о Димитріевомъ тѣлѣ. — Сожженіе его останковъ. — Слухи о его спасеніи. . 297

Центр. Музей Древ. Письм.
№ 1768
БІБЛІОТЕКА
1430

ус
к-90

Цѣна одинъ рубль пятьдесятъ коп. сер., а съ пересылкою въ другіе города 2 рубля.

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ П. А. КУЛИША:

Записки о Жизни Гоголя, въ 2-хъ томахъ. Ц. 4 р., а съ пересылкою 5 р.

Записки о Южной Руси, въ 2-хъ томахъ. Ц. 4 р., а съ пересылкою 5 р.

Проповѣди на Малороссійскомъ Языкѣ, протоіерея Гречулевича, изданіе второе, исправленное (и почти вновь написанное). Ц. 1 р., а съ пересылкою 1 р. 50 к.

Историческій романъ на Малороссійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Чóрна Рáда. Хрóнiка 1663 рóку*. Ц. 3 р., а пересылкою 4 р.

Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя, въ 6-ти томахъ. Ц. 12 р., а пересылкою 15 р.

Размышленія о Божественной Литургіи, Н. В. Гоголя, Ц. 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 50 к.

Печатаются:

1) *Писáння Григорія Квiтки (Основяненка)*. въ 2-хъ томахъ. (Сюда войдутъ всѣ писанныя по-Малороссійски *повѣсти и комедіи Грицькá Основяненка*, съ примѣчаніями и введеніемъ издателя.)

2) *Нарóднi Оповiдáння Мáрка Вовчкá*.

Всѣ эти книги можно получать, адрессуясь на имя из
дателя, Пантелеймона Александровича Кулиша, въ С. П
тербургѣ, въ Николаевской улицѣ, въ собственной ти
графіи, въ домѣ г-жи Яценковой.